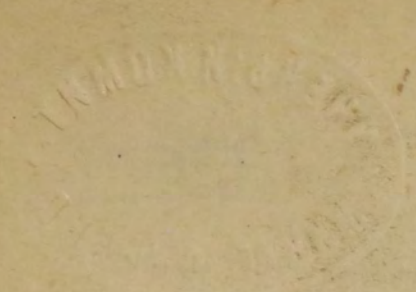

11650.

С
Б
С
С

11650

~~1017~~
+

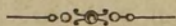
Н. Я. ДАНИЛЕВСКИЙ.

~~10,700.~~

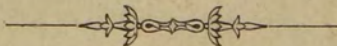
О НИЗКОМЪ КУРСѢ НАШИХЪ ДЕНЕГЪ

И НОВЫХЪ ИСТОЧНИКАХЪ

ГОСУДАРСТВЕННЫХЪ ДОХОДОВЪ.

ИЗДАНИЕ МЕРКУРИЯ КОМАРОВА.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія М. М. Стасюлевича, Вас. Остр., 2 л., 7.

1886.

Библиотека ИМФ СССР

39

К

ТИПОГРАФІЯ
10100

10100

62360

Предлагаемое читателямъ изслѣдованіе покойнаго Н. Я. Данилевскаго было напечатано въ «Русскомъ Вѣстникѣ» (1882 г. №№ 8 и 9) и издается отдѣльно по просьбѣ и желанію многихъ лицъ, интересующихся и предметомъ, и чрезвычайно важною мыслей автора, изложенныхъ съ свойственною ему ясностью и основательностью.

Въ концѣ присоединена небольшая статья: «Питейное дѣло, какъ источникъ поправленія нашихъ финансовъ» П. Н. Семенова, содержащая подтвержденіе мнѣній Н. Я. Данилевскаго цифровыми данными и развитіе его плана. Статья эта была просмотрѣна Н. Я. и заслужила его одобреніе.

Ред.

НѢСКОЛЬКО МЫСЛЕЙ

ПО ПОВОДУ

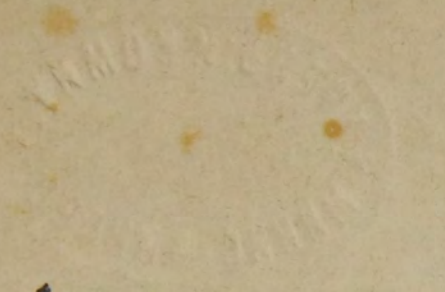
НИЗКАГО КУРСА НАШИХЪ БУМАЖНЫХЪ ДЕНЕГЪ

И НѢКОТОРЫХЪ ДРУГИХЪ

ЭКОНОМИЧЕСКИХЪ ЯВЛЕНІЙ И ВОПРОСОВЪ

Н. Я. Данилевскаго.

ИЗДАНИЕ ПЕРВОЕ

1900

ПЕЧАТНИКОВЪ ПЕТЕРБУРГЪ

ИЗДАТЕЛЬСТВО

САНКТ-ПЕТЕРБУРГЪ

ИЗДАТЕЛЬСТВО

Предъ Крымскою войной нашъ бумажный рубль былъ вполне и совершенно равнозначашъ рублю металлическому, ибо они совершенно свободно мѣнялись другъ на друга не только въ казначействахъ и банковыхъ учрежденіяхъ, но и всякимъ частнымъ лицомъ. Съ того времени размѣнъ сталъ затрудняться, цѣна кредитныхъ денегъ падать, и хотя временно иногда и возвышалась, но въ общемъ постоянно становилась все ниже и ниже, а металлическія деньги вовсе исчезли изъ внутренняго обращенія. Это явленіе постоянно обращало на себя общее вниманіе, и можно утвердительно сказать, что едва ли есть въ Россіи одна газета или одинъ журналъ, если они не совершенно спеціальнаго содержанія, которые бы по нѣскольку разъ въ годъ не возвращались къ этому предмету.

Мнѣнія раздѣлились на два рѣзко противоположные лагеря: одни, правовѣрные экономисты, приписываютъ паденіе курса бумажныхъ денегъ излишнему ихъ выпуску, тому, что количество ихъ, находящееся въ обращеніи, превосходитъ дѣйствительную въ нихъ потребность; другіе, большею частію практики, утверждаютъ, что не только находящихся въ обращеніи денежныхъ

знаковъ не слишкомъ много, а напротивъ того, что ихъ не хватаетъ для экономическихъ оборотовъ страны, а что если курсъ ихъ низокъ, то единственно вслѣдствіе невыгодности нашего торговаго баланса, понимая подъ этимъ послѣднимъ не одно отношеніе между вывозомъ и ввозомъ товаровъ, но вообще отношеніе между всѣми международными расплатами. Другими словами: первые въ низкомъ курсѣ бумажныхъ денегъ видятъ самостоятельную болѣзнь, которую слѣдовательно и лѣчить можно и должно прямо, непосредственно устраняя ихъ излишество какъ единственную причину ихъ низкой цѣны; вторые же видятъ въ этомъ низкомъ курсѣ только симптомъ другой болѣе общей болѣзни, болѣе общаго разстройства экономического порядка вещей, которое не допускаетъ прямого непосредственнаго лѣченія, состоящаго въ уменьшеніи количества денежныхъ знаковъ, находящихся въ обращеніи.

Которое же изъ этихъ двухъ мнѣній справедливо, кто правъ и кто не правъ? Вопросъ самой существенной важности, отъ правильнаго рѣшенія котораго зависитъ экономическая, а слѣдовательно въ значительной мѣрѣ и политическая будущность Россіи.

При размышленіи объ этомъ предметѣ мнѣ представились соображенія, которыя, казалось мнѣ, освѣщаютъ этотъ спорный вопросъ до такой ясности и очевидности, что сомнѣнія въ правильномъ его рѣшеніи быть не можетъ. Этотъ общій вопросъ разлагается на нѣсколько частныхъ, а именно: Въ чемъ заключается сущность низкаго курса денегъ и того спеціальнаго вреда, который онъ приноситъ странѣ? Отъ какихъ причинъ можетъ онъ происходить вообще и какія именно дѣйствуютъ въ

настоящее время у насъ? И, наконецъ, какія должно употребить средства для излеченія нашего экономическаго недуга? Но эти частные вопросы находятся въ такой взаимной связи, что, хотя я и постараюсь дать отвѣты на каждый изъ нихъ, однакоже считаю неудобнымъ разсматривать ихъ въ строгой раздѣльности. Такъ какъ я пишу не для присяжныхъ экономистовъ, а для публики вообще, въ журналъ съ неспеціальнымъ, а съ общимъ содержаніемъ, то считаю необходимымъ входить иногда въ объясненія самыя элементарныя, которыя лицамъ, спеціально знакомымъ съ предметомъ, должны показаться скучными, общеизвѣстными и излишними, но изъ которыхъ однакоже, не смотря на ихъ общеизвѣстность, выводятся часто самыя неправильныя заключенія.

I.

Съ общей теоретической точки зрѣнія, обѣ означенныя причины, то-есть и излишекъ денежныхъ знаковъ въ обращеніи, и невыгодный торговый или, точнѣе, расчетный балансъ, могутъ привести къ невыгодному низкому курсу. Чтобъ уяснить себѣ этотъ вопросъ и опредѣлить, которая же изъ этихъ причинъ въ данномъ случаѣ дѣйствуетъ, надо вникнуть, какимъ именно образомъ каждая изъ этихъ причинъ вліяетъ на пониженіе цѣнности денегъ. Положимъ, что 800 милліоновъ рублей было бы вполне достаточно для всѣхъ денежныхъ оборотовъ въ предѣлахъ Русской Имперіи и что каждый рубль при данныхъ условіяхъ могъ обернуться среднимъ числомъ десять разъ въ теченіе года. Годовой оборотъ былъ бы тогда въ 8 милліардовъ рублей (число

это очевидно слишком мало, но мы имъ пользуемся только въ видѣ примѣра). Но пусть въ дѣйствительности находится не на 800, а на 1.000 милліоновъ рублей денежныхъ знаковъ. Тогда каждому рублю приходится среднимъ числомъ обращаться только восемь разъ вмѣсто возможныхъ десяти разъ, слѣдовательно каждый рубль производилъ бы только $\frac{4}{5}$ той работы, къ которой онъ способенъ, или $\frac{1}{5}$ времени будетъ лежать непроизводительно, не принося владѣльцу своему пользы, т. е. дохода, или $\frac{1}{5}$ всего числа рублей, т. е. 200 милліоновъ, сдѣлавшись излишними, перестанутъ обращаться. Но, такъ какъ на дѣлѣ ни то, ни другое невозможно, то происходитъ третье, т. е., что всѣ 1.000 милліоновъ будутъ стремиться упасть на $\frac{1}{5}$ своей цѣны, то-есть обратиться изъ 1.000 въ 800 милліоновъ. Все обозначенное здѣсь точными цифрами на дѣлѣ далеко не имѣетъ такой точности, и паденіе цѣнности можетъ произойти и въ гораздо сильнѣйшей, и въ гораздо слабѣйшей пропорціи, по причинамъ, которыя будутъ изложены ниже. Но, какъ бы то ни было, лишнихъ бесполезныхъ работниковъ, будутъ ли то люди, скотъ, машины или деньги, никто держать не захочетъ и постарается отъ нихъ отдѣлаться возможно для себя выгоднымъ образомъ. Людей (невольниковъ, крѣпостныхъ) отпустить на оброкъ, скотъ и машины продадутъ, а рубли, если они металлическіе, препроводятъ за границу—конечно не даромъ, а купивъ на нихъ или разные полезные продукты, или приносящія доходъ бумаги; если же они кредитные неполноцѣнные и хода за границей не имѣющіе, именно потому, что они лишніе, то положить въ банки, чтобъ они приносили проценты. Но

и банкамъ съ ними дѣлать нечего; имъ нельзя будетъ ихъ выпустить въ оборотъ, какъ полноцѣнные рубли, чтобъ они что-нибудь зарабатывали, потому что въ нихъ не ощущается потребности. Слѣдовательно, банкъ будетъ стараться всѣми мѣрами избавиться отъ притока этихъ лишнихъ рублей, на что имѣется только одно средство — убавить платимый за нихъ процентъ. Слѣдовательно, если въ странѣ лишнее количество такихъ денежныхъ знаковъ, которые не могутъ уходить за границу, какъ полноцѣнныя единицы, то банковый процентъ долженъ понизиться. Но если въ странѣ есть дѣйствительно лишніе денежные знаки, они, не смотря на пониженіе процента, все-таки будутъ скопляться въ банкахъ, и казнѣ не трудно будетъ приобрести излишекъ въ свои руки съ уплатой низкихъ процентовъ, и потому она будетъ имѣть возможность обратить безпроцентный долгъ въ процентный на выгодныхъ для себя условіяхъ, какъ говорятъ, консолидировать его по весьма низкому проценту, и тогда съ устраненіемъ причины должно бы устраниться и слѣдствіе, то-есть кредитнымъ билетамъ должна бы вернуться ихъ полная цѣнность.

Существуетъ ли у насъ что-нибудь подобное, скопляются ли деньги въ банкахъ, низокъ ли банковый процентъ? Совершенно наоборотъ. Проценты высоки, и банкъ находилъ нужнымъ въ недавнее еще время выпускать новые кредитные билеты, дабы удовлетворять нуждамъ торговли въ денежныхъ знакахъ, а теперь считается необходимымъ уплата казной въ теченіе 8 лѣтъ, ежегодно по 50 милліоновъ Государственному Банку, дабы онъ имѣлъ возможность оказывать должное содѣйствіе торговлѣ и промышленности.

Изъ сказаннаго слѣдуетъ:

1) Что излишній выпускъ денежныхъ знаковъ можетъ дѣйствительно понизить ихъ цѣнность.

2) Что при такомъ излишествѣ денежныхъ знаковъ банковый процентъ долженъ понизиться.

3) Что происходящее отъ этой причины паденіе цѣны бумажныхъ денегъ есть въ сущности болѣзнь не очень опасная и тяжелая, и, если только не выпускается безпрерывно новыхъ кредитныхъ билетовъ, то вылечивается сама собою, скопленіемъ излишнихъ бумажныхъ денегъ въ рукахъ правительства, которое имѣетъ полную возможность уничтожить этотъ излишекъ, обративъ часть своего безпроцентнаго долга въ процентный за невысокій процентъ.

4) Что этихъ признаковъ излишества денежныхъ знаковъ въ настоящее время въ Россіи не существуетъ, и что уже по одному этому должно искать другихъ причинъ упадка цѣнности нашего кредитнаго рубля.

Можно еще другимъ образомъ доказать, что количество обращающихся у насъ денежныхъ знаковъ не только не излишне, но что оно недостаточно и далеко не удовлетворяетъ потребности въ нихъ. Практическіе люди чувствуютъ это непосредственно, такъ сказать, чутьемъ или инстинктомъ, но теоретики не хотятъ съ этимъ согласиться, ибо по ихъ теоріи имъ кажется, что иначе нельзя себѣ объяснить паденія цѣнности нашихъ кредитныхъ билетовъ. Не принимаютъ они въ расчетъ и признаковъ, прямо указывающихъ на недостатокъ денегъ, какъ, на примѣръ, что купоны разныхъ процентныхъ бумагъ начинаютъ ходить какъ деньги. Если имѣется достаточное количество какого-либо предмета потребленія,

станутъ ли прибѣгать къ его суррогату, замѣняющему его съ большею или меньшею невыгодой? Если довольно чистой муки, станутъ ли подмѣшивать въ нее толченую древесную кору? Еслибъ у насъ было достаточно золота, прибѣгли ли бы мы къ кредитнымъ билетамъ? Но если это такъ, то точно также, если у насъ достаточно кредитныхъ билетовъ, не станутъ прибѣгать для восполненія ихъ къ купонамъ процентныхъ бумагъ, которые во всѣхъ отношеніяхъ худшіе замѣстители денегъ, чѣмъ кредитные билеты.

Но это только къ слову, доказательство же мое состоитъ въ слѣдующемъ:

Во Франціи приходится кругомъ металлическихъ денежныхъ знаковъ по 200 франковъ на душу и сверхъ того обращается еще значительное количество банковыхъ билетовъ, которые размѣнны франкъ на франкъ и въ которыхъ слѣдовательно не чувствуется излишества. Сумма этихъ обращающихся билетовъ доходитъ до 2.800 милліоновъ франковъ, что еще составитъ по 76 франковъ на душу. Но оставимъ эти послѣднія безъ вниманія. Какое же количество денежныхъ знаковъ приходится на душу въ Россіи? Кредитныхъ билетовъ у насъ на 90.000.000 населенія 1,400 милліоновъ рублей. Для сравненія надо перевести рубли на франки. Во сколько же франковъ считать рубль? Въдѣ рубли наши кредитные неполноцѣнны, и четырехъ франковъ не стоятъ; по курсу рубль равняется 2,₆₀ фр., но стоимость ихъ на внутреннемъ рынкѣ выше, какъ покажемъ въ послѣдствіи, хотя точно опредѣлить эту цѣнность невозможно. Мы примемъ поэтому среднюю величину, ту, которая лучше соотвѣтствуетъ круглымъ цифрамъ, въ 3,₂₀ фран-

ковъ. Если тутъ и есть ошибка, то не большая и для нашей цѣли не имѣющая значенія. Такимъ образомъ, количество находящихся у насъ въ обращеніи денежныхъ знаковъ выразится приблизительно суммой въ 4 миллиарда 500 милліоновъ франковъ, что дастъ всего 50 франковъ на душу, т. е. въ четыре раза менѣе, чѣмъ звонкой монеты во Франціи. На это возразятъ, что сумма годовыхъ оборотовъ во Франціи гораздо больше нашей. Совершенно справедливо, но за то обращеніе денежныхъ знаковъ у насъ гораздо медленнѣе. Теоретически количество потребныхъ въ странѣ денежныхъ знаковъ можетъ быть выражено такъ: оно должно равняться суммѣ годовыхъ оборотовъ s , дѣленной на среднее число обращеній денежной единицы n , то-есть $= \frac{s}{n}$. Это количество будетъ тѣмъ больше, чѣмъ больше числитель дроби, или чѣмъ меньше ея знаменатель. Числитель, очевидно, во Франціи значительно больше, чѣмъ въ Россіи, но за то знаменатель въ Россіи гораздо меньше. Какъ велика роль этого знаменателя, показываетъ сравненіе между количествами денежныхъ знаковъ во Франціи и въ Англіи. Во Франціи приходится, какъ мы сказали, 200 франковъ на душу, а въ Англіи только 80 франковъ, между тѣмъ какъ сумма оборотовъ въ Англіи гораздо больше, по крайней мѣрѣ вдвое, чѣмъ во Франціи. Итакъ необходимо, чтобы въ Англіи денежная единица обращалась въ пятеро быстрѣе, чѣмъ во Франціи. Но не очевидно ли, что средняя быстрота денежнаго обращенія въ Россіи сравнительно съ Франціей будетъ медленнѣе въ сильнѣйшей пропорціи, чѣмъ во Франціи сравнительно съ Англіей? Чтобы убѣдиться въ этомъ, вникнемъ нѣсколько въ условія, опредѣляющія быстроту денежнаго обращенія.

Прежде всего, величина страны, отъ которой, конечно, зависитъ пространство, пробѣгаемое среднимъ числомъ денежною единицей (какъ при торговыхъ оборотахъ, такъ и при другихъ расплатахъ), замедляетъ денежное обращеніе; то же самое дѣлаетъ и меньшая плотность населенія. Но Франція только вдвое больше Англии, населеніе же ея менѣе чѣмъ вдвое рѣже англійскаго, а пространствомъ одна Европейская Россія въ десять разъ превосходитъ Францію, населеніе же ея раза въ три или четыре рѣже. Но вѣдь и Сибирь, по крайней мѣрѣ южная, и Закавказье, и Туркестанскій край требуетъ денегъ; но какъ медленно онѣ туда доходятъ, какъ медленно тамъ обращаются, какъ медленно оттуда возвращаются! Затѣмъ, очевидно, что быстрота денежнаго обращенія находится въ обратномъ отношеніи съ развитіемъ путей сообщенія (желѣзныхъ дорогъ и пр.) и путей сношенія (телеграфовъ, почтъ). И въ этомъ отношеніи Россія въ сильнѣйшей степени уступаетъ Франціи, чѣмъ Франція Англии. Замѣтимъ, что и самыя климатическія условія имѣютъ въ этомъ отношеніи у насъ замедляющее дѣйствіе. Такъ, на примѣръ, наши холодныя и снѣжныя зимы, которыя въ былое время ускоряли и улучшали наши сообщенія (слѣдовательно и денежное обращеніе) теперь замедляютъ ихъ, оковывая рѣки и нѣкоторыя наши моря льдомъ и препятствуя движенію по желѣзнымъ дорогамъ заносами. Еще болѣе важное значеніе имѣютъ разнаго рода учрежденія, имѣющія своею цѣлью облегчать и ускорять денежное обращеніе. Таковы, на примѣръ, банки, расчетныя конторы (такъ, думаю, можно перевести слово *clearing house*), употребленіе чековъ. Насколько это важно, видно, на примѣръ, изъ того,

что въ англійскихъ clearing houses однимъ перечисленіемъ суммъ изъ рукъ въ руки, почти безъ помощи звонкой монеты, совершается ежегодно оборотовъ на поражающую сумму 150 милліардовъ франковъ. Правда, что этотъ послѣдній способъ веденія денежныхъ расчетовъ до сихъ поръ не употребляется не только у насъ, но и во Франціи, но за то сколько другихъ ускорительныхъ средствъ, которыхъ мы не имѣемъ, уже употребляются тамъ. Во Франціи каждый маленькій городокъ имѣетъ свой банкъ. Кромѣ значительныхъ коммерческихъ домовъ, кто имѣетъ у насъ привычку расплачиваться чеками или переводомъ денегъ изъ одного мѣста въ другое черезъ посредство банковъ? Бóльшая часть все еще пересылаетъ по почтѣ, а какъ почты медленны и неаккуратны, съ какими процедурами сопряжены и отправка и полученіе денегъ вдали отъ почтовыхъ конторъ! Сначала получитъ повѣстка, затѣмъ ждутъ оказіи, чтобы поѣхалъ вѣрный человѣкъ, которому можно поручить деньги и т. п. Кто изъ простого народа (кромѣ евреевъ и кулаковъ), да и изъ лицъ другихъ не богатыхъ сословій, не занимающихся торговлей, пускаютъ деньги въ оборотъ, помѣщаютъ въ банки? Всѣ эти десятки милліоновъ людей хранятъ попавшую въ ихъ руки бумажку, запрятавъ подалеже на черный день, насколько нужда позволить хранить. Какъ медленно совершаются обороты, пріуроченные къ большимъ нашимъ ярмаркамъ: Нижегородской, Ирбитской! Если вникнуть во все это, то нельзя не согласиться, что быстрота нашихъ денежныхъ оборотовъ уступаетъ въ большее число разъ быстротѣ оборотовъ во Франціи, чѣмъ въ этой послѣдней сравнительно съ Англійей. Постараемся же, чтобы

фиксировать наши мысли, придать этому нашему сужденію, въ справедливости котораго едва ли можно сомнѣваться, приблизительное числовое выраженіе. Допустимъ, что сумма денежныхъ оборотовъ (нашъ числитель s) во Франціи въ шестнадцать разъ превосходитъ таковую же въ Россіи—щедрѣе уже нельзя быть (16, а не 15 или 17 беремъ ради круглоты нашихъ приблизительныхъ чиселъ) и примемъ, что быстрота обращенія денежной единицы происходитъ у насъ настолько же медленнѣе, чѣмъ во Франціи, во сколько во Франціи она медленнѣе, чѣмъ въ Англіи, т. е. въ пять разъ. Мы получимъ $\frac{200 \text{ фр.}}{16} \times 5 = 62,5 \text{ фр.}$, т. е., что ежели для Франціи, при ея условіяхъ денежныхъ оборотовъ, потребно 200 фр. на душу, то у насъ, по крайней мѣрѣ, нужно бы имѣть $62\frac{1}{2}$ франка на душу, дабы количество денежныхъ знаковъ удовлетворяло дѣйствительной въ нихъ потребности при нашихъ условіяхъ обращенія *).

---

*) Всѣ эти числовыя данныя о количествѣ денежныхъ знаковъ приходящихся на душу во Франціи и въ Англіи, я заимствовалъ изъ статьи *Revue des deux Mondes* 15 janv. 1882 года: „La Question monétaire“ par Victor Bonnet. Правда, что авторъ ея полагаетъ, что во Франціи слишкомъ много денежныхъ знаковъ и желаетъ ихъ уменьшенія; но необходимымъ условіемъ для этого ставить усовершенствованіе средствъ кредита, т. е., другими словами, увеличеніе быстроты денежнаго обращенія. Мы же ведемъ свои расчеты, принимая во вниманіе ту быстроту его, которая въ настоящее время у насъ существуетъ и измѣненія которой нѣтъ основанія предполагать, по крайней мѣрѣ въ ближайшемъ будущемъ. Денежный оборотъ Англіи мы принимаемъ вдвое значительнѣе, чѣмъ во Франціи, на томъ основаніи, что внѣшняя торговля Англіи по ввозу и вывозу почти вдвое значительнѣе таковой же во Франціи; именно въ 1880 году въ Англіи она происходила на сумму 14 миллиардовъ 525 милліоновъ франковъ, а во Франціи только на 7 миллиардовъ 637 милліоновъ франковъ. Слѣдовательно, безъ большой ошибки можно принять, что и всѣ прочіе

Но мы видѣли выше, что у насъ приходится ихъ только 50 фр. на душу, и слѣдовательно это количество смѣло можетъ быть увеличено на цѣлую четверть, т. е. на 350 милліоновъ рублей. Но предположеніе, что быстрота денежнаго обращенія въ Россіи лишь во столько же разъ медленнѣе, чѣмъ во Франціи, во сколько это послѣднее медленнѣе, чѣмъ въ Англіи, въ высшей степени невѣроятно; гораздо вѣроятнѣе, что въ Россіи оно медленнѣе въ болѣе значительной степени. Но, если мы уменьшимъ эту быстроту въ Россіи только на единицу, т. е. примемъ, что она не въ пять, а въ шесть разъ медленнѣе, чѣмъ во Франціи, то уже получимъ 75 фр., потребныхъ на душу въ Россіи, а это значило бы, что количество денежныхъ знаковъ въ Россіи должно бы быть увеличено въ $1\frac{1}{2}$ раза, т. е., что безъ опасенія ихъ излишества, можно бы еще выпустить на 700 милліоновъ кредитныхъ билетовъ, которые не понизили бы нашего денежнаго курса противъ теперешняго, еслибы не было другой причины для этого пониженія. Теперь обратимся къ изслѣдованію этой другой причины, т. е. къ тому, можетъ-ли, и какимъ именно путемъ, невыгодный торговый балансъ понизить денежный курсъ?

II.

Для большей простоты и ясности предположимъ, что нѣкоторая страна находится съ иностранными государ-

---

обороты совершаются въ той же пропорціи. Само собою разумѣется, что мы не придаемъ нашимъ выводамъ ариѳметической точности; вся цѣль наша — показать сравненіемъ съ другими странами, что предположеніе объ излишкѣ у насъ денежныхъ знаковъ въ высшей степени сомнительно и совершенно произвольно.

ствами исключительно въ торговыхъ сношеніяхъ въ тѣснѣйшемъ смыслѣ этого слова, т. е., что она вывозитъ нѣкоторое количество своихъ товаровъ за границу, нѣкоторое количество ввозитъ, что въ ней нѣтъ никакихъ процентныхъ бумагъ, которыя иностранцы могли бы покупать, и сама она ихъ не покупаетъ, что она не имѣетъ внѣшняго долга; наконецъ, что въ той странѣ нѣтъ вовсе драгоцѣнныхъ металловъ, или, по крайней мѣрѣ, что вывозъ драгоцѣнныхъ металловъ изъ нея абсолютно запрещенъ, и всѣ обороты совершаются при посредствѣ кредитныхъ бумажныхъ денегъ. Пусть торговый балансъ этой страны, съ такими упрощенными оборотами, находится въ абсолютномъ равновѣсіи: насколько товаровъ вывозится, на столько и привозится, положимъ на 300 милліоновъ рублей. Всѣ деньги, которыя она употребитъ на покупку иностранныхъ товаровъ, вернутся въ нее обратно, какъ плата за товары изъ нея вывезенные, причемъ, конечно, нѣтъ надобности предполагать, чтобы сначала всѣ 300 милліоновъ ушли за границу на покупку чужихъ, а затѣмъ бы вернулись за продажу своихъ товаровъ. Довольно, чтобы только расчетъ на нихъ производился, хотя бы переходъ самихъ денегъ за границу и обратно производился въ самыхъ малыхъ размѣрахъ. Я говорю, что бумажныя деньги этой страны ходили бы за границей *al pari*, потому что, хотя и не размѣнные на золото и серебро, онѣ были бы для принимающихъ ихъ купцовъ размѣнными рубль за рубль на товаръ. Конечно, еслибы такія ассигнаціи попали за границей въ руки лицъ не ведущихъ торговыхъ операцій съ нашей страной, особливо въ мѣстахъ удаленныхъ отъ центровъ этой торговли, то онѣ не имѣли бы полной цѣны, потому что

эти лица не могли бы употреблять ихъ непосредственно какъ монету, а должны были бы размѣнивать у этихъ купцовъ, или чрезъ посредство банковъ, имѣющихъ съ ними сношенія, что неудобно; но это пониженіе курса могло бы составить лишь нѣсколько процентовъ.

Но пусть теперь обстоятельства измѣнятся, и наша страна, продолжая вывозить на триста милліоновъ, начнетъ ввозить на четыреста. Три четверти изъ нихъ продолжаютъ быть размѣнными рубль за рубль на товаръ, а одна четверть, т. е. 100 милліоновъ обратятся въ простую, никакой цѣнности не имѣющую бумагу, и очевидно, что въ глазахъ иностранцевъ, эти мнимые четыреста милліоновъ будутъ имѣть значеніе только трехсотъ дѣйствительныхъ, или, другими словами, за ту же цѣну иностранцы будутъ отпускать только три четверти того количества товаровъ, которое отпускали прежде, или соотвѣтственно этому вздорожаютъ иностранные товары не вообще, а только для этой страны. Но не можетъ же въ самомъ дѣлѣ купецъ продавать товары дороже или дешевле, смотря по тому, кому онъ ихъ продаетъ—гражданину одного или другаго государства, для него можетъ быть важно лишь то, какими деньгами ему платятъ. Слѣдовательно, деньги нашей страны потеряютъ четверть своей цѣны, каждый ихъ рубль обратится въ 75 копѣекъ.

Конечно, въ дѣйствительности, дѣла происходятъ гораздо болѣе сложнымъ образомъ, чѣмъ въ нашемъ примѣрѣ, но въ томъ же смыслѣ и въ томъ же направленіи. Часть излишка ввоза уплачивается драгоценными металлами, часть долговыми обязательствами, т. е. процентными бумагами, часть уступкой недвижимой собственности,

или нѣкоторыхъ правъ на нее (какъ въ нашемъ обществѣ поземельнаго кредита) и т. п. Но драгоцѣнныхъ металловъ можетъ и не хватить на приплату по торговымъ счетамъ, какъ напр., при теперешнихъ обстоятельствахъ Россіи, когда 2,000 пудовъ добываемаго золота (что составляетъ приблизительно 26 милліоновъ рублей) далеко не хватаетъ на уплату процентовъ по внѣшнимъ государственнымъ займамъ, а на покупку процентныхъ бумагъ всегда явится достаточно и заграничныхъ покупщиковъ, и внутреннихъ продавцевъ, такъ что всегда останется значительная доля излишка ввозимыхъ противъ вывозимыхъ товаровъ, которая ничѣмъ не можетъ быть уплачена, какъ только вздорожаніемъ предметовъ ввоза и удешевленіемъ предметовъ вывоза, что и выражается въ упадкѣ денежнаго курса; и притомъ, какъ скоро увидимъ, упадокъ этотъ долженъ быть значительнѣе, чѣмъ бы ему слѣдовало быть по ариѳметическому отношенію между дебетомъ и кредитомъ страны.

Но какое же вліяніе долженъ оказать этотъ упадокъ цѣнности бумажныхъ денегъ за-границей на ихъ цѣнность внутри государства, при предположеніи, что внутреннихъ причинъ къ паденію ихъ курса не существуетъ, т. е., что въ нихъ нѣтъ излишка? Каждый кредитный билетъ, очевидно, представляется обладателю его съ двойственнымъ характеромъ: полноцѣннымъ для всѣхъ платежей внутреннихъ и неполноцѣннымъ для всѣхъ платежей заграничныхъ (покупки заграничныхъ товаровъ, поѣздки за границу и т. д.), какъ если бы на одной сторонѣ его было написано 1 рубль, а на другой 65 копѣекъ (по курсу 1 р. = 2 фр. 60 сант.), а средняя его цѣнность была бы $82\frac{1}{2}$ копѣйки.

Но это было бы арифметически вѣрно только въ томъ случаѣ, если бы среднее число предстоящихъ употребленій рубля по внутреннимъ расплатамъ было бы равно среднему числу ихъ по расплатамъ внѣшнимъ. А это далеко не такъ; первыя во много разъ превосходятъ послѣднія. Въ самомъ дѣлѣ, большинство нашихъ потребностей, за удовлетвореніе которыхъ мы платимъ деньги, доставляются намъ тою страной, въ которой мы живемъ. Почти вся пища и напитки, пріобрѣтеніе которыхъ составляетъ главный расходъ, большая часть одежды и обуви и все приготовленіе ея, мебель и квартира, наемъ рабочихъ и прислуга, уплата государственныхъ и другихъ повинностей, все это требуетъ платежей внутреннихъ, такъ что едва-ли десятый рубль придется употребить на уплаты заграничныя. Говоря десятый рубль, мы еще много преувеличиваемъ значительность уплатъ по заграничнымъ предметамъ потребленія, въ чемъ легко убѣдиться, припомнивъ, что бѣльшая часть народа, за исключеніемъ развѣ чая и небольшого количества кофе, ничего заграничнаго не потребляетъ. Итакъ, вмѣсто того, чтобы предполагать, что каждая наша рублевая бумажка есть рубль только съ одной стороны, а съ другой 65 коп., мы будемъ гораздо ближе къ истинѣ, если предположимъ, что изъ 10 рублей 9 суть настоящіе рубли, какъ имѣющіе израсходоваться на внутренніе платежи, и только десятый, которому придется идти на платежи заграничныя, стоитъ лишь 65 копѣекъ. Такимъ образомъ, 10 рублей составили бы не 1,000, а только 965 коп., и среднимъ числомъ цѣна рубля на внутреннемъ рынкѣ должна бы равняться $96\frac{1}{2}$ копѣйкамъ. Изъ этого выходило бы, что вліяніе невыгоднаго торговаго баланса на

цѣнность бумажныхъ денегъ внутри государства самсе ничтожное, и не это ли, можетъ быть, заставляетъ большинство нашихъ экономистовъ такъ презрительно относиться къ торговому или вообще расчетному балансу въ вопросѣ о денежномъ курсѣ? Но сдѣланный нами выводъ будетъ приблизительно вѣренъ только ариѳметически и совершенно невѣренъ экономически. Чтобы доказать это, считаю нужнымъ войти въ нѣкоторыя общія разсужденія о значеніи экономическихъ законовъ.

62360
Политико-экономы гордятся, что, среди всѣхъ нравственно-политическихъ и общественныхъ наукъ, только одной ихъ наукъ удалось установить законы явленій, т. е. такія общія формулы, которыя объемлютъ собою обширный кругъ фактовъ, представляющихся уже какъ необходимый изъ нихъ выводъ, совершенно такъ же, какъ въ области наукъ физико-математическихъ и отчасти естественно-историческихъ или біогическихъ. И такая гордость отчасти справедлива, но только отчасти, потому что между дѣйствительно заслуживающими этого названія законами наукъ положительныхъ, законами природы, и законами экономическими есть огромное и самое существенное различіе. Законы природы, открытые положительными науками, суть законы *вмѣстѣ качественныя и количественныя*, а законы экономическіе суть только законы *качественныя*. Именно, эти послѣдніе выражаютъ собою *только характеръ и направленіе явленій*, тогда какъ первые опредѣляютъ *не только характеръ и направленіе явленій*, но еще *и ихъ мѣру*. Такъ, на примѣръ, Ньютоновъ законъ тяготѣнія говоритъ не только, что всѣ тѣла взаимно притягиваются и что это притяженіе бываетъ сильнѣе при большихъ массахъ при-

тягивающихъ тѣлъ и ослабляется съ ихъ удаленіемъ; но говорить точно, до грана вѣса и до миллиметра разстоянія, въ какой степени оно увеличивается или уменьшается съ массой и съ разстояніемъ тѣлъ. Разберемъ съ этой точки зрѣнія основную политико-экономическую формулу объ измѣненіи цѣны по условіямъ требованія и предложенія, и разберемъ на конкретномъ примѣрѣ.

Пусть какая-нибудь страна производитъ нормально столько хлѣба, сколько нужно для потребленія ея жителей, и торговлѣ достать его не откуда. Является неурожай, по которому не хватаетъ $\frac{1}{26}$ доли количества хлѣба, потребнаго для пропитанія ея жителей. Какіе можетъ произвести это результаты? Возможны троякіе: 1) Все населеніе будетъ питаться полными хлѣбными порціями въ теченіе 50 недѣль, а въ теченіе двухъ недѣль должно сидѣть безъ хлѣба, слѣдовательно, будетъ замѣнять его разными суррогатами питательными и малопитательными. Отъ этого нѣкоторая часть помретъ съ голода, а другая истощаетъ, и масса во всякомъ случаѣ потерпитъ въ своемъ здоровьи. 2) Или двадцать пять частей населенія будутъ имѣть все необходимое имъ количество хлѣба въ теченіе всего года, а одна двадцатьшестая часть вовсе его имѣть не будетъ, т. е. въ большинствѣ помретъ съ голода. 3) Или, наконецъ, всѣ убавятъ свою ежедневную порцію на $\frac{1}{26}$ часть, т. е. по нѣскольку золотниковъ, и въ такомъ случаѣ почти ни мало не потерпятъ. Нѣкоторые, можетъ быть, немного похудѣютъ, лишившись малой части своего жира, что въ иныхъ случаяхъ даже и хорошо; но по большей части и этого даже не произойдетъ, потому что потребляемая нормальная порція хлѣба, какъ и

всякой другой пищи, не такъ уже аккуратно отмѣрены, чтобы лишеніе какой-нибудь ничтожной ихъ части могло имѣть ощутительное вліяніе на силы и здоровье. И такъ, при такомъ возможномъ благопріятномъ исходѣ дѣла, и цѣна хлѣба имѣла бы причины возвыситься только на $\frac{1}{26}$ часть, т. е., если пудъ хлѣба стоилъ прежде рубль, то ему слѣдовало бы стоять въ нашемъ, для примѣра взятомъ, году—1 р. 4 копѣйки.

Но вѣдь напередъ неизвѣстно, который изъ трехъ возможныхъ случаевъ осуществится на дѣлѣ, или, точнѣе, на дѣлѣ должны осуществиться всѣ эти три случая въ различныхъ мѣрахъ и комбинаціяхъ. Такъ какъ мы предположили, что въ нашей странѣ царствуетъ полная экономическая свобода, дабы законъ предложенія и требованія имѣлъ полный просторъ для обнаруженія своего дѣйствія, то никому не хочется попасть ни въ первую категорию, которой предстоитъ говѣть въ теченіе двухъ недѣль, ни, чего избави Богъ, во вторую. Въ этомъ опасеніи всякій, производящій хлѣбъ, оставляетъ изъ него для себя и для своихъ полный годовой рационъ, да еще и съ запасцемъ; каждый, покупающій хлѣбъ для собственнаго потребленія, поспѣшаетъ сдѣлать какъ возможно большій, по его потребностямъ и средствамъ, запасъ хлѣба, и каждый торгующій хлѣбомъ, оптомъ и въ розницу, постарается его попридержать. Слѣдовательно, и требованіе возрастетъ ненормально, и предложеніе ненормально уменьшится, и въ результатѣ хлѣбъ вздорожаетъ, можетъ быть, въ полтора или въ два раза, вмѣсто того, чтобы вздорожать только на $\frac{1}{26}$ долю нормальной цѣны. Въ какой же именно мѣрѣ онъ вздорожаетъ, этого никто вычислить не можетъ. именно по-

тому, что экономическій законъ опредѣляетъ только характеръ и направленіе явленій, а не мѣру его. Что все это нами не выдуманно, что все это бываетъ не въ нашей только гипотетической странѣ, отлично доказываетъ прошедшій 1881 годъ. Неблагопріятный урожаѣ, далеко не угрожавшій ни голодомъ, ни сильнымъ уменьшеніемъ вывоза за границу, ни остановкой производства выдѣлываемыхъ изъ хлѣба продуктовъ (хлѣбнаго вина, напримеръ), подъ вліяніемъ слуховъ, усиленныхъ газетною агитаціей, произвелъ нѣкоторую панику, и хлѣбъ вздорожалъ въ сильнѣйшей степени, чѣмъ бы слѣдовало по дѣйствительному уменьшенію урожая. Совершенно обратное можетъ случиться при сильномъ урожаѣ, когда всякій боится остаться съ непроданнымъ остаткомъ; и тутъ можетъ быть своего рода паника, удешевляющая предметъ сверхъ мѣры, внѣ всякаго расчета.

Возьмемъ другой примѣръ. Разносится слухъ, что дѣла крѣпкаго банкирскаго дома нѣсколько пошатнулись, слухъ, можетъ быть, даже и недостоверный. Благоразумный, хладнокровный человѣкъ разсуждаетъ: если и вправду дѣла банка пошатнулись, то, давъ, ему время оправиться, собрать свои долги, привести дѣла въ порядокъ, я могу еще надѣяться продолжать получать проценты и вернуть свой капиталъ; если же броситься вытребовать свои вклады, то банкъ лопнетъ, даже если дѣла его и хороши. Но такое разсужденіе справедливо лишь въ томъ случаѣ, когда и всѣ будутъ разсуждать какъ я; но этого навѣрно не будетъ. Слѣдовательно, если я буду придерживать своей системы благоразумія, то навѣрно попаду въ число тѣхъ, которые лишатся своего капитала; если же поспѣшу его вытребовать, то,

можетъ быть, еще успѣю и попаду въ число счастливыхъ. Вслѣдствіе такого разсужденія, даже людей благоразумныхъ и хладнокровныхъ, — прочіе вовсе не разсуждаютъ, а дѣйствуютъ подъ вліяніемъ паники, — требованіе возрастаетъ до ужасной степени, которому никакое предложеніе удовлетворить не можетъ, и раздражается крахъ, который безъ этого легко могъ бы благополучно разрѣшиться. Словомъ, во всѣхъ этихъ и подобныхъ случаяхъ происходитъ въ мірѣ экономическомъ совершенно тоже, что съ несчастными зрителями Вѣнскаго театра во время недавняго пожара. Въ нѣкоторой степени этотъ элементъ паники, совершенно не подлежащій никакой мѣркѣ, имѣетъ долю участія чуть ли не во всѣхъ экономическихъ явленіяхъ, нарушаетъ ихъ стройность и поднимаетъ или удешевляетъ цѣны выше той нормы, которая должна бы имѣть мѣсто по увеличенію или уменьшенію производства, по увеличенію или уменьшенію дѣйствительной потребности въ продуктахъ.

Несправедливо было бы, однако же, упрекать экономистовъ за то, что законы ихъ науки имѣютъ только характеръ качественный, ибо нельзя открыть того, что не существуетъ. Все дѣло въ томъ, что напрасно говорятъ о какихъ-то особыхъ экономическихъ законахъ, ибо всѣ экономическіе законы суть только законы психическіе, въ примѣненіи къ мѣнѣ товаровъ и услугъ. Въ самомъ дѣлѣ, вѣдь не происходитъ же никакихъ движеній и явленій въ экономическихъ объектахъ безъ того, чтобы они не приводились въ движеніе человекомъ, сообразно съ нуждами и потребностями, которыми, вѣдь, управляетъ не иное что, какъ законы психическіе. Вообще основ-

ные самобытные законы явлений могут быть отнесены только къ тремъ категоріямъ, такъ какъ есть только три категоріи явлений, неподводимыхъ или, по крайней мѣрѣ, до сихъ поръ неподведенныхъ одни подъ другія. Это 1) явления и законы міра матеріальнаго: механическіе, физико-химическіе и фізіологическіе, 2) явления и законы психическіе, къ числу которыхъ относятся не только явления и законы логическаго мышленія, но явления и законы проявленія чувствъ, аффектовъ и страстей, и 3) наконецъ тѣ, которые я назову криптопсихическими, объемяющіе собою явления, которыя хотя и коренятся въ человѣческомъ духѣ, но вполне или въ значительной степени не подлежатъ его сознанию; таковы, на примѣръ, явления и законы строенія человѣческихъ обществъ или вообще историческіе; законы строенія языковъ, лингвистическіе, и явления и законы художественнаго творчества, эстетическіе.

Возвращаюсь къ нашимъ бумажнымъ деньгамъ. Я получилъ 1,000 рублей, которые ариѳметически должны бы, сообразно нашему предположенію, что только десятый рубль идетъ среднимъ числомъ на заграничныя расплаты, составляетъ 965 рублей. Но я не знаю, примѣнимъ-ли къ моимъ спеціальнымъ надобностямъ этотъ средній расчетъ, не знаю, не случится-ли мнѣ крайняя надобность или просто непреодолимая охота поѣхать за границу; тогда почти всѣ эти 1,000 рублей придется истратить за границей, и изъ 965 они обратятся въ 650 рублей. Не знаю, не придется-ли мнѣ сдѣлать, опять-таки по необходимости или по охотѣ, большія, чѣмъ обыкновенно, затраты на покупку заграничныхъ продуктовъ. Такъ какъ въ такомъ положеніи нахожусь не я

одинъ, а очень многіе, и притомъ именно тѣ, которые могутъ имѣть наибольшее вліяніе на цѣнность рубля придаваемымъ ими ему значеніемъ,—ибо сила сосредоточенная всегда оказываетъ гораздо большее вліяніе, чѣмъ сила раздробленная, хотя бы эта послѣдняя и много превышала ее своею численностью, — кредитный рубль долженъ упасть въ своей цѣнности внутри страны въ гораздо сильнѣйшей степени, чѣмъ того требовало вышеприведенное ариѳметическое отношеніе. Поэтому цѣнность нашего рубля и внутри страны скорѣе приблизится къ $82\frac{1}{2}$ копѣйкамъ (по предположенію, что каждый рубль имѣетъ среднюю цѣнность между полноцѣнностью и внѣшнимъ курсомъ), чѣмъ къ $96\frac{1}{2}$ копѣйкамъ.

Замѣтимъ здѣсь кстати, что только-что приведенными соображеніями о значеніи экономическихъ законовъ можетъ быть объяснено и то, что самъ внѣшній курсъ кредитнаго рубля можетъ упасть ниже, чѣмъ бы это слѣдовало по расчетному балансу.

Какова бы ни была дѣйствительная цѣнность нашего кредитнаго рубля на внутреннемъ рынкѣ — точно опредѣлить ее нѣтъ никакой возможности — остается несомнѣннымъ (если даже и есть излишекъ въ денежныхъ знакахъ), что при невыгодности торговаго баланса непременно должна существовать разность въ цѣнности рубля на внутреннемъ рынкѣ и въ цѣнности его на рынкахъ иностранныхъ (такъ-называемая курсовая цѣнность), и что эта послѣдняя цѣнность всегда будетъ ниже первой. Въ этой-то разности и заключается какъ вся сущность, такъ и главный экономическій вредъ низкихъ курсовъ. Вредъ этотъ состоитъ въ томъ, что, какъ мы видѣли въ нашемъ гипотетическомъ примѣрѣ, за

товары, цѣнностью въ 400 милліоновъ, иностранцы даютъ своихъ товаровъ только на 300 милліоновъ, т. е., что наши товары, по отношенію къ заграничнымъ, дешевѣютъ, что за извѣстное ихъ количество даютъ намъ, взамѣнъ иностранныхъ товаровъ, менѣе, чѣмъ бы слѣдовало по дѣйствительной стоимости нашихъ товаровъ.

Еслибы это было не такъ, еслибы не существовало этой разницы въ цѣнности денежной единицы на внутреннемъ и на иностранномъ рынкахъ, еслибы цѣнность ея и на внутреннемъ рынкѣ упала до ея курсовой цѣнности на иностранныхъ рынкахъ, то иностранцы не получали бы никакихъ премій при покупкѣ нашихъ товаровъ, какъ бы ни былъ низокъ денежный курсъ, и мы получали бы за извѣстное количество нашихъ товаровъ то самое количество товаровъ иностранныхъ, которое слѣдовало бы получить по дѣйствительной нормальной сравнительной ихъ стоимости. Въ этомъ легко убѣдиться изъ слѣдующаго расчета. Пусть цѣнность кредитнаго рубля будетъ и на внутреннемъ рынкѣ та же самая, что и на иностранныхъ, т. е. пусть рубль, стоящій по заграничному курсу 2 фр. 60 сант., имѣлъ бы и внутри Россіи соотвѣтственную стоимость, т. е. равнялся бы 65 коп. Пусть нормальная средняя цѣна четверти пшеницы была бы 10 р. при полноцѣнномъ рублѣ, равномъ 4 фр. При паденіи рубля до 65 коп., четверть пшеницы вздорожала бы до 15 р. 38 к., ибо условія производства пшеницы остались тѣ-же, что и прежде, и ей нѣтъ резона подешевѣть потому только, что рубль подешевѣлъ. Въ такомъ случаѣ, иностранному купцу, платившему прежде 40 фр. за 10-ти-рублевую четверть, пришлось бы заплатить тѣ-же 40 фр. для

промѣна ихъ на 15 р. 38 к., упавшихъ въ цѣнѣ денегъ, чтобы купить на нихъ четверть пшеницы. Но еслибы цѣнность кредитнаго рубля на внутреннемъ рынкѣ была, какъ мы выше предположили, $82\frac{1}{2}$ коп., то четверть пшеницы стоила бы только 12 р. 12 к., и иностранный купецъ, покупая наши кредитные билеты по заграничному курсу (или получая ихъ за проданный намъ товаръ) употребилъ бы только 31 фр. 51 сант. и слѣдовательно получилъ бы барыша или преміи 8 фр. 49 сант. при покупкѣ каждой четверти нашей пшеницы, и совершенно столько же терялъ бы нашъ купецъ при покупкѣ соотвѣтственнаго количества иностранныхъ товаровъ.

Изъ сказаннаго до очевидной ясности видно:

1) Что невыгодный торговый, или общѣе, расчетный балансъ не только можетъ, но и долженъ произвести паденіе цѣны бумажныхъ денежныхъ знаковъ.

2) Что сущность и главный вредъ такого упадка цѣнности денегъ, происшедшаго вслѣдствіе невыгодности торговаго баланса, заключается въ разности цѣны денегъ на внутреннемъ и на внѣшнихъ рынкахъ.

3) Эта разность цѣнности денегъ имѣетъ своимъ неизбѣжнымъ послѣдствіемъ удешевленіе товаровъ внутреннего производства сравнительно съ товарами иностранными, обмѣниваемыми при посредствѣ разноцѣнной денежной единицы, что, въ свою очередь, опять усиливаетъ невыгодность баланса.

4) Если упадокъ бумажной денежной единицы происходитъ отъ внутреннихъ причинъ, т. е. отъ излишка денежныхъ знаковъ, то вредныя послѣдствія, означенныя въ пунктѣ 3, проявиться не могутъ, потому что цѣн-

ность бумажной единицы на внутреннемъ рынкѣ не будетъ стоять выше, нежели на внѣшнихъ. Этотъ послѣдній выводъ, можетъ быть, требуетъ нѣкоторыхъ разъясненій.

Если вслѣдствіе излишества въ денежныхъ знакахъ полуимперіаль, стоившій 5 рублей (15 копѣекъ для краткости отбрасываемъ), будетъ стоить $7\frac{1}{2}$ рублей кредитныхъ, товары вздорожаютъ какъ разъ въ той-же пропорціи, но только формально, а не существенно, т. е. какъ прежде, такъ и послѣ за полуимперіаль будетъ покупаться тотъ же кулъ муки, хотя номинально будетъ говориться, что этотъ кулъ стоитъ семь съ половиною, а не пять рублей. Но за границей, если торговый балансъ въ нашу пользу, бумажный рубль, будучи вполне размѣннымъ (если не на металлъ, то на товаръ), сохранилъ бы свою полную цѣнность и стоялъ бы даже выше чѣмъ внутри государства, еслибъ этому не препятствовало то, что иностранный купецъ имѣетъ всегда возможность за свой полуимперіаль получить промѣномъ не 5, а $7\frac{1}{2}$ бумажныхъ рублей. Но на нихъ онъ покупаетъ однакоже то самое количество товаровъ, которое покупалъ прежде за 5 и за которое теперь онъ долженъ заплатить все тѣ же 5 металлическихъ рублей, или 20 франковъ. Слѣдовательно, иностранцы не получали бы никакой преміи, и за одинаковое съ прежнимъ количество русскихъ товаровъ должны были бы отдавать одинаковое же количество иностранныхъ товаровъ. Правда, что и при этого рода паденіи цѣнности бумажныхъ денегъ, получающій доходъ навсегда или на долгое время опредѣленнымъ числомъ денежныхъ единицъ (получающій жалованіе отъ казны, проценты

съ процентныхъ бумагъ, доходъ отъ долгосрочной аренды) будетъ въ большой невыгодѣ, но эти невыгоды одинаково относятся какъ къ его заграничнымъ, такъ и къ его внутреннимъ расплатамъ. Если, на примѣръ, его семь съ половиною тысячъ дохода обратятся въ пять при путешествіи за границу, то убытокъ его будетъ столь же великъ и при всѣхъ его тратахъ внутри государства. Тѣ же, которые живутъ вольнымъ трудомъ, или получаютъ свой доходъ по мѣняющимся уговорнымъ цѣнамъ, не понесутъ никакой убыли ни за границей, ни внутри государства. Такое явленіе уже разъ было въ Россіи, именно во время паденія нашихъ ассигнацій Екатерининскихъ и Александровскихъ, о которыхъ мы будемъ говорить подробнѣе ниже. Какой бы причинѣ мы ни приписали ихъ паденіе, съ теченіемъ времени, въ двадцатыхъ и тридцатыхъ годахъ, одинаковый на нихъ курсъ установился какъ внутри, такъ и внѣ государства, только расчетъ сталъ производиться на другую единицу, приблизительно вчетверо меньшую нежели прежде.

Паденіе бумажныхъ денегъ на заграничныхъ рынкахъ должно, поэтому, слѣдовать за внутреннимъ паденіемъ ихъ цѣнности, идти параллельно съ нимъ, и нѣтъ никакого резона, по которому бы оно могло сдѣлаться значительнѣе внѣ государства, чѣмъ внутри его. Единственно что въ этомъ отношеніи возможно предположить, это опасеніе, что, вслѣдствіе новаго выпуска бумажныхъ денегъ и дальнѣйшаго паденія ихъ внутренняго курса, прежде окончанія начатой коммерческой операціи, лицо, ее совершающее, потерпитъ убытокъ. На примѣръ, продавъ свой товаръ за $7\frac{1}{2}$ бумажныхъ рублей, ему при-

дется отдать за соотвѣтственное количество русскаго товара уже 8 рублей. Но это совершенно въ той же мѣрѣ относится и до внутреннихъ торговыхъ операцій, особенно долгосрочныхъ, и, слѣдовательно, такое опасеніе удешевляетъ деньги и удороживаетъ товаръ одинаково какъ для иностранныхъ, такъ и для внутреннихъ покупателей.

Такимъ образомъ, мы получаемъ еще одинъ признакъ, по которому можно заключить о причинѣ паденія денежныхъ курсовъ. Если, при продажѣ нашихъ товаровъ за границу, покупатели получаютъ премію, единственно возможное основаніе которой есть разница въ курсахъ на бумажныя деньги внутри и внѣ государства (причемъ внутри курсъ всегда будетъ выше), то это вѣрный знакъ, что все дѣло зависитъ отъ невыгоднаго торговаго баланса, или, по крайней мѣрѣ, что торговый балансъ имѣетъ при этомъ значительную долю вліянія. А въ настоящее время никто не оспариваетъ, что такая премія дѣйствительно существуетъ.

III.

Установивъ несомнѣнное вліяніе торговаго баланса на денежный курсъ, намъ остается только разсмотрѣть, возможно ли поднятіе курса, если низкое стояніе его зависитъ исключительно, или даже только отчасти, отъ невыгоднаго торговаго баланса, какими бы то ни было другими мѣрами кромѣ исправленія баланса. Невозможность этого ясна и сама по себѣ, ибо какія бы мѣры мы ни употребляли для поднятія или упроченія кредитной денежной единицы размѣномъ на металлическія

деньги, какъ и какимъ бы путемъ мы эти послѣднія ни приобрѣтали, работа наша будетъ походить на наполненіе жидкостью сосуда, у котораго постоянно открытъ кранъ, которымъ она вытекаетъ. Конечно, если мы нальемъ въ него заразъ быстро большее количество жидкости, чѣмъ сколько ея вытекаетъ изъ крана, мы можемъ наполнить сосудъ, но вѣдь только на короткое время. Несмотря на эту очевидность, весьма многіе считаютъ возможнымъ возвысить курсъ нашихъ бумажныхъ денегъ открытіемъ размѣна на приобретенныя въ долгъ громадныя количества драгоценныхъ металловъ, при одновременной съ этимъ девальваціи, т. е. пониженіи закономъ цѣнности бумажнаго рубля, или безъ оной. Надѣюсь, что неосновательность этихъ мнѣній обнаружится съ полною яркостью, если намъ удастся доказать, что низкое стояніе денежнаго курса и сопряженный съ нимъ вредъ не перестанутъ существовать даже и въ томъ случаѣ, еслибъ у насъ не было въ обращеніи ни одного бумажнаго рубля и не ходило бы никакихъ другихъ денегъ, кромѣ вычеканенныхъ изъ самаго чистѣйшаго золота, при условіи, что торговый или вообще расчетный балансъ остается попрежнему невыгоднымъ. Какъ это ни покажется парадоксальнымъ, это тѣмъ не менѣе истина, подлежащая ариѳметически строгому и точному доказательству.

Предположимъ съ этою цѣлью, что желанія нашихъ экономистовъ осуществлены сверхъ всякаго мечтанія, что волшебствомъ или, какъ говорится въ сказкахъ, по щучьему велѣнью, всѣ наши тысяча четыреста милліоновъ кредитныхъ рублей превратились бы во столько же рублей золотомъ, и что самымъ торжественнымъ

обязательствомъ на вѣки-вѣчные безусловно запрещень выпускъ бумажныхъ денегъ, — но что все прочее остается въ томъ же самомъ положеніи, какъ и теперь. Что изъ этого произойдетъ? Если справедливо, что мы и теперь страдаемъ излишкомъ денежныхъ знаковъ, то излишекъ этотъ значительно увеличится, ибо неполноцѣнные рубли замѣнятся полноцѣнными; но такъ какъ эти рубли золотые, то въ этомъ бѣды нѣтъ, они уйдутъ за границу, доставивъ намъ множество заграничныхъ товаровъ, давъ возможность нашимъ охотникамъ до заграничныхъ путешествій исполнить это болѣе дешевымъ образомъ и дозволивъ даже выкупить многія изъ нашихъ долговыхъ обязательствъ, т. е. процентныхъ бумагъ, находящихся въ рукахъ иностранцевъ. Наконецъ, настанетъ желанное соотвѣтствіе между количествомъ обращающихся денегъ и дѣйствительною въ нихъ потребностью. Но на долго ли? Расчетный балансъ, по нашему предположенію, продолжетъ оставаться невыгоднымъ, а въ обращеніи исключительно металлическихъ денегъ нѣтъ ничего, что могло бы заставить измѣнить характеръ нашей внѣшней торговли. Совершенно наоборотъ, иностранные покупщики, лишившись преміи, уменьшатъ покупку нашихъ товаровъ въ возможной для нихъ мѣрѣ; наши же заграничныя покупки усилятся, ибо онѣ подешевѣютъ при обмѣнѣ на золото. Рано ли, поздно ли, и тѣмъ ранѣе, чѣмъ невыгоднѣе нашъ балансъ, у насъ денегъ станетъ не хватать; слѣдовательно, онѣ начнутъ дорожать. Пропустимъ промежуточныя стадіи и прямо перейдемъ къ тому моменту, когда запасъ нашей золотой монеты, продолжая по невыгодному торговому балансу утекать за границу, до того уменьшится, что въ ней окажется уже очень

сильный, очень чувствительный недостатокъ. Что тогда произодеть? Одно изъ двухъ — различное, впрочемъ, только по формѣ, по видимости, а въ сущности тождественное: или монета получить лажъ и въ полуимперіалѣ будетъ считаться вмѣсто 5 рублей, на примѣръ, 8, а товары сохранять свою номинальную стоимость, т. е. что стоило рубль, то и будетъ продаваться за рубль же, но на полуимперіалѣ будетъ покупаться больше товара въ отношеніи 8: 5; или монета сохранить свое номинальное значеніе и въ полуимперіалѣ будетъ по старому считаться 5 рублей, но то, что прежде стоило рубль, будетъ стоить $6\frac{1}{2}$ коп. и на полуимперіалѣ будетъ покупаться больше товара все въ томъ же отношеніи 8: 5. Слѣдовательно, въ сущности, въ обоихъ случаяхъ всѣ наши товары подешевѣютъ. Еслибъ этого не случилось и товары сохранили бы свою прежнюю, не номинальную, а дѣйствительную стоимость, то вздорожаніе денегъ не достигло бы своей цѣли; а безъ выпуска бумажныхъ денегъ, кромѣ вздорожанія нѣтъ другого средства для того, чтобы недостаточное количество ихъ удовлетворяло потребности въ обращеніи. Первый случай въ настоящее время мало вѣроятенъ, хотя еще въ недавномъ прошломъ именно этотъ случай имѣлъ мѣсто. Въ тридцатыхъ годахъ у насъ внутри государства существовалъ значительный лажъ безразлично и на тогдашнія ассигнаціи, и на серебряную, и золотую монету. Впрочемъ, иначе и быть не могло, потому что тогда былъ свободный размѣнъ ассигнацій на звонкую монету, не въ казначействахъ только или банкахъ, а у всѣхъ частныхъ людей. Тогда внутри Россіи синенькая пятирублевая бумажка ходила 6, а одно время даже

6 р. 50 к., красенькая 10-рублевая—12 и 13, а серебряный цѣлковый 4 р. 80 к. и 5 р. 20 и соотвѣтственную цѣну имѣли четвертаки, двугривенные, пятиалтынные, гривенники и даже пяточки; если товаръ стоилъ 4 рубля, то съ цѣлковаго получалось 80 коп. или 1 руб. 20 к. сдачи. Надо къ этому еще прибавить, что лажъ этотъ не былъ одинаковъ во всѣхъ мѣстахъ внутри Россіи, но вездѣ былъ пропорціонально наложенъ какъ на звонкую монету, такъ и на ассигнаціи. Этого ничему иному приписать нельзя какъ недостатку внутри Россіи денежныхъ знаковъ для потребностей оборота. Въ Петербургѣ и, кажется, въ нѣкоторыхъ другихъ торговыхъ городахъ этого не было, потому, что, при непосредственныхъ и близкихъ сношеніяхъ съ иностраннымъ торговымъ міромъ, цѣна денегъ должна была тамъ приближаться къ ихъ всемірной цѣнѣ. Впрочемъ, нѣкоторый лажъ былъ и тамъ, такъ какъ цѣлковый, который по своему внутреннему металлическому достоинству стоилъ 3 р. 50 к., ходилъ по 3 р. 60 к.

Можетъ показаться удивительнымъ, какимъ образомъ стоимость денегъ могла быть различна внутри одного и того же государства, въ столь близкихъ разстояніяхъ, какъ Петербургъ и Москва и при принятіи денегъ въ казну по опредѣленной таксѣ: цѣлковаго въ 3 р. 60 к., а прочихъ денежныхъ знаковъ примѣнительно къ этому? Какъ могло случиться, что цѣна денегъ, необходимо стремящаяся достигнуть одного и того же уровня, стояла у насъ на столь разныхъ уровняхъ? Весьма просто Для того, чтобы не только цѣнность денегъ, но даже и вода или другая жидкость могли достигнуть одного и того же уровня, недостаточно, чтобы разныя мѣстности были

соединены между собою каналами; надо еще, чтобъ эти каналы были достаточно широки и глубоки и чтобы теченіе по нимъ было достаточно быстро. Мнѣ случалось, на примѣръ, не только слышать, но и читать, что еслибы соединить Каспійское море съ Азовскимъ, то первое, стоящее на 84 фута ниже, разлилось бы и, заливъ огромное пространство Россіи, Киргизскія и Туркменскія степи и низменности Кавказа и Персіи, достигло бы одинаковаго уровня съ Азовскимъ. Между тѣмъ, на дѣлѣ, при возможныхъ для рукъ человѣческихъ и при потребныхъ для нуждъ человѣческихъ ширинѣ и глубинѣ такого канала, уровень Каспійскаго моря поднялся бы лишь на нѣсколько вершковъ, все равно, какъ еслибы въ него впала ничтожная новая рѣчка, ибо при пологихъ берегахъ этого моря, небольшое увеличеніе поверхности, соотвѣтственное поднятію его уровня, на нѣсколько вершковъ, поглотило бы увеличившимся испареніемъ прибавившійся притокъ воды. Такъ же точно и съ цѣной денегъ; недостатокъ тогдашнихъ средствъ сношеній и сообщеній, отсутствіе банковъ, слабое развитіе промышленности, представляли столь узкіе, мелкіе и медленно текучіе каналы, что цѣнность денегъ не могла придти къ одному уровню во всемъ государствѣ. Теперь, конечно, каналы эти на столько расширились и углубились, обращеніе на столько ускорилося, что повтореніе подобнаго явленія едва ли возможно, такъ что, при нашемъ предположеніи недостатка въ звонкой монетѣ, произошелъ бы, вѣроятно, не первый, а второй случай, т. е., что монета, сохраняя свою номинальную цѣнность, измѣрялась бы все тѣмъ же числомъ рублей и копѣекъ; но соот-

вѣтственно со вздорожаніемъ ея удешевелись бы товары и удешевились бы не мнимо, а дѣйствительно.

Можетъ быть, это утвержденіе покажется противорѣчащимъ тому, что мы говорили нѣсколько страницъ выше, доказывая, что при упадкѣ цѣнности бумажныхъ денегъ отъ ихъ излишка дѣйствительная цѣна товаровъ не измѣнилась бы, и что то же количество товаровъ, которое покупалось прежде за полуимперіаль, покупалось бы и тогда, несмотря на то, что этотъ полуимперіаль считался бы не въ 5, а въ $7\frac{1}{2}$ рублей. Противорѣчія тутъ никакого нѣтъ, или противорѣчіе только кажущееся, ибо въ этомъ послѣднемъ случаѣ дѣйствительнымъ мѣриломъ какъ товаровъ, такъ и бумажныхъ денегъ оставалась бы неизмѣнившаяся цѣнность металлическихъ денегъ; въ нашемъ же теоретическомъ предположеніи мѣняется по необходимости эта послѣдняя (внутри государства, конечно). Примѣръ покажетъ это нагляднѣе:

1-й случай. Въ Россіи 1.000 милліоновъ бумажныхъ денегъ, ходящихъ *al pari*. Куль ржи стѣитъ 5 р., иностранный купецъ покупаетъ его (если цѣна эта вообще для него подходящая), отдавая свой полуимперіаль за 5 р.

2-й случай. Въ Россіи удвоилось количество бумажныхъ денегъ (допуская, что при этомъ цѣна ихъ падаетъ пропорціонально увеличенію ихъ количества) и цѣна ихъ падаетъ вдвое, куль ржи стѣитъ 10 руб.; но иностранный купецъ опять-таки покупаетъ его, безъ убытка для себя, ибо за свой полуимперіаль можетъ вымѣнить эти 10 руб.

3-й случай. Въ Россіи количество бумажныхъ денегъ уменьшилось вдвое, и цѣна ихъ вдвое возросла— куль ржи стѣитъ $2\frac{1}{2}$ рубля; но иностранный купецъ

все-таки его покупаетъ съ тою же выгодною для себя, ибо свой полуимперіаль можетъ промѣнять на эти $2\frac{1}{2}$ рубля.

4-й случай. Въ Россіи 1.000 милліоновъ золотой монеты. Случай тождественный съ первымъ.

5-й случай. Въ Россіи количество золотой монеты удвоилось, цѣна ея уменьшилась вдвое (принимая для примѣра, что золото не можетъ уходить за границу, и не употребляется ни на что другое кромѣ монеты)—куль ржи стоитъ 10 рублей, т. е. два полуимперіала; иностранный купецъ покупать не можетъ, потому что не отдастъ двухъ полуимперіаловъ за то, что стоитъ одинъ (конечно, если его не понуждаетъ голодъ и невозможность гдѣ-либо въ другомъ мѣстѣ достать хлѣба).

6-й случай. Въ Россіи количество золота уменьшилось вдвое и цѣна его возросла вдвое, на полуимперіаль покупается два куля ржи. Иностраный купецъ покупаетъ съ жадностью, ибо хлѣбъ обходится ему вдвое дешевле.

Во второмъ и въ третьемъ случаяхъ было, слѣдовательно, вздорожаніе и удешевленіе только кажущееся, мнимое (хотя для нѣкоторыхъ внутри государства оно можетъ быть и дѣйствительнымъ); въ пятомъ и шестомъ случаѣ вздорожаніе и удешевленіе дѣйствительное (хотя внутри государства для нѣкоторыхъ оно можетъ быть также только мнимымъ).

Разъяснивъ всѣ представившіяся намъ недоразумѣнія, посмотримъ, въ какомъ очутимся мы положеніи по отношенію къ внѣшней торговлѣ, при исключительно золотой монетѣ, ставшей рѣдкою въ государствѣ, вслѣдствіе продолжавшагося и послѣ введенія ея невыгоднаго торговаго

баланса, и, для большей очевидности, допустимъ существованіе лажа. Четверть пшеницы, стоившая при нормальной цѣнѣ золота 10 рублей, и теперь номинально стоила бы не болѣе какъ полумперіаль съ четвертью, т. е. 25 франковъ, и иностранный купецъ, покупая нашу пшеницу, получилъ бы на каждую купленную имъ четверть 15 франковъ преміи, а между тѣмъ за то количество иностраннаго товара, которое, при нормальной цѣнѣ, соотвѣтствуетъ четверти пшеницы, мы попрежнему платимъ 40 франковъ, т. е. цѣлые два полумперіала, которые мы называли бы 16 рублями. Слѣдовательно, въ сущности, наше положеніе оставалось бы все тѣмъ же, какъ и при низкомъ курсѣ бумажныхъ денегъ, существующемъ въ настоящую минуту. Итакъ странный, повидимому, парадоксъ, что при невыгодномъ торговомъ балансѣ курсъ необходимо и неизбѣжно будетъ невыгоденъ и низокъ совершенно независимо отъ того, какая въ странѣ денежная система, бумажная или металлическая, есть несомнѣнная истина.

Различіе при бумажной и золотой монетѣ будетъ только чисто внѣшнее, кажущееся, не существенное. Именно, при бумажныхъ деньгахъ и внутренняя и внѣшняя ихъ цѣнность будетъ стоять ниже нормальной, такъ сказать ниже единицы, но первая дробная величина будетъ всегда выше второй; при металлической монетѣ внутренняя цѣнность ея поднимается выше нормальной, будетъ выше единицы, а внѣшняя цѣнность будетъ какъ разъ равна единицѣ; но въ обоихъ случаяхъ будетъ существовать разность, а въ ней-то все и дѣло, и, смотря по обстоятельствамъ, эта разность при металлическихъ деньгахъ можетъ быть даже больше, чѣмъ при бумаж-

ныхъ. Все это, повторяю, конечно, при невыгодномъ торговомъ балансѣ.

Но, возразятъ намъ, предположеніе ваше невозможно; если цѣна золота такъ возрастетъ въ странѣ, то оно непременно станетъ притекать туда извнѣ, такъ что недостатка въ этомъ металлѣ быть не можетъ, и цѣна придетъ къ одинаковому во всемъ свѣтѣ уровню или, лучше сказать, никогда не можетъ подняться значительно выше этого уровня. Чистое заблужденіе. Мы уже имѣли случай сказать, что и для цѣны денегъ и для жидкостей, чтобы придти къ одному уровню, необходима достаточная ширина, глубина и быстрота теченія проточныхъ канавъ, а въ разбираемомъ нами случаѣ и вовсе никакихъ канавъ нѣтъ: онѣ засыпаны, заколочены и забиты невыгоднымъ торговымъ балансомъ. Въ самомъ дѣлѣ, мнѣ извѣстны только четыре канала, которыми золото (или вообще драгоцѣнные металлы) могли бы притекать въ страну. Это: 1) внѣшняя торговля при выгодномъ торговомъ балансѣ; 2) приливъ заграничныхъ капиталовъ для устройства разныхъ промышленныхъ предпріятій; 3) покупка процентныхъ бумагъ, и наконецъ 4) займы. Какимъ же изъ этихъ путей потечетъ золото?

1) Балансъ невыгоденъ: покупается на бѣольшую сумму, чѣмъ на какую продается, — слѣдовательно, не притекаетъ, а только утекаетъ золото. Но удешевленіе продуктовъ и вышеупомянутая премія увеличатъ вывозъ. Въ нѣкоторой степени, конечно; однакожь въ достаточной ли? Вѣдь премія и теперь существуетъ, однако, не исправляетъ баланса, почему же предполагать, что она исправитъ его тогда? Не забудемъ притомъ, что увели-

ченіе разницы въ цѣнѣ денегъ на внутреннемъ и на заграничныхъ рынкахъ выражается въ возрастаніи количества нашихъ товаровъ, требующемся для обмѣна на то же количество товаровъ иностранныхъ, въ чемъ собственно премія и заключается, и что, слѣдовательно, невыгодность баланса все увеличивается и увеличивается, т. е., что по количеству отпускъ (конечно, при всѣхъ прочихъ равныхъ обстоятельствахъ) увеличивается, а привозъ уменьшается, а по цѣнности отпускъ уменьшается, а привозъ увеличивается, что одинаково невыгодно.

2. При нашей гипотезѣ высокой цѣны золота, по-видимому, долженъ бы быть очень выгоденъ приливъ заграничнаго сравнительно болѣе дешеваго золота для промышленныхъ предпріятій, а потому и долженъ послѣдовать въ огромныхъ размѣрахъ. Но выгода эта только кажущаяся. Конечно 100.000 рублей въ 20.000 полуимперіалахъ какъ бы разбухаютъ при принятомъ нами примѣрномъ курсѣ 8:5 — во 160.000 рублей, т. е., что на 100.000 можно дѣлать столько же, какъ при нормальныхъ обстоятельствахъ на 160.000 (однакоже, исключая все то, что пришлось бы выписывать изъ-за границы). Но за то вѣдь и при продажѣ продуктовъ за сумму, на которую прежде отпускалось пять пудовъ, аршинъ и пр., надо будетъ отпускать восемь пудовъ, аршинъ и пр. Гдѣ же выгода?

3. При покупкѣ процентныхъ бумагъ должно отличать два случая, именно: цѣна этихъ бумагъ угодится или цѣнѣ денегъ, или цѣнѣ товаровъ. Въ первомъ случаѣ билетъ, рента или акція, приносящіе 5 р. процентовъ и стоившіе 100 руб., т. е. 20 полуимперіаловъ, принимаемыхъ за 5 р., будетъ стоить также 20 полуимперіаловъ

стоящихъ по 8 р. и процентовъ онъ будетъ приносить все же одинъ полуимперіалъ. Во второмъ случаѣ, сто-рублевый билетъ будетъ стоить всего $12\frac{1}{2}$ полуимперіаловъ, но и приносить процентовъ только 3 р. $12\frac{1}{2}$ к., т. е. цѣна капитала и процентовъ одинаково уменьшится въ отношеніи 8:5, и опять ни въ томъ, ни въ другомъ случаѣ выгоды—никакой.

4. Займы, конечно, и тогда будутъ возможны, но проценты по нимъ придется уплачивать не изъ другого какого источника, какъ изъ самого же занятаго капитала, и скоро придется опять занимать, что все можетъ только увеличивать невыгодный балансъ.

Итакъ, золото, несмотря на высокую его цѣнность, при невыгодномъ балансѣ, не можетъ и не будетъ притекать.

Само собою разумѣется, что всѣ изложенныя нами послѣдствія еще скорѣе обнаружатся, если для обращенія нашихъ кредитныхъ билетовъ въ золотую монету мы должны, вмѣсто фантастически волшебнаго дара, прибѣгнуть къ реальному займу, ибо уплата за него процентовъ только ускорила бы неизбежный отливъ золота и усилила бы невыгодность расчетнаго баланса.

Но однимъ парадоксомъ мы не ограничимся, а принуждены высказать еще и другой. При невыгодномъ торговомъ балансѣ не только замѣна бумажныхъ денегъ золотыми, хотя бы при содѣйствіи волшебства, не избавитъ насъ отъ невыгоднаго денежнаго курса, т. е. отъ самой вредной сущности его, но и всякія попытки возвысить цѣнность нашихъ теперешнихъ бумажныхъ денегъ уменьшеніемъ ихъ количества неизбежно ухудшатъ этотъ курсъ, т. е. опять усилятъ

то вредное вліяніе, которое онъ оказываетъ на нашу внѣшнюю торговлю. Мы видѣли, что сущность этого вреда заключается въ разницѣ между цѣнностью или курсомъ денегъ на внутреннемъ и на внѣшнемъ рынкахъ, ибо отъ этой разницы единственно и зависитъ премія, получаемая иностранными купцами при покупкѣ нашихъ произведеній, премія, выражающаяся, въ сущности, въ томъ, что мы получаемъ въ обмѣнъ на наши произведенія меньшее, чѣмъ бы слѣдовало, количество иностранныхъ товаровъ. Мы доказали выше, что если упадокъ цѣнности бумажныхъ денегъ на внутреннемъ рынкѣ можетъ зависѣть отъ излишка ихъ въ обращеніи, то цѣнность ихъ на внѣшнемъ рынкѣ обуславливается самостоятельно, совершенно независимо отъ этой причины, торговымъ балансомъ. Если, слѣдовательно, изъятіемъ нѣкотораго количества бумажныхъ денегъ изъ обращенія мы поднимемъ ихъ цѣнность на внутреннемъ рынкѣ, то это не повліяетъ на внѣшнюю ихъ цѣнность, и, слѣдовательно, разность между обѣими цѣнностями возрастетъ, а съ нею возрастутъ и всѣ вредныя ея послѣдствія. Конечно, можно утверждать что возвышеніе цѣнности денегъ на внутреннемъ рынкѣ не останется безъ вліянія на возвышеніе ея и на иностранныхъ рынкахъ, и мы этого не отрицаемъ; но это, такъ сказать, отраженное дѣйствіе на внѣшній курсъ не можетъ быть равнымъ прямому дѣйствію на внутренній курсъ, и потому разность между ними все-таки возрастетъ.

Это важное условіе какъ бы сознается тѣми экономистами, которые рекомендуютъ такъ называемую девальвацію нашего кредитнаго рубля присвоеніемъ ему уменьшенной цѣнности закономъ, уравненіемъ ея зако-

подательнымъ путемъ съ курсовою цѣнностью. Такъ какъ правительство во всѣхъ своихъ полученіяхъ признаетъ бумажный рубль за дѣйствительный, то этимъ оно, конечно, содѣйствуетъ въ извѣстной мѣрѣ увеличенію его цѣнности на внутреннемъ рынкѣ, а принимая рубль по курсу, оно его понизитъ, повидимому, до заграничнаго уровня. Но не говоря уже о временныхъ неудобствахъ, сопряженныхъ съ этою мѣрой, и девальвация не можетъ ничему помочь при существованіи невыгоднаго баланса. Для доказательства рассмотримъ это нѣсколько подробнѣе.

Если справедливо, какъ мы доказали, что главнѣйшее, существеннѣйшее зло низкаго денежнаго курса заключается въ сопровождающей его разности цѣны денегъ на внутреннемъ и внѣшнемъ рынкахъ, то какъ бы ни упала цѣнность денегъ сама по себѣ, но если при этомъ она будетъ стоять на одномъ уровнѣ внутри и внѣ государства, вредное вліяніе низкаго курса на международный обмѣнъ товаровъ, на внѣшнюю торговлю, на поѣздки путешественниковъ за границу и т. п., было бы устранено. Остался бы, конечно, тотъ вредъ, который сопровождаетъ самый процессъ паденія цѣнности денегъ (уменьшеніе государственныхъ доходовъ, жалованья, получаемого чиновниками, убытки кредиторовъ, несправедливыя выгоды должниковъ и т. п.). Но по истеченіи нѣкотораго времени, съ установленіемъ новой денежной единицы, этотъ вредъ прекращается, и все мало-по-малу снова входитъ въ обыкновенный порядокъ. Подобное явленіе разъ уже было пережито Россіей. Ассигнаціи, выпущенныя Екатериной и потомъ Александромъ, упали къ двѣнадцатому году до четверти своей

цѣны. Конечно, экономисты приписываютъ и это паденіе нашихъ бумажныхъ денегъ исключительно излишнему ихъ количеству, значительно превосходившему потребность въ денежномъ обращеніи. Не отрицая, что это дѣйствительно имѣло свою весьма значительную долю вліянія, такъ какъ промышленность тогда была очень слабо развита, а въ главной, земледѣльской, при крѣпостномъ правѣ, никакихъ денежныхъ расчетовъ не требовалось, тѣмъ не менѣе, однако, и тогда дѣйствовала на это положеніе еще другая причина, т. е. невыгодный торговый балансъ. Въ этомъ можно убѣдиться изъ слѣдующихъ фактовъ. Продолжительная, непрерывная заграничная война дѣйствуетъ на расчетный балансъ такимъ же точно образомъ, какъ и большое число путешественниковъ, проживающихъ свои деньги за границей, но только въ гораздо сильнѣйшей степени. Не только все жалованье, получаемое военными, истрачивается за границей, но и все содержаніе сотенъ тысячъ людей и лошадей составляетъ громадный заграничный расходъ, особливо, если война ведется въ союзныхъ земляхъ или въ странахъ съ дружественно расположеннымъ населеніемъ, гдѣ ни солдаты, ни лошади не могутъ содержаться на счетъ обывателей, а при такихъ именно условіяхъ и велись всѣ наши тогдашнія войны, не исключая даже и турецкихъ. Сверхъ того, во все время присоединенія нашего къ континентальной системѣ и торговый балансъ, въ тѣсномъ смыслѣ этого слова, не могъ быть въ нашу пользу, ибо вывозъ нашихъ громадкихъ товаровъ, происходившій тогда только моремъ, былъ почти приостановленъ, а ввозъ дорогихъ предметовъ роскоши, которые, при отсутствіи почти всякой обрабо-

тывающей промышленности,—тогда они только и привозились изъ-заграницы,—все-таки продолжался чрезъ сухопутную границу. Но съ заключеніемъ мира многія обстоятельства повернулись въ нашу пользу. Во-первыхъ, съ Франціи была получена значительная по тому времени контрибуція; наши сырые продукты получили сбытъ и, въ неурожайный для Западной Европы 1817 годъ, вывозъ хлѣба достигъ громаднхъ размѣровъ, который былъ превзойденъ только уже въ самое послѣднее время; наконецъ, строгая охранительная система, введенная графомъ Канкринымъ, сильно повернула торговый балансъ въ нашу пользу и положила начало нашей фабричной промышленности, а съ дозволеніемъ частнымъ лицамъ добывать золото въ Сибири на казенныхъ земляхъ и съ открытіемъ золотыхъ росышей стало добываться огромное по тому времени количество этого драгоцѣннаго металла. Все это приостановило дальнѣйшее паденіе бумажныхъ денегъ.

Поднялись ли онѣ значительно подъ вліяніемъ этихъ благопріятныхъ обстоятельствъ, т. е. съ одной стороны выгоднаго торговаго баланса, а съ другой, развитія промышленности, потребовавшей большого количества денежныхъ знаковъ, объ этомъ фактически судить невозможно, такъ какъ принятіе вчетверо упавшаго ассигнаціоннаго рубля за денежную единицу (что произошло постепенно и, такъ сказать, само собою) и открытіе размѣна по этой низкой цѣнѣ сдѣлали возвышеніе бумажнаго рубля невозможнымъ, ибо, очевидно, что онъ не могъ стать выше той цѣны, которая была опредѣлена размѣномъ. Бумажныя деньги, которыя суть только замѣнители звонкой монеты, не могутъ же стать выше того, что

онѣ собою замѣняютъ. Впрочемъ, кажется, что онѣ нѣсколько и возвысились, ибо ассигнаціонный рубль, считавшійся за $\frac{1}{4}$ серебрянаго рубля, при возстановленіи этого послѣдняго въ значеніи денежной единицы былъ принятъ въ $\frac{2}{7}$ рубля. Если за симъ ассигнаціонный рубль и возвышался въ цѣнѣ, какъ это было въ тридцатыхъ годахъ, то, при свободномъ размѣнѣ, это возвышеніе могло происходить не иначе какъ параллельно со звонкою монетою, что и называлось тогда лажемъ. Но пока для насъ важно то, что упавшая до $\frac{1}{4}$ своей первоначальной цѣны денежная единица установилась и приняла одинаковую цѣнность какъ на внутреннихъ, такъ и на заграничныхъ рынкахъ, и когда это случилось, то прекратилось и всякое невыгодное вліяніе упавшей денежной единицы при внѣшней торговлѣ и вообще при аграничныхъ денежныхъ расчетахъ. Ассигнаціонный рубль не считался меньшею долей серебрянаго за границей, чѣмъ въ Россіи. На это нельзя возразить тѣмъ, что ассигнаціонный рубль вовсе не былъ извѣстенъ за границей, такъ какъ въ то время вывозъ ассигнацій за границу былъ запрещенъ. Чтобы судить объ этомъ, достаточно того, что ассигнаціонный рубль служилъ для расчета, и что размѣнъ происходилъ по разъ опредѣлившейся нормѣ.

Это уравненіе внутренней и внѣшней цѣнности бумажныхъ денегъ обыкновенно приписываютъ именно установленному закономъ уменьшенію монетной единицы соотвѣтственно ея дѣйствительному курсу, такъ называемой девальвации, и видятъ въ этой девальвации средство упроченія денежной единицы, которое и доставитъ будто бы возможность къ открытію размѣна на звонкую мо-

нету. Но, очевидно, что слѣдствіе принимается здѣсь за причину. Выгодный торговый баланс уравниваетъ цѣнность денегъ на внутреннемъ и внѣшнемъ рынкахъ, возвышая послѣднюю до уровня первой, отъ чего въ свою очередь эта еще возвышается, такъ сказать, чрезъ отраженіе, а та опять ее догоняетъ и т. д., ибо самая разница между ними, какъ мы видѣли, производится не инымъ чѣмъ, какъ именно невыгоднымъ торговымъ балансомъ. При невыгодномъ балансѣ это уравненіе произойти не можетъ, какъ бы ни девальвировали, какъ бы ни уменьшали цѣнность денежной единицы на внутреннемъ рынкѣ, также точно какъ никогда при этихъ условіяхъ не удастся открыть размѣнъ на продолжительное время. Въ самомъ дѣлѣ, что же мы выиграемъ, если, сообразно съ заграничнымъ курсомъ, примемъ нашъ теперешній кредитный рубль за 65 коп. или, что то же самое, оставивъ за нимъ названіе рубля, т. е. нашей денежной единицы, дѣйствительный металлическій рубль будемъ считать за 1 руб. 54 коп., и, сдѣлавъ заемъ, откроемъ размѣнъ сообразно съ этимъ новымъ значеніемъ рубля. На одно мгновеніе, но только на одно, установится равенство между обѣими цѣнностями новой нашей бумажной единицы — внутренней и внѣшней; но затѣмъ если мы будемъ все продолжать вывозить товаровъ на 300 милліоновъ (какъ въ приведенномъ нами гипотетическомъ примѣрѣ), все равно старыхъ или новыхъ рублей, а ввозить на 400, то опять произойдутъ тѣ же результаты, на которые мы указали выше. Опять внѣшняя цѣнность новаго рубля обратится въ три четверти внутренней его цѣнности, и поэтому опять за известное количество нашихъ товаровъ, мы будемъ получать мень-

шее, чѣмъ бы слѣдовало, количество вымѣниваемого заграничнаго товара; слѣдовательно, придется прибѣгнуть къ новой девальвации, и такъ до безконечности.

IV.

Изъ всего изложеннаго явствуетъ, что невыгодный торговый балансъ составляетъ самостоятельную причину пониженія денежнаго курса, независимую отъ того, излишекъ или недостатокъ у насъ денежныхъ знаковъ, бумажная или металлическая у насъ денежная система, принимаетъ ли у насъ законъ за денежную единицу номинальную величину или дѣйствительную, опредѣляемую курсомъ, и что никакими операціями непосредственно дѣйствующими на измѣненіе внутренней цѣнности нашихъ денежныхъ знаковъ мы не только ничего не можемъ сдѣлать для измѣненія ея внѣшней цѣнности, но, возвышая первую, необходимо увеличимъ разность между тою и другою и усугубимъ проистекающій отъ того вредъ при нашихъ международныхъ экономическихъ расчетахъ. Напротивъ того, исправивъ торговый балансъ, мы тѣмъ самымъ избавимся отъ всѣхъ золъ, сопровождающихъ паденіе денежнаго курса, даже тѣхъ, которыя проистекаютъ отъ причинъ внутреннихъ, т. е. отъ излишка неразмѣнныхъ денежныхъ знаковъ, если бы таковой и существовалъ. Съ возстановленіемъ выгоднаго торговаго баланса, драгоцѣнные металлы должны начать притекать изъ-заграницы, получаемые изъ собственныхъ рудниковъ перестанутъ уходить, и размѣнъ самъ собою откроется, потому что потребность въ немъ будетъ очень малая, какъ это и было у насъ до Крымской войны.

При совмѣстномъ существованіи металлическихъ и бумажныхъ денегъ, какъ отъ возвышенія курса этихъ послѣднихъ, такъ и отъ прилива новыхъ металлическихъ денегъ можетъ дѣйствительно оказаться излишекъ въ денежныхъ знакахъ, еслибъ его даже прежде и не было, и тѣмъ въ сильнѣйшей степени, если онъ существовалъ и прежде; но излишекъ этотъ будетъ постоянно поглощаться, стекаясь въ банкахъ за дешевые проценты, причемъ онъ и можетъ быть уничтоженъ консолидированіемъ по низкому проценту. Такимъ образомъ, очевидно, что во главѣ всего этого дѣла стоитъ торговый или расчетный балансъ, которымъ единственно и исключительно оно рѣшается къ выгодѣ или къ невыгодѣ страны.

Но какимъ же образомъ согласить этотъ выводъ съ тѣмъ мнѣніемъ, которое установилось о торговомъ балансѣ въ политической экономіи, совершенно отвергающей его значеніе, или, по крайней мѣрѣ, отводящей ему самое ничтожное мѣсто, и то какъ бы нехотя, какъ бы поступаясь чистою теоріей въ угоду близорукой практикѣ. Двѣ противоположныя истины рядомъ стоять не могутъ: или нашъ выводъ ложенъ, или экономическая теорія въ чемъ-нибудь да ошибается. Изъ этого проистекаетъ необходимость не довольствоваться прямымъ и непосредственнымъ доказательствомъ, хотя бы и самымъ строгимъ, нашего взгляда, что мы уже сдѣлали, но открыть слабое мѣсто, логическую ошибку, Ахиллесову пятую въ теоріи нашихъ противниковъ. Тогда только доказательство можетъ считаться полнымъ. Ошибку эту, кажется намъ, отыскать не трудно. Ученіе о торговомъ балансѣ было введено школой меркантилистовъ: они до-

казывали его известнымъ образомъ; это доказательство было опровергнуто экономистами, но опроверженіе этого доказательства они приняли за опроверженіе самаго ученія о торговомъ балансѣ, между тѣмъ, какъ очевидно, что одно изъ другого вовсе не слѣдуетъ. Оставалась возможность, что хотя доказательство и было ложно, но доказываемое было тѣмъ не менѣе совершенно справедливо, и что нужно было только представить его въ другомъ свѣтѣ, привести въ пользу его иныя доказательства. Такъ оно по нашему и есть. Меркантилисты, основываясь на нѣкоторыхъ свойствахъ присущихъ драгоценнымъ металламъ, какъ на примѣръ, на ихъ почти полной неуничтожимости, на возможности продолжительнаго ихъ сбереженія безъ уменьшенія ихъ достоинства, на возможности капитализировать ихъ, чего почти всѣ другія произведенія не допускаютъ, и т. д., утверждали, что драгоценные металлы составляютъ единственное богатство, между тѣмъ, какъ всѣ прочія вещи или товары суть только полезности. Чтобы государству стать богатымъ, надо, слѣдовательно, всѣми мѣрами стараться привлекать къ себѣ золото и серебро и всѣми мѣрами препятствовать выходу ихъ изъ страны. Но такъ какъ существуютъ только два источника добыванія драгоценныхъ металловъ, именно: нѣдра природы, откуда они добываются разработкой рудниковъ или росыпей, и заграничныя страны, откуда они добываются торговлей, то рудники должны разрабатываться даже и тогда, когда это приходится въ убытокъ, а торговля должна вестись такъ, чтобы за излишекъ цѣнности отпускаемыхъ товаровъ получать приплату золотомъ или серебромъ, что и составляетъ выгодный торговый балансъ, т. е. един-

ственно разумную цѣль торговли, такъ какъ только такая торговля увеличиваетъ богатство государства, а торговля съ противоположнымъ результатомъ уменьшаетъ его.

Но такъ какъ обработка сырыхъ произведеній значительно увеличиваетъ ихъ цѣнность, то появляется необходимость содѣйствовать ввозу сырыхъ произведеній и вывозу обработанныхъ всѣми находящимися въ рукахъ правительства мѣрами. Опровергнуть такое понятіе о богатствѣ и теоретически и практически было не трудно, и какъ разъ тутъ подвернулся примѣръ Испаніи и Голландіи, приводимый во всѣхъ учебникахъ исторіи. Конечно, драгоцѣнные металлы не составляютъ единственнаго богатства, и поэтому нѣтъ ни надобности, ни пользы все копить и копить ихъ; конечно, богатство могутъ составлять и всѣ другіе полезные предметы, конечно, золото и серебро суть такіе же точно товары, какъ и всѣ прочіе предметы природы или добытыя человекомъ полезныя вещи. Но не вопреки общему съ другими товарами свойству драгоцѣнныхъ металловъ и не по какимъ-либо особеннымъ, спеціально принадлежащимъ имъ качествамъ, а именно потому, что они составляютъ такой же товаръ, какъ и остальные полезные человеку предметы, которые могутъ быть добываемы и обрабатываемы, и для драгоцѣнныхъ металловъ долженъ существовать и существуетъ торговый балансъ.

Всѣ полезныя человеку вещи имѣютъ двоякаго рода цѣнность: цѣнность мѣновую и цѣнность потребительную. По мѣновой цѣнности всѣ товары равны между собою, или точнѣе, для всякаго товара существуетъ экономическій эквивалентъ, пропорціональ или пай, которые равнозначущи между собой, замѣняютъ одинъ дру-

гаго при обмѣнѣ, точно такъ какъ химическіе эквиваленты замѣняютъ другъ друга при разложеніи и составленіи тѣлъ. Съ точки зрѣнія мѣновой цѣнности, конечно, не можетъ быть никакого баланса, ибо ни одинъ такой эквивалентъ не дается даромъ, а всякій замѣняется другимъ вполне ему равноцѣннымъ товаромъ, и при мѣнѣ, въ нормальныхъ конечно условіяхъ (мы видѣли, что этотъ экономическій пай для однихъ возрастаетъ выше нормы, для другихъ же уменьшается), нѣтъ ни выгоды, ни убытка. Но будетъ совершенно другое съ точки зрѣнія цѣнности потребительной. Тутъ ни одинъ товаръ не замѣняется другимъ, или замѣщается однороднымъ въ болѣе или менѣе слабой степени, и ни одинъ товаръ не равнозначущъ другому. Соблазненные высокою цѣной (мѣновая цѣнность) сахара, мы весь его сбудемъ за границу и получимъ въ обмѣнъ пожалуй большее, чѣмъ бы слѣдовало, количество чая, кофе или какао; но что мы будемъ съ ними дѣлать, когда даже и въ прикуску ихъ будетъ пить не съ чѣмъ? Мы значитъ торговали съ невыгоднымъ балансомъ на сахаръ. Еще хуже торговать при невыгодномъ балансѣ на хлѣбъ, что значило бы обрекать себя на голодную смерть, или по крайней мѣрѣ на истощеніе. Но драгоцѣнные металлы, говорятъ экономисты, точно такой же товаръ, какъ и всѣ остальные. Совершенно справедливо, и потому они имѣютъ свою, спеціально имъ присущую, потребительную цѣнность, ничѣмъ другимъ вполне незамѣнимую. Эта потребительная цѣнность драгоцѣнныхъ металловъ заключается въ томъ, чтобы служить мѣриломъ всѣхъ мѣновыхъ цѣнностей, служить средствомъ для опредѣленія тѣхъ экономическихъ или торговыхъ эквивалентовъ, о

которыхъ мы говорили. Если ихъ не хватаетъ для этого или и вовсе не остается внутри страны, откуда они ушли именно вслѣдствіе невыгоднаго торговаго баланса на золото и серебро, то приходится ихъ чѣмъ-нибудь замѣнять (какъ хлѣбъ, на примѣръ, древесною корой, сѣно—опилками, корой, жжеными желудями, морковью, ячменемъ или цикоріемъ), а до сихъ поръ другого замѣстителя, кромѣ бумажныхъ денегъ, неизвѣстно. Но бумажныя деньги, именно потому, что онѣ замѣстители такого предмета, который служитъ къ измѣренію мѣновыхъ цѣнностей, могутъ сохранить свою цѣну только въ томъ случаѣ, когда могутъ быть промѣниваемы, если не на драгоцѣнный металлъ, что невозможно сдѣлать за неимѣніемъ онаго, то по крайней мѣрѣ на товаръ. Теряя въ извѣстной мѣрѣ эту способность при продолжительномъ существованіи невыгоднаго торговаго баланса, онѣ непременно теряютъ въ той же мѣрѣ свою цѣнность, ибо въ этой размѣнности на товары заключается последнее ихъ обезпеченіе на заграничныхъ рынкахъ. Между тѣмъ, на рынкахъ внутреннихъ онѣ имѣютъ еще и другое обезпеченіе — довѣріе къ государству. Если вслѣдствіе этого ихъ внутренняя цѣнность станетъ выше внѣшней, то торговля происходитъ какъ бы при посредствѣ фальшивыхъ мѣръ и вѣсовъ, фальшивыхъ въ томъ смыслѣ, что при покупкѣ иностранцы заставляютъ насъ употреблять гири одного вѣса и намѣриваютъ много нашего товара, а при продажѣ намъ своего товара замѣнь полученнаго употребляютъ гири другого вѣса и намѣриваютъ мало товара. Если принимать внутреннюю цѣнность нашего рубля за среднюю между его номинальною цѣнностью и иностранною курсовою въ 65 ко-

пѣекъ, эта внутренняя цѣнность рубля равнялась бы $82\frac{1}{2}$ копѣйкамъ. Эта разность въ цѣнахъ заставляетъ насъ торговать съ постояннымъ убыткомъ въ 27% ($65:82,5 = 100:127$).

Не могу окончить этого разсужденія, не указавъ еще на одно странное противорѣчіе. Отвергаютъ торговый балансъ на томъ основаніи, что даромъ вѣдь никто ничего не дастъ, и что слѣдовательно при торговлѣ происходитъ безобидный обмѣнъ равно стѣящихъ цѣнностей. Но если и согласиться съ этимъ, то изъ этого не слѣдуетъ, чтобы драгоцѣнные металлы не могли утекать изъ страны въ излишество, даже до совершеннаго истощенія ихъ запаса, ибо невыгодный торговый балансъ, въ тѣсномъ смыслѣ этого слова, въ томъ именно и состоитъ, что драгоцѣнные металлы утекаютъ изъ страны. Это фактъ обозначаемый словами «невыгодный торговый балансъ». Возможность факта отрицать нельзя, да никто его, кажется, и не отрицаетъ: различіе мнѣній состоитъ лишь въ оцѣнкѣ этого факта, въ признаніи и отрицаніи его невыгодности. Между тѣмъ, экономисты, еще въ большей степени, чѣмъ остальные люди, признаютъ за одними драгоцѣнными металлами способность служить мѣриломъ цѣнности, и не хотятъ ничего знать объ ихъ замѣстителяхъ, бумажныхъ деньгахъ, видя въ нихъ всегда и вездѣ абсолютное зло. Еслибъ они говорили: «при торговлѣ мѣняютъ всегда равноцѣнные цѣнности, слѣдовательно убытка тутъ быть не можетъ; могутъ, правда, уйти изъ страны драгоцѣнные металлы, но это не бѣда, мы ихъ замѣнимъ бумажными деньгами», пожалуй съ оговоркой: «при строгомъ наблюденіи, чтобы не было въ нихъ излишка», — это было бы

последовательно и логично, хотя, можетъ-быть, и несправедливо; но логично ли признавать безвредность факта и потому допускать его, и въ то же самое время признать вредность его неизбежныхъ послѣдствій и потому не допускать ихъ? Такъ-называемый невыгодный торговый балансъ есть именно ушлывъ драгоцѣнныхъ металловъ изъ государства: это не бѣда, напрасно это считается невыгоднымъ; но для обмѣна цѣнностей необходимо мѣрило цѣнностей, деньги; единственный доселѣ извѣстный замѣститель настоящихъ металлическихъ денегъ суть деньги бумажныя; но ихъ ни въ какомъ случаѣ не допускаютъ, всегда признавая за зло. Очевидно, что для составленія такого невозможнаго силлогизма должны быть какія-нибудь особыя причины, вынуждающія къ этой нелогичности.

Первая часть силлогизма построена на однихъ основаніяхъ, именно на антимеркантильной теоріи (мы показали уже въ чемъ заключается ошибочность, или, лучше сказать, односторонность ея); вторая часть построена на совершенно другихъ данныхъ, краснорѣчіе которыхъ показалось столь внушительнымъ и грознымъ, что обѣ части не сопоставлены между собою, а изъ противорѣчія ихъ выпутывайся какъ знаешь. Конечно, бумажныя деньги имѣютъ многіе присущіе имъ недостатки, которыхъ мы вовсе и не думаемъ отвергать; но тѣмъ не менѣе онѣ не только доставляютъ весьма выгодный ресурсъ въ крайнихъ обстоятельствахъ, но даже и внѣ ихъ могутъ предоставить значительныя выгоды, какъ самый дешевый изъ всѣхъ видовъ кредита, который, какъ и все на свѣтѣ, можетъ быть не только употребляемъ, но и злоупотребляемъ, что не составляетъ ка-

кой-либо особенности бумажныхъ денегъ. То устрашающее краснорѣчіе, которое заставило такъ возненавидѣть бумажныя деньги, основано не на общихъ, такъ-сказать теоретическихъ, ихъ свойствахъ, а на историческихъ примѣрахъ, главнымъ образомъ на участи ихъ постигшей, на гибельныхъ послѣдствіяхъ, произведенныхъ ими во времена первой французской революціи. Но ошибочность выводовъ, дѣлаемыхъ изъ этихъ примѣровъ, состоитъ въ томъ, что не всѣмъ бумажнымъ деньгамъ приличествуетъ одна и та же мѣрка. Металлическія деньги, если онѣ равны по вѣсу, вездѣ и всегда качественно равны между собою, какой бы на нихъ ни стоялъ штемпель; но бумажныя деньги весьма различнаго достоинства, смотря потому, кѣмъ, гдѣ, когда и при какихъ условіяхъ онѣ выпущены. Между ними могутъ быть очень хорошія, почти равняющіяся по своему достоинству металлическимъ деньгамъ, и совершенно никуда не годныя. Вѣдь онѣ основаны на кредитѣ, и сколь различно качество кредитовъ, столь же различно качество бумажныхъ денегъ, и это независимо отъ выпущеннаго ихъ количества. Это не новость и всѣмъ хорошо извѣстно, но тѣмъ не менѣе это упускается изъ виду, когда говорятъ объ ужасахъ, сопряженныхъ съ бумажною денежною системою. Дѣйствительно, французскія ассигнаціи во время революціи повергли страну въ полное финансовое разстройство и банкротство, но не потому только, что были выпущены въ излишнемъ количествѣ, а потому, что онѣ, по самой сущности своей, по характеру обезпеченія, подъ которое онѣ были выпущены, ровно никуда бы не годились, еслибы даже количество ихъ не было чрезмѣрно. Какъ извѣстно, обез-

печеніемъ имъ служили конфискованныя имущества эмигрантовъ и духовенства. Эти ассигнаціи были такъ-сказать размѣнены только на эти имущества. Но многіе ли вѣрили въ прочность тогдашняго порядка вещей? Торжество иностранныхъ войскъ, возстановленіе Бурбоновъ, возвращеніе эмигрантовъ въ пылу побѣды и мщенія, не грозили ли возвращеніемъ конфискованнаго ихъ прежнимъ владѣльцамъ? Что же могли значить такія бумажныя деньги, даже еслибы въ нихъ и не было излишка?

Но и всѣ другія причины, могущія вліять на пониженіе цѣнности денегъ, соединились тогда, чтобъ ихъ уронить. Низкій курсъ ассигнацій, прямо проистекавшій отъ ихъ необезпеченности, вынуждалъ все къ большому и большому ихъ выпуску, а совершенный упадокъ промышленности и торговли уменьшалъ потребность ихъ для внутренняго обращенія: осталась лишь одна потребность правительственная.

Но почему же не обратить вниманія на недавній противоположный примѣръ Сѣверо-Американскихъ Штатовъ, такъ отлично справившихся со своими гринбаками? И тутъ выпускъ былъ чрезмѣрный, потребность въ денежномъ обращеніи была ослаблена, торговый балансъ невыгодный, ибо отпускъ да и самое производство главнаго предмета вывоза, хлопчатой бумаги, прекратился. Но основаніе цѣнности американскихъ бумажныхъ денегъ, т. е. довѣріе къ нимъ, никогда серьезно не подвергалось сомнѣнію, ибо побѣда Сѣверныхъ Штатовъ была въ сущности только вопросомъ времени; а съ этою побѣдой они совершенно упрочивались, оставались лишь побочныя, второстепенныя, а не существенныя причины ихъ низ-

каго курса: излишній выпускъ, временный застой промышленности и невыгодный торговый баланс, которые и были устранены разумною экономическою политикою, вѣрно понявшею въ чемъ именно заключается узелъ вопроса. Возобновленіе хлопчато-бумажнаго производства и строго охранительный тарифъ обратили торговый балансъ въ пользу Штатовъ и быстро подняли цѣнность бумажныхъ денегъ, такъ что съ излишкомъ ихъ выпуска, который въ Америкѣ былъ во всякомъ случаѣ дѣйствительнымъ, а не мнимымъ, не предстояло никакого труда справиться. Едва-ли кто станетъ спорить, что русскія бумажныя деньги, по внутреннему ихъ достоинству, опредѣляемому характеромъ того кредита, того довѣрія, на которомъ онѣ основаны, относятся къ тому разряду, къ которому принадлежатъ американскія, а не французскія революціонныя ассигнаціи; что упадокъ курса нашихъ бумажныхъ денегъ зависитъ отъ причинъ побочныхъ, а не существенныхъ. Но такъ какъ нашъ торговый балансъ не выгоденъ, — а мы доказали, что при такомъ состояніи баланса даже и въ томъ случаѣ, еслибы былъ кромѣ того и излишекъ денежныхъ знаковъ, безъ устраненія невыгоднаго баланса, уменьшеніе въ количествѣ бумажныхъ денегъ можетъ скорѣе испортить, чѣмъ исправить дѣло, — то очевидно, что и намъ для излѣченія нашего экономическаго недуга ничего не остается какъ обратиться къ тому же способу лѣченія, который такъ быстро и радикально помогъ Американцамъ. Но выставляя на видъ примѣръ Америки, говорящей въ пользу нашего мнѣнія, мы не должны упускать изъ вниманія примѣръ Италіи, говорящей, повидимому, противъ насъ. Не далѣе какъ въ 1880 году, Итальян-

ское правительство положило открыть резмѣнъ бумажныхъ денегъ, имѣвшихъ до того времени принудительный курсъ. Для этого оно сдѣлало заемъ 640 милліоновъ франковъ и постепенно выкупило на 600 милліоновъ бумажныхъ денегъ. Оставшіеся затѣмъ въ обращеніи 350 милліоновъ стали ходить *à pari*, т.-е. операція вполнѣ удалась. Но весь вопросъ въ томъ, былъ ли во время производства этой операціи торговый балансъ невыгоденъ для Италіи, и зависѣло ли паденіе курса бумажныхъ денегъ отъ невыгодности баланса? Ничего подобнаго не было, бумажныя деньги упали не болѣе какъ процентовъ на 10, такъ что различіе это было ничтожно для образованія преміи въ пользу покупателей итальянскихъ товаровъ. Какъ мала эта разница, видно, между прочимъ, изъ того, что она даже меньше той, которая существуетъ въ цѣнности обоихъ металловъ, употребляемыхъ на чеканку монетъ, такъ какъ въ настоящее время считается, что цѣна серебра на 16% ниже цѣны золота. Посему и въ Италіи должны были, при установленіи резмѣна, принять мѣры, чтобы дешевѣйшій металлъ не вытѣснилъ собою болѣе дорогаго. Изъ исторіи самаго хода операціи видно какое тщательное вниманіе было обращено итальянскимъ министерствомъ на состояніе торговаго баланса Италіи. Оно почло несвоевременнымъ приступомъ къ задуманной имъ мѣрѣ въ началѣ 1880 года, потому что неурожай 1879 года заставилъ итальянцевъ выпустить изъ страны на 200 милліоновъ франковъ драгоцѣнныхъ металловъ для покрытія экстреннаго ввоза хлѣба. Еслибы невыгодный торговый балансъ былъ обыкновеннымъ и постояннымъ явленіемъ въ Италіи, то нечего было бы на это обращать вниманія. Но, въ те-

ченіе того же года, усиленный отпускъ нѣкоторыхъ произведеній склонилъ вѣсы на сторону Италіи, и тогда было признано возможнымъ приступить къ означенной операціи. Этотъ счастливый для Италіи оборотъ былъ произведенъ преимущественно чрезвычайно усилившимся отпускомъ винъ во Францію, который сдѣлался въ послѣднее время явленіемъ постояннымъ, между тѣмъ какъ еще въ недавнее время итальянскія вина очень мало требовались за границу. Причина этого явленія заключается въ огромныхъ убыткахъ, понесенныхъ французскимъ винодѣліемъ отъ филлоксеры, уничтожившей въ этой странѣ уже болѣе полумилліона гектаровъ виноградниковъ, заразившей и болѣе или менѣе уменьшившей урожай еще на такомъ же пространствѣ. Франція нуждается во ввозѣ иностранныхъ винъ какъ для собственнаго употребленія, такъ еще болѣе для вывоза, причемъ, конечно, ввезенныя въ нее вина передѣлываются на новый ладъ. Кромѣ этого, Италія обладаетъ нѣсколькими предметами вывоза, стоящими внѣ всякой конкуренціи, которыхъ, при всѣмъ извѣстной итальянской бережливости и даже скупости, достаточно для того, чтобы направить балансъ въ ея пользу, не смотря на относительную бѣдность страны. Эти предметы суть сѣра и оливковое масло, которыхъ сбытъ настолько обезпеченъ, что Итальянское правительство сочло возможнымъ сохранить на нихъ вывозную пошлину. Сѣра, требованіе на которую для приготовленія пороха, для лѣченія виноградной болѣзни (оидіума), а главное, на приготовленіе сѣрной кислоты, огромно, — сѣра составляетъ совершенную монополію Италіи; оливкое же масло, хотя въ значительныхъ количествахъ добывается еще въ южной Франціи

и въ Греціи, далеко не можетъ удовлетворить всѣхъ требованій на этотъ предметъ. Усиленный вывозъ вина долженъ продолжаться и на будущее время, такъ какъ Франція обращается за нимъ не только къ сосѣдней Италиі, но даже и къ Румыніи. Упомянемъ еще о значительныхъ количествахъ шелка, риса, скота и молочныхъ продуктахъ (пармезанъ), вывозимыхъ изъ сѣверной Италиі, о значительныхъ количествахъ фруктовъ, апельсиновъ, лимоновъ и другихъ, о раннихъ овощахъ, которыми теплый климатъ Италиі позволяетъ ей снабжать самымъ дешевымъ способомъ Швейцарію, Германію и отчасти Францію. Но кромѣ этихъ продуктовъ, подлежащихъ болѣе или менѣе точной таможенной оцѣнкѣ, Италиа имѣетъ такой источникъ прилива иностранныхъ денегъ, который не можетъ быть усчитанъ никакою статистикой, это огромный приливъ путешественниковъ изъ всѣхъ странъ Европы и даже изъ Америки, и притомъ именно путешественниковъ богатыхъ, тратящихъ много денегъ. Италиа привлекаетъ ихъ болѣе, чѣмъ какая другая страна своимъ благоуханнымъ климатомъ, играющимъ въ настоящее время такую большую роль въ лѣченіи разнаго рода болѣзней, преимущественно грудныхъ; своею историческою славой, выражающеюся въ великолѣпныхъ архитектурныхъ и скульптурныхъ остаткахъ древности; первостепенными художественными произведеніями новаго искусства, наполняющими музеи, храмы и дворцы; наконецъ, феноменальными явленіями природы, каковы изверженія Везувія. Сверхъ всего этого, Италиа продолжаетъ до сихъ поръ быть религіознымъ центромъ 200 милліоновъ католиковъ. Въ былое время, это послѣднее обстоятельство заставляло притекать въ Италию огромные

капиталы, которые застыли и отвердѣли въ ея храмахъ и дворцахъ; но и теперъ еще французскія, испанскія, бельгійскія, американскія и даже славянскія паломничества, искреннія и демонстративныя, и динарій Св. Петра, доставляютъ Риму десятки милліоновъ франковъ, которые расходуются въ Италіи.

V.

Разсмотрѣвъ вопросъ съ разныхъ сторонъ, мы можемъ признать установленнымъ положеніе, что невыгодный торговый, или, точнѣе, расчетный балансъ не только можетъ, но долженъ имѣть своимъ неизбѣжнымъ послѣдствіемъ относительное пониженіе курса не только бумажныхъ, но и какихъ бы то ни было денегъ; что при существованіи невыгоднаго торговаго баланса, хотя бы совмѣстно съ нимъ существовали и другія причины, стремящіяся понизить курсъ бумажныхъ денегъ, устраненіе этихъ послѣднихъ причинъ не только не можетъ повысить курса, но должно еще усилить его невыгоды. А далѣе, такъ какъ существованіе излишества денежныхъ знаковъ въ Россіи, по меньшей мѣрѣ, сомнительно, невыгодный же балансъ есть фактъ неоспоримый, то нѣтъ и не можетъ быть иныхъ средствъ исправить нашъ денежный курсъ какъ исправленіе торговаго баланса въ нашу пользу. Намъ предстоить послѣ этого разсмотрѣть, въ чемъ именно могутъ заключаться эти средства.

Этому перечисленію отдѣльныхъ мѣръ, перечень которыхъ, какъ само собою разумѣется, не можетъ быть полнымъ, мы предпошлемъ нѣкоторыя общія соображенія, которыя должны установить правильную точку зрѣнія

на этотъ предметъ и такимъ образомъ опредѣлить характеръ этихъ мѣръ. Изъ двухъ возможныхъ путей перетянуть балансъ на нашу сторону: усилить отпускъ до той степени, чтобы онъ пересилилъ ввозъ или даже только сравнялся съ нимъ, или сократить этотъ послѣдній до уравненія его съ отпускомъ, мы считаемъ первый совершенно недостижимымъ по общимъ и спеціальнымъ условіямъ, въ которыхъ находится наша страна и по характеру ея производительныхъ силъ. Все это можно выразить въ немногихъ положеніяхъ, частью дополняющихъ, частью ограничивающихъ другъ друга.

1) Страны очень обширныя, съ большимъ разнообразіемъ климата и почвы, не имѣютъ ни надобности, ни возможности вести очень обширную внѣшнюю торговлю. При этомъ условія для усиленія ввоза въ нихъ вообще благопріятнѣе условій для усиленія вывоза, въ особенности если это страны по преимуществу земледѣльческія, съ слабымъ развитіемъ фабричной промышленности.

2) Съ увеличеніемъ народонаселенія такихъ странъ, условія вывоза становятся все хуже и хуже.

3) Только обладаніе совершенно спеціальными продуктами почвы и климата можетъ дать такой странѣ возможность значительно развить свой вывозъ.

4) Промышленность обрабатывающая возникаетъ сама собою только въ странѣ съ густымъ народонаселеніемъ, съ большимъ запасомъ концентрированныхъ капиталовъ и старыми просвѣщеніемъ и культурой.

5) Сырыя произведенія, непосредственно потребляемая, а не служащая матеріаломъ для дальнѣйшей обработки и не составляющія предметовъ роскоши, имѣютъ

строго опредѣленную границу въ количествѣ своего сбыта, тогда какъ произведенія промышленности обрабатывающей и предметы роскоши имѣютъ своею границей только платежныя средства покупателей.

Не трудно доказать всѣ эти положенія и вмѣстѣ съ тѣмъ показать, что всѣ поименованныя условія сложились для Россіи неблагопріятно, если считать неблагопріятнымъ относительное усиленіе внутренней и ослабленіе внѣшней торговли.

Въ самомъ дѣлѣ, торговля всего земнаго шара по необходимости внутренняя, всѣ избытки одной страны поглощаются другими; слѣдовательно, чѣмъ болѣе какая-либо страна своимъ пространствомъ и разнообразіемъ условій климата, почвы и пр. приближается къ тому разнообразію, которое вообще существуетъ на землѣ, тѣмъ въ большей степени должна преобладать въ ней внутренняя торговля надъ внѣшнею; и наоборотъ, страна маленькая, съ произведеніями однородными, должна восполнять это однообразіе внѣшнею торговлей. Но кромѣ этого, въ государствѣ съ разнообразными экономическими условіями излишекъ производства одной части въ значительной степени поглощается потребностями другой, такъ что для внѣшняго вывоза остается меньшая доля. Внутренняя торговля отнимаетъ значительную долю товаровъ отъ торговли внѣшней. Между тѣмъ тѣ заграничные продукты, которые вовсе не производятся въ государствѣ должны быть ввозимы для удовлетворенія потребностей не одной части, а всѣхъ частей государства. Напримѣръ, излишекъ хлѣба, производимый черноземною и южною Россіей, долженъ прежде удовлетворить потребностямъ сѣверныхъ, лѣсныхъ и фабричныхъ губерній,

не производящихъ его въ достаточномъ для своего прокормленія количествѣ, и только уже затѣмъ идти за границу; также и фабрики среднихъ губерній снабжаютъ своими излишками черноземныя и южныя губерніи, а сверхъ того эти фабриканты, по спеціальнымъ условіямъ (п. 4) экономической жизни Россіи, не имѣютъ никакихъ шансовъ, за удовлетвореніемъ внутренней въ нихъ потребности, идти еще и за границу, по крайней мѣрѣ, европейскую. Между тѣмъ, напримѣръ, чай или кофе требуется одинаково и для сѣверной, и для средней, и для южной Россіи.

Исторія показываетъ намъ, что очень значительная внѣшняя торговля велась и ведется всегда только государствами маленькими: Финикія, Греція, Карфагенъ, Венеціанская и прочія республики средневѣковой Италиі, Ганза, Голландія и, наконецъ, Англія,—все это государства небольшого объема. Первые, не имѣя въ достаточномъ количествѣ даже своихъ собственныхъ произведеній, на которыя могли бы обмѣнивать иностранные продукты, были, главнымъ образомъ, только факторами и извозчиками другихъ странъ. Но Англія, напримѣръ, богатая собственно лишь двумя продуктами, каменнымъ углемъ и желѣзомъ, на нихъ должна пріобрѣтать все остальное, а одинъ сбытъ ихъ въ сыромъ видѣ и даже въ обработанномъ (для желѣза) слишкомъ недостаточенъ для доставленія въ обмѣнъ всего нужнаго странѣ. Для достиженія этого она должна пріобрѣтать извнѣ массу разнородныхъ сырыхъ матеріаловъ: хлопчатой бумаги, шерсти, льна и пр., чтобы придать имъ, при посредствѣ своихъ желѣза, каменнаго угля, пригодный для употребленія видъ. Отсюда необходимость громадной внѣшней

торговли, стремление достигнуть значительной степени богатства, употребивъ въ пользу однообразные, но за то изобильные дары своей природы.

Противуположный примѣръ представляетъ намъ Китай. Эта страна жила тысячелѣтія, достигла громаднаго населенія и значительной степени благосостоянія, почти вовсе не производя внѣшней торговли. Замѣтимъ, что нельзя судить о благосостояніи Китая по теперешнему его положенію, когда возмущенія и внутреннія войны, продолжавшіяся почти непрерывно въ теченіе сорока лѣтъ, погубили десятки милліоновъ народа, обратили въ развалины города со стотысячнымъ и милліоннымъ населеніемъ и раззорили страну, да и вообще, когда Манжурская династія запустила каналы, дороги и т. п. Въ самомъ дѣлѣ, къ чему Китаю внѣшняя торговля, и даже чѣмъ ему торговать: включая въ себѣ страны холодноумѣреннаго, умѣреннаго и тропическаго пояса, плодородныя равнины, степи и горы, онъ самъ можетъ производить все для себя потребное и размѣномъ между произведеніями его различныхъ полосъ вполне замѣнить внѣшнюю торговлю, и это все не вслѣдствіе какихъ-либо особенностей народнаго характера, а вслѣдствіе огромности и свойствъ самой страны. Можно сказать, что внѣшней торговли Китай и по сіе время не велъ бы, почти не имѣя надобности что-либо покупать, да не имѣя въ достаточномъ количествѣ что и сбывать; еслибъ онъ не обладалъ спеціальнымъ продуктомъ, чаемъ, который сдѣлался потребностью почти всего свѣта. Китайскія краски, шелкъ, фарфоръ, не могли бы еще составить предмета для всемірной торговли. Но при естественномъ ходѣ развитія и самъ чай не могъ бы составить такого

значительнаго предмета вывоза, какъ теперь, потому что скоро китайцамъ было бы почти не на что его обмѣнивать, еслибъ Англія не доставила имъ такого предмета въ опиумѣ,—при помощи пушекъ, конечно.

Посмотримъ еще на обширную и богатую страну—на Сѣверо-Американскіе Соединенные Штаты. Это государство также обладаетъ своимъ спеціальнымъ продуктомъ, которымъ снабжаетъ рынки всего свѣта, если не столь исключительно, какъ Китай чаемъ, то еще на болѣе значительныя суммы,—хлопчатую бумагой. Сверхъ этого, оно производитъ огромное количество хлѣба, и въ этомъ отношеніи имѣетъ огромныя естественныя преимущества предъ Россіей уже тѣмъ, что, при пространствѣ вдвое большемъ противъ той части Европейской Россіи, которая можетъ считаться имѣющею экономическое значеніе, имѣетъ вдвое меньшее населеніе (140.000 кв. миль: 70.000 и 40 милл. жит.: 80 милл.) *), слѣдовательно, при всѣхъ прочихъ равныхъ обстоятельствахъ, за прокормленіемъ населенія долженъ оставаться въ Америкѣ относительно большій избытокъ хлѣба для вывоза. Къ этому присоединяется вообще лучшій климатъ и болѣе дѣвственная почва. Но не говоря уже объ Америкѣ, и другія страны, соперничающія съ Россіей въ отпускѣ хлѣба, имѣютъ предъ нею естественныя преимущества. Нижне-дунайскія страны, которыя по климату и почвѣ, по крайней мѣрѣ, равняются хлѣбороднѣйшимъ мѣстно-

---

*) Если вычесть, примѣрно, Архангельскую губернію, $\frac{3}{4}$ Вологодской, Олонецкую, болѣе половины Пермской, Улеборгскую губ. Финляндіи и обширныя неплодныя степи Астраханской, то болѣе 70.000 кв. миль, имѣющихъ сколько-нибудь серьезное экономическое значеніе, въ Европейской Россіи не останется.

стямъ Россіи, имѣютъ болѣе дешевый и легкій путь сбыта по Дунаю. Равнины Венгріи, ближе, нежели Россія къ мѣстамъ сбыта. Египеть есть страна, гдѣ самое экстенсивное хозяйство будетъ вмѣстѣ и самымъ интенсивнымъ, ибо весь трудъ удобренія, и притомъ наивозможно лучшаго, приняла на себя природа, вмѣстѣ съ орошеніемъ. Вновь освобожденныя страны Балканскаго полуострова, Болгарія по сю и по ту сторону Балканъ, находятся въ тѣхъ же условіяхъ, какъ и Румынія, и только турецкое угнетеніе препятствовало до сихъ поръ ихъ экономическому развитію. Все увеличивающееся населеніе Россіи, не только въ губерніяхъ, производящихъ избытокъ хлѣба, но и въ остальныхъ, должно поглощать все большее и большее количество хлѣба на внутреннее потребленіе. Наконецъ, хлѣбъ не есть такой продуктъ, котораго отпускъ могъ бы возрасти, не говорю безгранично, но даже и въ очень большой прогрессіи. Это продуктъ первой необходимости, и общее количество производства его всегда близко къ предѣлу насыщенія потребности въ немъ; даже, въ противоположность большей части другихъ предметовъ, съ увеличивающимся богатствомъ потребителей не увеличивается, а скорѣе уменьшается количество его потребленія. Между тѣмъ, какъ, напримѣръ, потребленіе чая, сахару, кофе, тканей, служащихъ для одежды и т. п., еще такъ далеко отъ предѣловъ насыщенія, что увеличеніе ихъ производства можетъ почитаться не имѣющимъ границъ и зависящимъ преимущественно отъ увеличенія средствъ покупателей; эти границы весьма мало растяжимы для хлѣба, а производство его подвержено вліянію непредусмотримыхъ и непредотвратимыхъ случайностей. Только совпаденіе рѣдкихъ

обстоятельствъ, именно неурожая за границей и урожая у насъ, можетъ сильно увеличить цифру вывоза хлѣба. Нельзя много рассчитывать, по отношенію къ усиленію вывоза, на введеніе такъ-называемаго интенсивнаго хозяйства, ибо историческій опытъ всѣхъ временъ показываетъ намъ, что никогда еще страна, производящая хлѣбъ улучшенными способами хозяйства, не была центромъ вывоза его. Это и понятно: такой характеръ земледѣльческой промышленности всегда начинается уже послѣ того, какъ населеніе страны достигло значительной густоты, а самые расходы, сопряженные съ такимъ хозяйствомъ, указываютъ на то, что въ странѣ уже много свободныхъ капиталовъ.

Между прочими предметами отпуска Россіи важное мѣсто занимаетъ еще ленъ, но, со всеобщимъ распространеніемъ бумажныхъ тканей, потребность въ немъ сравнительно не велика. Для скотоводства и его продуктовъ Россія стала уже слишкомъ населенною страной. Пустыни Сѣверной Америки, Аргентинской республики, Австраліи и Южной Африки будутъ въ этомъ отношеніи всегда имѣть предъ нею сильное преимущество, тѣмъ болѣе, что и климатъ этихъ странъ для обширнаго скотоводства гораздо болѣе выгоденъ, такъ какъ тамъ нѣтъ зимъ, требующихъ заготовленія большихъ запасовъ сѣна.

Изо всѣхъ этихъ соображеній и сравненій явствуетъ, что, даже изо всѣхъ обширныхъ государствъ, Россія имѣетъ наименѣе благопріятныя условія для веденія обширной внѣшней торговли, ибо не имѣетъ никакого спеціального продукта вывоза, подобныхъ чаю и хлопчатой бумагѣ, а по отношенію къ сырымъ произведеніямъ, служащимъ для пищи человѣка, соперничающія съ ней

страны имѣютъ передъ нею естественныя преимущества по климату, почвѣ, удобствамъ сбыта, а частію и по болѣе рѣдкому населенію. Насчетъ же продуктовъ обрабатывающей промышленности она можетъ имѣть только нѣкоторые виды на рынки Средней Азіи. По всѣмъ этимъ причинамъ, Россія и Англія діаметрально противоположны по характеру ихъ экономическаго положенія, такъ-сказать по свойствамъ ихъ экономическаго идеала. Между тѣмъ, какъ Англія должна всѣми мѣрами изыскивать новые рынки для своихъ фабричныхъ издѣлій и новые рынки для приобрѣтенія сырыхъ продуктовъ, по возможности, дешевою цѣной, должна опутывать своею торговою сѣтью весь міръ,—Россія должна думать о возможной экономической независимости и самостоятельности, насколько возможно довлѣть самой себѣ. Поэтому Англіи необходима самая широкая свобода торговли: ея экономическая политика—Манчестерская школа, ея теорія—фритредерство. Но именно по противоположности экономическаго положенія Россіи, эта политика и теорія къ ней рѣшительно непримѣнимы и должны быть для нея губительны; а примѣнима и полезна система діаметрально противоположная, т.-е. покровительственная система. Если Англіи нужно какъ можно болѣе покупать и продавать, то Россіи нужно, за невозможностью очень много продавать, покупать какъ можно меньше и стараться, сколько возможно, замѣнять предметы, ввозимые изъ-заграницы, предметами внутренняго производства, и этимъ путемъ достигать обращенія торговаго и вообще расчетнаго баланса въ свою выгоду, а никакъ не стремленіемъ усилить вывозъ до сравненія его съ ввозомъ, что недостижимо.

Выразивъ и доказавъ свой взглядъ на предметъ, мы можемъ теперь приступить къ разсмотрѣнію тѣхъ мѣръ, которыя, по нашему мнѣнію, должны повести къ возвышенію нашего денежнаго курса, т.-е. къ излѣченію того серьезнаго экономическаго недуга, которому низкій денежный курсъ служитъ только симптомомъ. Мѣры эти естественно раздѣляются на нѣсколько категорій:

1) Мѣры отрицательныя, которыя непосредственно и прямо дѣйствуютъ на уменьшеніе количества ввоза иностранныхъ товаровъ, а косвенно содѣйствуютъ развитію внутренней промышленности, т.-е. мѣры таможенныя.

2) Мѣры, относящіяся до самаго денежнаго обращенія.

3) Мѣры спеціально финансовыя, такъ какъ при финансовыхъ дефицитахъ является необходимость въ государственныхъ займахъ не только внутреннихъ, но и внѣшнихъ, что увеличиваетъ отпускъ драгоцѣнныхъ металловъ и вредно вліяетъ на расчетный балансъ, и, наконецъ, такъ какъ при такомъ положеніи финансовъ невозможна дѣятельная помощь развитію промышленности.

4) Мѣры положительныя, собственно экономическія, содѣйствующія возникновенію новыхъ отраслей промышленности, усиленію, распространенію и улучшенію старыхъ.

VI.

Первая и основная мѣра для улучшенія нашего торговаго баланса заключается, какъ само собою разумѣется, въ пересмотрѣ и измѣненіи всего тарифа. Указывать,

какія именно должны быть сдѣланы измѣненія для достиженія предположенной цѣли, мы, конечно, на себя не беремъ, — для этого нужны соединенныя силы многихъ спеціальныхъ людей: статистиковъ, финансистовъ, промышленниковъ, торговцевъ. Всѣ притязанія наши ограничиваются изложеніемъ тѣхъ точекъ зрѣнія, съ которыхъ, по нашему мнѣнію, должно смотрѣть на этотъ предметъ.

Тарифъ долженъ имѣть три цѣли: финансовую — доставить наивозможно бѣльшій доходъ казнѣ; промышленную — оказать достаточное покровительство внутреннему производству, и торговую — усилить по возможности отпускъ своихъ товаровъ снятіемъ съ нихъ вывозныхъ пошлинъ, что уже давно сдѣлано, и уменьшить привозъ иностранныхъ товаровъ даже независимо отъ цѣлей покровительственныхъ. Эти три точки зрѣнія комбинируются различнымъ образомъ, смотря по роду товаровъ, на которые должна быть установлена пошлина. Товары въ этомъ отношеніи естественно раздѣляются на два разряда. Къ первому относятся тѣ, которыхъ страна, по условіямъ климатическимъ, топографическимъ и проч., вовсе производить не можетъ. Очевидно, что относительно ихъ покровительственныя соображенія мѣста имѣть не могутъ, и дѣло рѣшается съ точекъ зрѣнія финансовой и торговаго баланса. Ко второму разряду принадлежатъ тѣ товары, производство которыхъ желательно усилить, улучшить или ввести въ странѣ. Очевидно, что покровительственная цѣль имѣетъ тутъ преобладающее значеніе. Если покровительство достаточно, то внутреннее производство должно со временемъ совершенно вытѣснить ввозъ товара изъ-за границы, или по крайней

мѣрѣ значительно его ослабить. Само собою разумѣется, что оно не должно быть чрезмѣрное, дабы товаръ внутренняго производства не слишкомъ вздорожалъ, пока внутренняя конкуренція не успѣетъ его удешевить, но съ другой стороны, именно въ первое время, эта премія должна быть достаточно велика чтобы привлечь къ производству промышленныя силы. Такимъ образомъ достигается мало-по-малу балансовая цѣль тарифа; финансовая же или приносится совершенно въ жертву двумъ остальнымъ цѣлямъ, или достигается наложеніемъ въ послѣдствіи акциза на внутреннее производство.

Относительно товаровъ второй категоріи, очевидно, величина таможенной пошлины опредѣляется специальными условіями производства каждаго товара, и общаго тутъ ничего сказать нельзя. Но относительно товаровъ первой категоріи не лишнимъ кажется слѣдующее замѣчаніе. Обыкновенно говорятъ, что, съ уменьшеніемъ пошлины на какой-нибудь товаръ, увеличивается получаемый отъ него таможенный доходъ. Это совершенно справедливо; но не должно забывать, что это не единственное средство увеличить таможенный доходъ, такъ какъ доходъ этотъ есть произведеніе двухъ множителей: пошлины на товаръ и количества ввозимаго товара, и слѣдовательно, существуетъ два максимума дохода: одинъ получаемый при возможно-большемъ увеличеніи количества ввоза, другой при возможно-высшей пошлинѣ. Въ самомъ дѣлѣ, съ уменьшеніемъ пошлины товаръ дешевѣетъ и употребленіе его увеличивается, но наконецъ, при дальнѣйшемъ уменьшеніи, съ одной стороны удешевленіе становится ничтожнымъ, а съ другой—потребность въ товарѣ приближается къ своему насыщенію,

такъ что одинъ множитель станетъ уменьшаться въ сильнѣйшей пропорціи, чѣмъ другой возрастетъ, и получится одинъ максимумъ дохода. Точно также, при увеличеніи пошлины товаръ дорожаетъ и потребление его уменьшается, но наконецъ достигается предѣлъ, за которымъ уменьшеніе количества ввоза происходитъ въ слабѣйшей пропорціи, чѣмъ увеличеніе пошлины, потому что сѣзвившійся кругъ потребителей, привыкшихъ къ какому-либо продукту, перестаетъ обращать вниманіе, конечно, до извѣстныхъ предѣловъ, на вздорожаніе предмета, и доходъ достигаетъ второго максимума. Оба эти максимума, такъ-сказать, минимальный и максимальный, обыкновенно не равны между собою, но первый не всегда бываетъ выше послѣдняго, часто бываетъ и наоборотъ. Возьмемъ, на примѣръ, товаръ, самъ по себѣ довольно дорого стоящій и привычка къ которому распространена въ сравнительно маломъ кругѣ потребителей, но такая привычка, которая уже очень сильно вкоренилась, а кругъ потребителей почему-либо не можетъ очень расширяться: въ такомъ случаѣ, возвышеніемъ пошлины до извѣстныхъ предѣловъ достигается большій доходъ, чѣмъ пониженіемъ ея; таковы, на примѣръ, нѣкоторыя дорогія пряности. Потребленіе ихъ ограничивается небольшимъ кругомъ людей, но привычка къ нимъ сильна, а такъ какъ притомъ издержки на нихъ составляютъ вообще малую долю расходовъ каждаго потребителя, то и весьма высокая пошлина не уменьшитъ чувствительно потребленія, а съ другой стороны, удешевленіе не можетъ усилить оное. Конечно, можетъ случиться, что оба максимума очень сблизятся между собою и даже совершенно сольются въ одинъ, начиная отъ котораго, и при

уменьшеніи пошлины, и при увеличеніи ея, доходъ будетъ уменьшаться. Но если, кромѣ финансовой цѣли, есть еще и другая, имѣющая въ виду уменьшеніе количества ввоза иностранныхъ товаровъ, то, конечно, надо всегда выбирать тотъ максимумъ, который получается при наименьшемъ количествѣ ввоза и наибольшей пошлинѣ. Такъ какъ товары этой категоріи суть по большей части предметы роскоши, то сильная пошлина на нихъ будетъ налогомъ на роскошь и слѣдовательно налогомъ справедливымъ и не нарушающимъ общаго благосостоянія. Исключеніе можетъ-быть составить одинъ чай, привычка къ которому уже сильно развилась въ массахъ, для которыхъ было бы большимъ лишеніемъ чувствительное вздорожаніе этого продукта, тѣмъ болѣе нежелательное, что онъ служитъ нѣкоторымъ отвлеченіемъ отъ употребленія водки.

Но мы здѣсь имѣемъ въ виду не одинъ торговый балансъ въ тѣсномъ смыслѣ этого слова, но расчетный балансъ вообще, и потому должны обратить вниманіе и на другіе пути, которыми утекаютъ за границу драгоценные металлы. Что иностранные долги, требующіе уплаты процентовъ звонкою монетой, должны быть дѣлаемы лишь въ крайнихъ случаяхъ, что въ особенности не должно дѣлать ихъ съ недостижимою цѣлью поднятія курса бумажныхъ денегъ, доказывать нечего. Противъ послѣдняго главнѣйшимъ образомъ и написана вся эта статья. Что должно избѣгать по возможности всякихъ правительственныхъ заграничныхъ заказовъ, и не заказывать, напримѣръ, за границей револьверы на милліоны рублей, когда нѣсколько единовременно отпущенныхъ сотенъ тысячъ поставили бы Тульскій заводъ въ возмож-

ность удовлетверять и этой потребности арміи, — это, конечно, также немногіе станутъ оспаривать. Но есть и еще немаловажный источникъ перевода металлическихъ денегъ за границу, тоже содѣйствующій склоненію баланса не въ нашу пользу — многочисленныя поѣздки за границу и продолжительное тамъ пребываніе. Наложеніе значительной пошлины на заграничные паспорта, пошлины, не только пропорціональной времени пребыванія за границей, но даже прогрессивно увеличивающейся съ этимъ временемъ, было бы совершенно цѣлесообразно, потому что или доставляло бы немаловажный доходъ казнѣ, или, что было бы гораздо лучше, сократило бы эти поѣздки и тѣмъ содѣйствовало бы улучшенію нашего расчетнаго баланса. Такой налогъ былъ бы и совершенно справедливъ; налогъ этотъ былъ бы налогомъ на роскошь, ибо поѣздки за границу, даже съ уважительною цѣлью поправленія здоровья, составляютъ роскошь, которую могутъ позволять себѣ относительно немногіе. Мало-ли дѣйствительно больныхъ, которые не въ состояніи дозволить себѣ этотъ дорогой способъ лѣченія, и мало-ли псевдобольныхъ, которые пользуются только предлогомъ болѣзни, чтобы поѣхать за границу, часто даже не для удовольствія, а просто изъ тщеславія? И неужели же большинство всѣхъ этихъ побужденій, гонящихъ нашихъ интеллигентныхъ соотечественниковъ за границу, суть побужденія столь почтеннаго и уважительнаго свойства, что за эту роскошь, весьма дорогую, нельзя заставить платить, когда приходится платить налоги на столько потребностей несравненно болѣе существенныхъ? Укажутъ, можетъ быть, на цѣли воспитательныя и образовательныя; но воспитаніе дѣтей за границей есть поло-

жительное зло, которое уже само по себѣ заслуживало бы полного запрещенія; что же касается поѣздокъ за границу людей, уже окончившихъ образованіе въ Россіи, съ цѣлью усовершенствованія въ различныхъ отрасляхъ знанія или искусства, то на эти исключительные и во всякомъ случаѣ немногочисленные случаи могли бы даваться и исключительныя льготы.

Но есть и еще причина, которая обращаетъ наложеніе пошлинъ на заграничные паспорта въ мѣру, уничтожающую привиллегію, которою совершенно несправедливо пользуются заграничные путешественники. Подданные каждаго государства должны, конечно, нести какъ личныя, такъ и имущественныя повинности относительно своего отечества. Имущественныя повинности заключаются въ уплатѣ податей. Наши неподатныя сословія, которыя составляютъ почти весь контингентъ заграничныхъ путешественниковъ, платятъ почти лишь одни косвенные налоги. Отсутствующіе изъ отечества платятъ пошлины на чай или кофе, которые пьютъ, на сахаръ, который употребляютъ, на табакъ, который курятъ, за квартиры или номера гостиницъ, въ которыхъ живутъ и пр. и пр. нѣмецкому, французскому, швейцарскому, итальянскому, а никакъ не русскому правительству, и потому будетъ совершенно справедливо заставить ихъ уплатить эти налоги впередъ, въ видѣ пошлины на заграничный паспортъ. Это столь же справедливо, какъ и наложеніе обязанности на молодыхъ людей призывнаго возраста сначала отбывать свою воинскую повинность и затѣмъ уже, если угодно, ѣхать за границу.

Но какъ опредѣлить напередъ количество этихъ уплатъ, которыя отнимаются у казны своего правитель-

ства уплатой ихъ государствамъ иностраннымъ? Въ этомъ нѣтъ особенной надобности, потому что въ налогѣ на заграничные паспорта соединяются два совершенно справедливые налога, такъ сказать, учетъ будущей уплаты косвенныхъ налоговъ и налогъ на роскошь. Но, скажутъ, вѣдь такой налогъ былъ бы стѣсненіемъ свободы? Въ этомъ не можетъ быть ни малѣйшаго сомнѣнія, но совершенно въ томъ же смыслѣ, какъ и при наложеніи какого бы то ни было государственнаго налога, прямого или косвеннаго. Уплата налоговъ лишаетъ меня нѣкоторой доли моихъ матеріальныхъ средствъ и тѣмъ самымъ лишаетъ меня возможности сдѣлать то, другое, третье, что бы я желалъ, такъ какъ вѣдь все на этомъ свѣтѣ стоить денегъ. Налогъ въ двадцать пять процентовъ съ цѣны билета по желѣзной дорогѣ позволить мнѣ съѣздить только четыре раза туда, куда мнѣ нужно было бы, или хотѣлось бы съѣздить пять разъ. И налогъ на заграничные паспорта инымъ образомъ не ограничилъ бы ничьей свободы.

VI.

Мѣры, касающіяся непосредственнаго улучшенія денежнаго обращенія, должны, по необходимости, носить совершенно отрицательный характеръ. Не надо прибѣгать ни къ внѣшнимъ, ни къ внутреннимъ займамъ съ цѣлью уменьшенія количества обращающихся кредитныхъ билетовъ; не надо девальвации кредитнаго рубля, не надо перекладки денегъ изъ одного казеннаго кармана въ другой, уплатой мнимаго долга банку (какъ это до очевидной ясности доказано *Московскими Вѣдомостями*),

перекладки, которая, однакоже, налагаетъ на казну, а слѣдовательно и на народъ, значительныя тягости, ибо откуда же брать потребныя для сего въ теченіе восьми лѣтъ ежегодныя куши по пятидесяти милліоновъ, при финансовомъ дефицитѣ? Не надо всего этого, потому что цѣли, которыхъ можно желать этимъ достигнуть, или недостижимы при невыгодномъ торговомъ балансѣ — и это еще самый лучший ихъ результатъ — или даже повели бы ко вредному результату, какъ выше доказано.

Но, однако, если уже рѣшено нести ежегодно пятидесяти-милліонную тягость, то не гораздо-ли лучше нести ее съ цѣлью производительною, чѣмъ съ непроизводительною и мнимою? Производительная трата даже еще лучше простаго воздержанія отъ траты. Почему бы эти пятьдесятъ милліоновъ, назначаемые на уплату государственному банку, не употребить на постройку Сибирской желѣзной дороги? Вѣдь ее также рѣшено непременно построить, а безъ какихъ-нибудь новыхъ тягостей, которыя лягутъ или непосредственно на бюджетъ, или, по крайней мѣрѣ, на страну, при употребительныхъ доселѣ методахъ—этого сдѣлать невозможно. вмѣсто двухъ тягостей не лучше-ли соединить ихъ въ одну? Восемь лѣтъ, по пятидесяти милліоновъ ежегодно,—вѣдь на эти деньги можно выстроить нѣсколько тысячъ верстъ желѣзныхъ дорогъ и, между прочимъ, не только довести дорогу въ самую глубь Сибири, но еще построить вѣтвь въ наши Среднеазіатскія владѣнія до любого пункта. Даже въ отношеніи непосредственной цѣли, на которую предназначены эти милліоны, не окажется-ли эта дорога бѣльшаго и полезнѣйшаго вліянія, чѣмъ уплата ихъ

банку? Вѣдь и для сбыта за границу доставить она лишніе товары, и нашимъ товарамъ откроетъ болѣе легкій и дешевый путь въ глубь Средней Азіи, а слѣдовательно, хотя сколько-нибудь посодѣйствуетъ и улучшенію нашего торговаго баланса. Да и кромѣ того, эти милліоны, издерживаемые въ глухой и отдаленной странѣ, оживили бы тамъ всѣ денежные обороты, и если въ самомъ дѣлѣ у насъ излишекъ въ денежныхъ знакахъ, то излишекъ этотъ долженъ чувствоваться преимущественно тамъ, гдѣ вообще экономическая жизнь бѣтается сильнѣе, куда приливаетъ экономическая кровь, т.-е. въ сердцѣ страны и его окрестностяхъ. Слѣдовательно, отвлекая эту кровь къ конечностямъ тѣла, въ широкую и отдаленную Сибирь, мы доставляемъ ей новыя артеріи и вены для обращенія, мы достигаемъ въ значительной степени тѣхъ же результатовъ, какъ и прямымъ уничтоженіемъ дѣйствительнаго или мнимаго ея излишка. Вмѣсто кровопусканія, мы ставимъ синапизмъ, а кровопусканіе и въ медицинѣ теперь мало употребительно.

Но и указанное ежегодное употребленіе означенныхъ 50 милліоновъ въ теченіе восьми лѣтъ было бы, по нашему убѣжденію, только лучшимъ изъ худшаго. Все-таки, эти 50 милліоновъ ложились бы своею тягостью на государственный бюджетъ, а было бы и легче, и дешевле, (оставивъ вовсе эту уплату 50 милліоновъ, имѣющихъ добываться вѣдь не иначе, какъ уплатой за нихъ процентовъ), для построенія Сибирской и иныхъ желѣзныхъ дорогъ, *horribile dictu*, выпускать ежегодно въ теченіе восьми лѣтъ по 50 милліоновъ новыхъ кредитныхъ билетовъ, за которые никакихъ процентовъ не платится, и которые суть даровой кредитъ, даваемый

народомъ своему правительству, къ которому онъ имѣеть полное и безусловное довѣріе. Что тутъ нѣтъ ничего страннаго, видно изъ того, что всѣ соображенія, почерпнутыя изъ аналогіи съ другими государствами, а также всѣ соображенія другаго рода (что банковые проценты у насъ высоки, что вмѣсто процентныхъ билетовъ начинаютъ ходить купоны) заставляютъ думать, что правительство еще смѣло можетъ выпустить до 350 и даже до 700 милліоновъ кредитныхъ билетовъ, прежде чѣмъ удовлетворятся дѣйствительныя требованія денежнаго обращенія. Другія опасенія, внушаемыя бумажными деньгами, мы также разсмотрѣли, и видѣли, что пагубныя ихъ свойства зависятъ главнымъ образомъ не отъ излишка ихъ количества (вредъ излишка мы вообще не отрицаемъ, а отрицаемъ лишь существованіе этого излишка въ данномъ случаѣ, въ примѣненіи къ Россіи); а отъ самой негодности ихъ качества, негодности того обезпеченія, подъ которое они были выпущены во время французской революціи. Такая же негодность билетовъ, выпущенныхъ Лоу подъ несуществовавшія богатства Мессисипской компаніи, объясняетъ крахъ, случившійся въ улицѣ Кенкеннуа.

Затѣмъ остается еще только одна причина недовѣрія къ бумажнымъ деньгамъ: это—способность ихъ быть употребляемыми во зло, способность, которую онѣ раздѣляютъ со всѣми безъ исключенія предметами подлуннаго міра, и еще та странная мысль, что никто не обладаетъ даромъ въ такой степени злоупотреблять ими, какъ именно правительства, между тѣмъ, какъ исторія показываетъ, что на одинъ примѣръ (почти всегда объясняемый особыми обстоятельствами) гибельныхъ послѣд-

ствій правительственныхъ злоупотребленій приходится сотни примѣровъ злоупотребленій обществъ, банковъ и частныхъ лицъ, которыхъ банкротства вели за собою самыя гибельныя послѣдствія для ихъ довѣрителей. А между тѣмъ, все продолжаютъ твердить, что выпускъ кредитныхъ знаковъ, ходячихъ какъ деньги, долженъ быть предоставленъ не правительству, а именно этимъ частнымъ банкамъ и банкирамъ. Мы думаемъ, напротивъ, что право пользоваться даровымъ кредитомъ, т.-е. выпускомъ кредитныхъ денегъ, должно исключительно принадлежать правительствамъ, такъ какъ только правительства могутъ обращать это великое право исключительно на общую пользу, на пользу того, кто даетъ этотъ кредитъ, то-есть народа. Но много ли употребленій такого кредита болѣе полезныхъ, чѣмъ доставленіе народу хорошихъ, дешевыхъ путей сообщенія, и много ли обезпеченій, подъ которыя могутъ выпускаться кредитные билеты, болѣе солидныхъ, чѣмъ желѣзныя дороги? Если они хорошо проектированы съ экономической точки зрѣнія, хорошо и дешево построены съ технической, то уплата по нимъ не только вѣрна, но неизбѣжна. Ее произведутъ будущіе пассажиры и товароотправители. Чтобъ уплата ихъ пошла дѣйствительно на погашеніе по заключенному на нихъ и подъ ихъ обезпеченіе безпроцентнаго займа, надо только установить, чтобы весь чистый доходъ съ дороги шелъ непременно на уничтоженіе выпущенныхъ на постройку бумажныхъ денегъ. Если дорога построена не на занятой подъ болѣе или менѣе высокіе проценты капиталъ, а на спеціально для сей цѣли выпущенные кредитные билеты, то вѣдь все, что останется отъ из-

держекъ по эксплуатаціи, будетъ ли то 5, 4, 3, 2 или хотя бы 1 процентъ, все будетъ чистый доходъ, и все пойдетъ на постепенное извлеченіе этихъ кредитныхъ билетовъ. Рано или поздно это погашеніе произойдетъ, а во многихъ случаяхъ довольно скоро. По Московско-Рязанской дорогѣ оно произошло бы, на примѣръ, въ какія-нибудь десять лѣтъ; рѣдко потребовалось бы на это болѣе тридцати лѣтъ. Послѣ этого дорога сдѣлалась бы, такъ-сказать, даровою, т.-е. за провозъ пассажировъ и товаровъ слѣдовало бы платить лишь столько, чтобъ окупалась эксплуатація и сколько нужно на образованіе резервнаго капитала на случай непредвидѣнныхъ надобностей. Можно бы даже, взимая съ пассажировъ обыкновенную плату, настолько еще удешевить провозъ товаровъ. А такъ какъ на дорогѣ, хорошо проектированной, построенной и эксплуатируемой, расходъ не превышаетъ 50% валоваго дохода, то провозъ по такой дорогѣ обошелся бы вдвое дешевле, чѣмъ нынѣ, то какія выгоды, какія преимущества имѣла бы Россія, если бы наши дороги, по крайней мѣрѣ главныя и важнѣйшія, были построены такимъ образомъ? Многія изъ нихъ уже давно бы окупились, выпущенные на ихъ сооруженіе кредитные билеты были бы уже погашены. И трудно понять, почему бы этого нельзя было дѣлать. Можно дѣлать займы процентные; почему же не дѣлать безпроцентныхъ, когда погашеніе ихъ вѣрно и несомнѣнно, и когда государство обладаетъ незыблемымъ кредитомъ у своего народа? Занимая деньги у частныхъ лицъ, очевидно, что ихъ необходимо вознаграждать за оказываемую ими услугу, платя имъ проценты; но когда заемъ дѣлается у цѣлаго народа, для цѣлей производи-

тельныхъ, безусловно для него выгодныхъ, то сама эта несомнѣнная будущая выгода и составляетъ достаточное ему вознагражденіе, тѣмъ болѣе, что вознагражденіе болѣе прямое и непосредственное, возвышая стоимость предпріятія, уменьшаетъ пользу, которую оно можетъ принести. Для пользованія такимъ кредитомъ необходимо, конечно, благоразуміе, дабы не превысить должной мѣры. Потому, можетъ-быть пришлось бы строить дороги нѣсколько медленнѣе и не строить ненужныхъ, излишнихъ, несвоевременныхъ, напрасно удлиняющихъ путь и даже совсѣмъ вредныхъ.

Но если такой способъ постройки былъ бы вообще выгоденъ, то для Сибирской дороги онъ почти необходимъ. Въ самомъ дѣлѣ, пусть будетъ проведена эта дорога не въ глубь Сибири, а только, такъ-сказать, до окраинъ ея, до южной части Западной Сибири, на примѣръ хоть только до Томска. Длина такой линіи отъ Нижняго, откуда она начнется, составила бы уже слишкомъ 3.000 верстъ, а до ближайшаго порта, Петербурга — уже 4.000. При теперешнемъ тарифѣ провозъ пуда пшеницы по 25 коп. за тысячу верстъ составилъ бы одинъ рубль или 10 руб. за четверть. Прочіе расходы: подвозъ къ дорогѣ, нагрузка, перегрузка, выгрузка, разгрузка, жалованье прикащикамъ и пр., составятъ не менѣе рубля, да барышъ купцу нельзя положить менѣе 1 р. 50 к. на 11 р. расхода, итого 12 р. 50 коп. Цѣна пшеницы въ Петербургѣ стоитъ на 15 рубляхъ съ копѣйками; слѣдовательно, производитель въ Томскѣ и окрестностяхъ могъ бы получить за четверть пшеницы только отъ 2 р. 50 коп. до 3 руб., цѣна, за которую никто бы не сталъ заниматься ея воз-

дѣлываніемъ. Но еслибы Сибирская дорога была построена на безпроцентный заемъ, цѣна провоза уменьшилась бы до 6 руб. 25 коп. и томскій производитель пшеницы могъ бы получить отъ 6 руб. 25 коп. до 6 руб. 75 коп. за четверть, что въ этой отдаленной и глухой мѣстности составило бы уже хорошую цѣну. А препятствія къ этому—одинъ предразсудокъ, основанный на примѣрахъ, ни къ данному случаю, да и вообще къ Россіи не примѣнимыхъ.

Не смотря, однакоже, на всю очевидность выгодности постройки Сибирской желѣзной дороги на средства, добытыя безпроцентнымъ займомъ, не смотря на убѣжденіе, что у насъ не только нѣтъ избытка въ денежныхъ знакахъ, а есть положительный въ нихъ недостатокъ, мы бы усомнились въ практичности немедленно же начать эту постройку на выпускаемые вновь кредитные билеты по 50 милліоновъ въ годъ; но усомнились бы единственно потому, что, какъ мы уже изложили это выше, въ экономическомъ мірѣ дѣйствуетъ не сила вещей сама по себѣ, а то представленіе, которое имѣютъ объ ней люди. Если въ мірѣ физическомъ лучъ свѣта, проходящій чрезъ разныя среды преломляется и, уклоняясь отъ своего пути, заставляетъ насъ видѣть предметъ, отъ котораго исходитъ, не на томъ мѣстѣ, гдѣ онъ дѣйствительно находится, то въ мірѣ экономическомъ, политическомъ и вообще вездѣ, гдѣ дѣятелемъ и двигателемъ является человѣкъ, сила вещей можетъ проявляться не иначе, какъ чрезъ посредство человѣческаго сознанія, и, проходя чрезъ эту среду, измѣняетъ свои свойства, такъ, что дѣятелемъ является уже не сама сила вещей, а то представленіе о ней, которое люди

себѣ о ней составляютъ, хотя, конечно, мало-помалу сила вещей и дастъ себя знать, исправляя ошибочное о ней представленіе. Но, такъ какъ ошибочное представленіе о причинахъ упадка денежнаго курса и о значеніи бумажныхъ денегъ несомнѣнно существуетъ, такъ какъ, сверхъ того, многіе находятъ свои выгоды въ такомъ настроеніи общественнаго мнѣнія и умышленно и неумышленно, искренно и притворно испугаются новаго выпуска русскихъ бумажныхъ денегъ, хотя бы въ сущности вовсе не излишнихъ и обеспеченныхъ самымъ твердымъ образомъ; то такого убѣжденія, все равно истиннаго или ложнаго, будетъ достаточно, чтобы понизить ихъ курсъ, хотя, конечно, только временно. Надо, слѣдовательно, дать прежде силѣ вещей выказать несомнѣннымъ образомъ свое дѣйствіе, надо показать осязательнымъ опытомъ, что низкій курсъ зависитъ не отъ излишняго количества у насъ денежныхъ знаковъ, а отъ торговаго баланса; надо, чтобы тарифъ и одинъ только тарифъ, безо всякихъ мѣръ, непосредственно направленныхъ на сокращеніе количества нашихъ кредитныхъ билетовъ, оказалъ свое благотѣльное вліяніе, показалъ, въ чемъ сущность дѣла. Тогда новый выпускъ кредитныхъ билетовъ для постройки Сибирской желѣзной дороги сдѣлается совершенно безопаснымъ; пока же, было бы уже большимъ выигрышемъ, еслибы 50 милліоновъ, уплачиваемыхъ совершенно напрасно казною Государственному Банку, пошли на производительное дѣло, на постройку этой столь необходимой для Россіи дороги. Желѣзныя дороги могли бы быть предметомъ и другой, весьма выгодной и существенно полезной операціи. Я разумѣю выкупъ ихъ правительствомъ. Только когда

эти монопольные пути будутъ въ полномъ распоряженіи правительства, могутъ они оказать все свое благотѣльное вліяніе на общественное благосостояніе; только при этомъ условіи желѣзно-дорожные тарифы перестанутъ противодѣйствовать тарифамъ таможеннымъ и нейтрализовать ихъ въ значительной степени. Едва-ли какія-либо законодательныя мѣры могутъ вполнѣ этого достигнуть. У насъ привыкли, правда, бояться казеннаго управленія; чиновниковъ укоряютъ въ небрежности, въ недостаткѣ честности и т. п. Все это, пожалуй, и совершенно справедливо; но, такъ какъ съ экономической точки зрѣнія дѣло идетъ не объ абсолютной честности и строгомъ исполненіи долга, а только о сравнительномъ хозяйствѣ непосредственными органами правительства и компаніями, то долговременный опытъ не показалъ ли уже съ достаточною ясностью, что первое все-таки предпочтительнѣе послѣдняго? Пусть злоупотребленія чиновниковъ по справедливости называются воровствомъ, казнокрадствомъ и другими неблагозвучными названіями, а вторыя считаются формально-юридически законными; послѣднія тѣмъ не менѣе тяжелѣе ложатся на общественное благосостояніе, чѣмъ первыя, точно такъ же, какъ хозяйничанье продовольствовавшей нашу армію въ послѣднюю войну частной компаніи Когана, Грегера и пр. обошлось дороже, чѣмъ хозяйничанье проворовавшагося интендантства въ Севастопольскую войну.

Что касается сущности дѣла, то очевидно, что покупка желѣзныхъ дорогъ не стоила бы казнѣ ни копѣйки лишняго расхода, ибо доходы съ дорогъ, вмѣстѣ съ уплачиваемою гарантіей, служили бы достаточнымъ

источникомъ для уплаты процентовъ по тѣмъ бумагамъ, которыя замѣнили бы собою желѣзно-дорожныя акціи. Всякое же улучшеніе въ управленіи и эксплуатаціи дорогъ было бы уже чистымъ барышемъ казны.

Но вѣдь желѣзно-дорожныя общества всѣ задолжали казнѣ громадныя суммы, и на уплату этого долга гораздо менѣе можно рассчитывать, чѣмъ на полученіе 300 милліоновъ вознагражденія за военныя издержки съ Турціи. При покупкѣ дорогъ, казна могла бы вычестъ свой долгъ на такомъ же точно основаніи, на какомъ, при выкупѣ крестьянскихъ надѣловъ, долги опекунскому совѣту, уплата которыхъ должна была бы производиться постепеннымъ взносомъ процентовъ и погашенія въ теченіе многихъ лѣтъ, были вычтены разомъ. Если эта мѣра, которая не могла же считаться строго законною, оправдывалась общественною и государственною пользою, то почему тотъ же резонъ не могъ бы быть приложенъ и ко владѣльцамъ желѣзно-дорожныхъ акцій, какъ онъ былъ приложенъ и теперь еще прилагается къ помѣщикамъ? Конечно, это было бы только формальнымъ оправданіемъ мѣры, въ сущности весьма стѣснительной для частныхъ лицъ; но взысканіе долга могло бы быть произведено съ разсрочкой, которая выразилась бы, на примѣръ, въ уменьшеніи процентовъ, уплачиваемыхъ казной по бумагамъ, которыми она уплатитъ за выкупаемыя желѣзныя дороги.

VIII.

Экономисты-теоретики не жалуютъ, какъ извѣстно, косвенныхъ налоговъ; ихъ идеаль заключался бы въ

замѣнѣ всѣхъ ихъ прямымъ налогомъ, строго пропорціональнымъ доходу, получаемому каждымъ подданнымъ государства. Нашъ идеалъ совершенно этому противоположный. Въ нашихъ глазахъ, послѣднимъ словомъ финансоваго прогресса была бы совершенная замѣна всѣхъ прямыхъ податей косвенными. Первое преимущество этого финансоваго идеала заключается въ томъ, что онъ гораздо достижимѣе перваго: въ нѣкоторыхъ странахъ онъ уже и достигнутъ. Такъ, на примѣръ, въ началѣ шестидесятыхъ годовъ, въ Норвегіи (гдѣ мнѣ случилось провести тогда около года) всѣ государственные доходы получались исключительно отъ таможенныхъ пошлинъ, и никакихъ прямыхъ налоговъ не было; измѣнилось ли это теперь, не знаю.

Самый существенный недостатокъ прямыхъ налоговъ тотъ, что они никогда не могутъ быть распрѣделены пропорціонально дѣйствительнымъ средствамъ плательщиковъ, и всегда считаются ими за тяжелое бремя. Первое есть недостатокъ экономическій; второе, такъ сказать, недостатокъ психическій. Они не могутъ быть пропорціональны и уравнительны, потому что, за небольшимъ исключеніемъ лицъ, получающихъ опредѣленное жалованье или опредѣленный доходъ съ бумагъ приносящихъ проценты, доходы всѣхъ прочихъ лицъ: землевладѣльцевъ, фабрикантовъ, купцовъ, ремесленниковъ, занимающихся свободными профессіями, мѣняются съ года на годъ въ самыхъ значительныхъ размѣрахъ, въ зависимости отъ урожаевъ, цѣнъ на продукты, хода промышленности, торговли и разныхъ непредвидѣнныхъ обстоятельствъ. Вычисленіе средней доходности очень мало помогаетъ дѣлу, потому что эта средняя доход-

ность есть въ сущности отвлеченная величина, съ которою рѣдко кто сообразуется. Въ хорошій, удачный годъ хозяева уплачиваютъ долги, вообще поправляются въ дѣлахъ, конечно, не откладываютъ на налоги, которые придется уплачивать съ трудомъ въ годъ менѣе доходный или совершенно убыточный. Еще важнѣе другое обстоятельство: если и можно опредѣлить получаемый доходъ, то какъ опредѣлить расходъ? Два человѣка получающіе, положимъ, по пяти тысячъ дохода, но изъ которыхъ одинъ холостой или бездѣтный, а другой обремененъ большимъ семействомъ, долженъ содержать престарѣлыхъ родителей и сиротъ-родственниковъ, находятся въ совершенно различныхъ имущественныхъ положеніяхъ. Дѣйствительное различіе въ средствахъ лицъ получающихъ одинаковый доходъ, можетъ такимъ образомъ равняться разницѣ, существующей между лицами получающими доходъ вдвое и втрое большій или меньшій. Да одно ли это? Образъ жизни одного человѣка, при веденіи котораго онъ только и можетъ получить свой доходъ, требуетъ очень большихъ издержекъ на внѣшнюю представительность, и это вовсе не изъ прихоти, тщеславія, а по дѣйствительной необходимости. Большая и хорошо убранная квартира, лошади, экипажъ, дорогая прислуга и т. п. должны быть во многихъ случаяхъ причисляемы, выражаясь экономическимъ языкомъ, къ издержкамъ производства.

Затѣмъ самая тягость, самая непріятность прямыхъ налоговъ развѣ не должна быть принимаема во вниманіе? Вѣдь то, что мы называемъ благосостояніемъ, измѣряется собственно не извѣстнымъ количествомъ получаемыхъ рублей, даже не отношеніемъ между числомъ

удовлетворяемыхъ и не удовлетворяемыхъ потребностей, а скорѣе чувствомъ довольства, которое внушаетъ намъ наше матеріальное положеніе. Слѣдовательно, то, что нарушаетъ это чувство довольства, есть дѣйствительная тягость, которой должно избѣгать, если возможно. Въ самомъ дѣлѣ, не гораздо ли для меня лучше, если я плачу столько же или даже болѣе, но ни мало не чувствую тягости этой уплаты? Не должно, кажется мнѣ, забывать, что въ концѣ концовъ всѣ экономическіе законы приводятся къ законамъ психическимъ. По многимъ причинамъ, почти всякій плательщикъ будетъ стараться скрывать свои доходы и такимъ образомъ уменьшать свою долю въ уплатѣ налоговъ. Ни одного изъ этихъ неудобствъ не имѣютъ налоги косвенные. Они уравнительны и пропорціональны по самому существу своему, если только соображены такъ, чтобы падали на предметы потребленія всѣхъ классовъ общества и уплачивались нечувствительно, малыми, дробными дозами. При всякомъ измѣненіи въ средствахъ къ жизни, всякій имѣетъ полную возможность самъ измѣнять количество уплачиваемыхъ имъ налоговъ.

Но приверженцы прямаго налога съ дохода скажутъ, и дѣйствительно говорятъ, что уплата государственныхъ налоговъ въ размѣрѣ средствъ cadaго есть священный долгъ гражданина, и что политическое развитіе народа должно вести все къ большому и къ большому сознанию этого долга. Все это очень хорошо, но находится въ полнѣйшемъ, непримиримомъ противорѣчии со всѣми остальными положеніями экономической науки. Что такое основной законъ, опредѣляющій цѣну товаровъ, отношеніе ихъ между предложеніемъ и требованіемъ, какъ

не результатъ человѣческой алчности, жадности или вообще самаго послѣдовательнаго эгоизма? Вѣдь не только законы нравственности, но даже законы правды и справедливости требуютъ совершенно инаго. Въ какомъ-нибудь продуктѣ крайняя нужда, и вотъ всѣ обладатели этого продукта потираютъ руки, придерживаютъ свой товаръ и говорятъ про себя: платите дороже, гораздо дороже, чѣмъ онъ намъ стоитъ вмѣстѣ съ тою надбавкой, которую мы по справедливости могли бы требовать въ уплату нашего труда. Наоборотъ, какой-нибудь товаръ въ изобиліи, но производителямъ его необходимо промѣнять его на предметы удовлетворенія различныхъ нуждъ и потребностей, — покупатели радуются, говоря: намъ вашего товара не нужно; возьмемъ, пожалуй, если отдадите безо всякой для васъ выгоды, даже съ убыткомъ. Вѣдь это дѣйствительный смыслъ экономическаго закона, переведенный съ языка научной формулы на языкъ общеупотребительный. Но и этимъ не ограничиваются. Выставляютъ и такую экономическую аксіому, что капиталъ не знаетъ отечества. Но вѣдь это фигура рѣчи. Капиталъ самъ есть не болѣе, какъ сборъ разныхъ вещей, которыя, конечно, отечества имѣть не могутъ; капиталомъ становятся онѣ только потому, что есть человѣкъ, капиталистъ, который приводитъ ихъ въ экономическое движеніе. Смыслъ безобидно звучащей метафоры тотъ, что обладатели капиталовъ предпочитаютъ свои личные интересы интересамъ отечества до полнаго ихъ забвенія. Все это говоримъ мы вовсе не въ укоръ экономическому ученію. Положенія его суть несомнѣнные факты, и устанавливая ихъ, экономическая наука была совершенно права и стояла на почвѣ дѣй-

ствительности. Я хочу сказать только, что *экономическіе* порядокъ и строй—одно, *правовые* порядокъ и строй—другое, а *нравственные* порядокъ и строй—третье, и что разсуждая съ одной точки зрѣнія, не должно перескакивать на другія. Утверждая, конечно, съ экономической точки зрѣнія, что капиталъ не имѣетъ отечества, не должно, разсуждая о налогахъ, переходить на точку зрѣнія гражданскихъ доблестей и христіанскихъ добродѣтелей, внѣ которыхъ прямыя налоги не могутъ быть ни справедливыми, ни уравнительными для плательщиковъ. Добросовѣстное показаніе доходовъ или, точнѣе, дѣйствительныхъ средствъ къ жизни, при которомъ прямая подать съ дохода только и можетъ быть уравнительною и, слѣдовательно, желательною, предполагаетъ иной строй общества, доселѣ никогда еще на землѣ не существовавшей,—строй обществъ, основанный не на экономическихъ началахъ, а на началахъ евангельски-христіанскихъ. Это есть достояніе того блаженнаго тысячелѣтія, наступленія котораго ожидаютъ нѣкоторые сектанты подъ именемъ милленіума, когда агнецъ будетъ пасть около льва и сатана будетъ скованъ на цѣлюю тысячу лѣтъ. Но тогда, вѣроятно, ни въ какихъ податяхъ и налогахъ не будетъ уже надобности.

Цѣль, которую я имѣлъ въ виду, при этомъ разсужденіи о прямыхъ и косвенныхъ податяхъ, состоитъ въ томъ, чтобы показать, что на благоразумномъ и цѣлесообразномъ установленіи косвенныхъ податей должны быть основаны всѣ старанія къ улучшенію русскихъ финансовъ, которое должно состоять послѣдовательно: во-первыхъ, въ уничтоженіи дефицитовъ; во-вторыхъ, въ до-

ставленіи государству возможности дѣлать тѣ новые расходы, которые требуются, съ одной стороны, для содѣйствія развитію различныхъ отраслей русской промышленности, а съ другой, для укрѣпленія и усиленія его политическаго положенія, и въ третьихъ—въ отмѣнѣ всѣхъ прямыхъ податей, временное наложеніе которыхъ должно бы замѣнять собою государственные займы въ случаяхъ особаго напряженія государственныхъ силъ въ военное время.

Я сказалъ, что улучшеніе финансоваго положенія Россіи обусловливается, между прочимъ, и усиленіемъ политическаго положенія ея, ибо очевидно, что въ настоящее время политическое положеніе Россіи далеко не соотвѣтствуетъ ни дѣйствительнымъ ея силамъ, ни ея исторической роли. Государство съ населеніемъ по крайней мѣрѣ въ 90 милліоновъ добраго и мужественнаго народа, хотя и не задорно воинственнаго, но не имѣющаго себѣ равнаго по воинской доблести, государство съ границами, собственно только съ одной западной стороны открытыми для нападенія сильныхъ враговъ, такое государство принуждено выносить оскорбленія и неправды, подобныя Берлинскому трактату, оставаться безучастнымъ къ угнетенію своихъ единоплеменниковъ по духу и крови въ Галиціи, Босніи и Герцеговинѣ, подчинять свою политику видамъ Германіи и даже считать одною изъ гарантій своей безопасности великодушіе и добропамятность престарѣлаго доблестнаго монарха ея. Силы и призваніе Россіи даютъ ей и право, и обязанность быть столь же безспорно первою военною державой на сушѣ, какъ Англія на морѣ; между тѣмъ, нельзя не сознаться, что такое значеніе выпало на долю Германіи,

имѣющей вдвое меньшее населеніе и границы, со всѣхъ сторонъ открытыя непріятельскимъ ударамъ, Германіи, которая могла достигнуть такого значенія только благодаря частію великодушію, частію политическимъ ошибкамъ Россіи.

Улучшеніе нашихъ финансовъ именно путемъ хорошей системы косвенныхъ налоговъ вполне достижимо, и достижимо въ непродолжительномъ времени. Между предметами обложенія есть одинъ давно извѣстный, который удовлетворяетъ всѣмъ требованіямъ хорошей и чрезвычайно доходной статьи. Я разумѣю хлѣбное вино. Питейный налогъ служитъ издавна предметомъ упрековъ нашей финансовой системѣ, какъ основанной на спаиваніи, развращеніи и разореніи народа. Всѣ эти упреки совершенно справедливы, поскольку они касаются системъ взиманія этого налога, какъ бывшей откупной, такъ и теперешней акцизной. Но тѣмъ не менѣе водка остается не только отличнымъ, но даже наивозможно лучшимъ предметомъ обложенія по своей сущности. Не будучи предметомъ необходимости, она вмѣстѣ съ тѣмъ обратилась въ предметъ чрезвычайно обширнаго потребленія, которое хотя и вовсе не необходимо, даже едва ли полезно, но по крайней мѣрѣ безвредно, если употребляется умеренно и если способъ употребленія не направляется всякаго рода соблазнами, развратомъ и даже преступленіями. Во всякомъ случаѣ, употребленіе водки въ народѣ, да и не въ одномъ только народѣ въ тѣсномъ смыслѣ этого слова, а во всѣхъ классахъ общества, укоренилось, и съ этимъ фактомъ надо считаться. Уничтожить или даже сколько-нибудь значительно уменьшить употребленіе водки невозможно ни обществами

трезвости, ни развитіемъ народнаго образованія и школь, какъ нѣкоторые мечтають. Образованіе и школы суть вещи безспорно хорошія и необходимыя, но однакоже не панацея ото всѣхъ возможныхъ золъ. Мы видимъ, что грамотные волостные писаря и весь такъ-называемый (хотя и не въ юридическомъ, а въ общеупотребительномъ смыслѣ) классъ разночинцевъ, по школьному образованію стоящій, конечно, гораздо выше простаго народа, не только пьютъ, но даже и пьянствуютъ больше его. Мы видимъ даже изъ множества примѣровъ, что и недостижимо высокая для народа степень образованія не избавляетъ не только отъ сильнаго употребленія крѣпкихъ напитковъ, но даже и отъ пьянства. Совершенно невѣрна также и та мысль, что народъ пьетъ будто бы отъ бѣдности и нищеты, что стараются даже объяснить фізіологически потребностью замѣнить недостаточность питанія употребленіемъ алкоголя, какъ средствомъ, ослабляющимъ аппетитъ замедленіемъ процесса круговращенія вещества. Невѣрно это потому, что, не смотря на возгласы «либераловъ» извѣстнаго пошиба и на статистическія выкладки, основанныя на данныхъ взятыхъ съ вѣтра, недостаточность питанія есть прискорбное явленіе, свойственное только или нѣкоторымъ исключительнымъ мѣстностямъ, особенно неблагопріятствуемымъ условіями почвенными, климатическими, а также, къ еще большому сожалѣнію, и условіями общественнаго строя, или нѣкоторымъ годамъ, какъ, впрочемъ, это не у насъ однихъ, а и вездѣ бываетъ. Укажу лишь на примѣръ недавняго голода въ богатой Силезіи. Не вѣрно также потому, что если пьютъ и бѣдняки, то еще гораздо больше пьютъ тѣ, которые очень хорошо и даже съ из-

лишкомъ питаются. Но, какъ бы тамъ ни было, дѣло въ томъ, что у насъ пьютъ водку и будутъ пить, не смотря на общества трезвости, еслибы таковыя завелись, не смотря на общественные приговоры, на школы и просвѣщеніе, буде таковыя заведутся въ желательныхъ размѣрахъ, не смотря ни на бѣдность, ни на богатство. Весь вопросъ въ томъ, чтобы сдѣлать это питье водки по возможности менѣе вреднымъ для народа и по возможности болѣе доходнымъ для казны, буде обѣ эти цѣли не противорѣчатъ одна другой. Но, по счастью, онѣ не только не противорѣчатъ другъ другу, но даже и недостижимы одна безъ другой. Эта задача разрѣшается наивозможно удовлетворительнымъ образомъ обращеніемъ продажи водки и прочихъ крѣпкихъ напитковъ въ монополию правительства. Мысль эта принадлежитъ *Московскимъ Вѣдомостямъ*. Сама по себѣ она не новая, ибо казенная продажа была даже испытана на практикѣ въ двадцатыхъ годахъ, и очень неудачно. Всю цѣну сказанной мысли придаютъ два дополнительныя условія. Во-первыхъ, чтобы при этомъ была устранена всякая продажа распивочно и напитки продавались бы въ запечатанныхъ сосудахъ различной величины, что также не ново, потому что предлагалось и при другихъ проектахъ устройства питейнаго дѣла; во-вторыхъ, — что, сколько мнѣ извѣстно, дѣйствительно ново и предложено въ первый разъ, — чтобы цѣна питей была совершенно пропорціональна продающемуся ихъ количеству, чтобы сотая часть ведра стоила и сотую часть цѣны ведра. Какъ всякое ясное и вѣрное рѣшеніе задачи, и это рѣшеніе, кажется мнѣ, должно поразить cadaго безпристрастнаго человѣка своею простотой и очевидностью.

Продажа вина въ запечатанныхъ сосудахъ устраняетъ весь вредъ кабаковъ, а цѣна пропорціональная количеству лишаетъ выгодъ шинкарство, и слѣдовательно низведетъ его до самыхъ незначительныхъ размѣровъ. Доказывать и развивать эту мысль здѣсь не зачѣмъ, ибо она развита какъ нельзя лучше въ *Московскихъ Вѣдомостяхъ*; прибавимъ только, что, по моему мнѣнію, дѣлаемая нѣкоторыми къ этому простому проекту дополненія въ значительной степени испортили бы дѣло. Я разумѣю предлагаемое совершенное запрещеніе раздробительной продажи, что развило бы шинкарство, доставивъ ему опять тѣ выгоды, которыхъ бы оно безъ этого лишилось, и обращеніе въ казенную монополію не только продажу вина, но и самага винокуренія, что не только чрезвычайно усложнило бы дѣло, но и лишило бы сельское хозяйство выгодъ, сопряженныхъ съ небольшими винокуреными заводами. Я хочу только представить вкратцѣ тѣ огромныя выгоды, которыя получились бы отъ казенной монополіи продажи вина для финансовъ Россіи, не только безъ отягощенія народа, но съ нѣкоторымъ даже для него облегченіемъ, чисто съ экономической стороны, не говоря уже о сторонѣ нравственной.

Казна получаетъ по 8 коп. съ градуса, 3 руб. 20 коп. съ ведра 40 градусной водки, да сама водка стоитъ заводчику среднимъ числомъ по 80 коп. ведро, и того 4 рубля. Но цѣну, почему покупаетъ народъ вино, нельзя положить менѣе 6 рублей за ведро. Оцѣнка эта даже значительно ниже дѣйствительной, ибо въ раздробительной продажѣ оно идетъ и по 7 рублей, а такъ-называемое очищенное и по 10, тогда какъ расходъ на чистку очень не великъ. Въ Россіи ежегодно выпивается, или,

точнѣе сказать, оплачивается акцизомъ до 65 милліоновъ ведеръ, что, по 2 руб. за ведро, составитъ уже 130 милл. руб., которые платитъ народъ, но которыхъ ни казна, ни винокуренные заводчики не получаютъ. Далѣе, всякому извѣстно, что въ кабакахъ вино продается не надлежащей крѣпости. Если предположить, что къ 8 ведрамъ вина узаконенной крѣпости приливается девятая воды, что даетъ еще очень крѣпкую водку въ $35\frac{1}{2}$ градусовъ, *), то потребители заплатятъ еще по 6 руб. за 8 милл. ведеръ приливаемой воды, т.-е. еще 48 милл.

Наконецъ, положимъ на перекуръ и корчемство, которое несомнѣнно значительно, еще около $3\frac{1}{2}$ милл. ведеръ, на 22 милл. рублей, и мы увидимъ, что народъ платитъ не менѣе 200 милліоновъ лишняго противъ того, что получаютъ казна и заводчики (безъ права перекура); значительная доля этихъ двухсотъ милліоновъ при казенной монополіи могла бы перейти въ руки казны. При этомъ, впрочемъ, надо сдѣлать вычетъ милліоновъ въ десять. Именно, мы считали, что сверхъ 65 милл. ведеръ, оплачиваемыхъ акцизомъ, народъ выпиваетъ еще около 12 милл. корчемной водки, перекура и воды; казна, конечно, замѣнитъ воду водкой, и за все это количество должна будетъ платить заводчикамъ, что, по 80 коп. за ведро, и составитъ около 10 милліоновъ рублей. Расчетъ этотъ, безъ сомнѣнія, ниже дѣйствительнаго, потому что кругомъ вино продается въ кабакахъ дороже шести рублей,—да еще сколько бы-

---

*) Не принимая въ расчетъ измѣненія въ удѣльномъ вѣсѣ, происходящаго при соединеніи алкоголя съ водой.

ваетъ недомѣру! Положимъ, что расходъ казны составитъ 100 милл.; все-таки, монопольная продажа вина дала бы правительству не менѣе 90 милл. рублей, сумму которая разомъ устранила бы дефициты, такъ сказать развязала бы правительству руки на всѣ необходимые и полезные расходы, въ которыхъ теперь поневолѣ приходится ему себя стѣснять. И это не только безъ надбавки единой копѣйки къ тому, что платитъ теперь народъ, но съ облегченіемъ для него, ибо теперь онъ платитъ деньги частью за воду, платитъ въ раздробительной продажѣ не менѣе 7 руб. за ведро, а въ шинкахъ и вообще мѣстахъ тайной продажи и по 8 рублей. Всѣ кабацкія безобразія будутъ уничтожены. Съ прекращеніемъ барыша отъ перекура, винокуренные заводы опять получаютъ свое хозяйственное значеніе, скотоводство и хлѣбные урожаи увеличатся, а потребность въ огромномъ количествѣ стеклянной посуды заставитъ возникнуть много стеклянныхъ заводовъ съ обезпеченнымъ сбытомъ ихъ продуктовъ въ казну—обстоятельство, которое можно будетъ употребить въ пользу, дабы завести у насъ столь важное содовое производство.

Существуетъ ли какой-либо иной способъ, съ одной стороны, уменьшить въ такой же мѣрѣ вредъ, причиняемый кабаками и вообще неумѣреннымъ, неправильнымъ употребленіемъ вина, а съ другой—настолько разомъ поднять доходъ казны, не только безъ отягощенія народа, но съ выгодой для него? Можетъ быть при практическомъ исполненіи этого плана и встрѣтятся тѣ или другія затрудненія; но неужели не стоитъ подумать объ ихъ устраненіи? Алхимики столѣтія бились изъ-за открытія мнимаго философскаго камня, а тутъ вѣдь для

русскихъ финансовъ самый неподдѣльный и настоящій философскій камень. Что это дѣло возможное, доказываетъ табачная монополія во Франціи, гдѣ дѣло несравненно сложнѣе, ибо самая фабрикація табака производится правительствомъ, и въ рукахъ его достигла замѣчательной степени совершенства. Да и у насъ казенная продажа вина нѣкогда существовала, и сложная организація этого дѣла была приведена въ исполненіе. Правда, она не дала хорошихъ результатовъ, но причины этой неудачи ясны: вино было разноцѣнно, смотря по отпускаемому количеству, и продажа производилась какъ на выносъ, такъ и распивочно. Злоупотребленія, которыя могли при этомъ существовать, понятны. Кромѣ того, условія гласности въ то время и теперь совершенно иныя, иной и контроль, къ которому теперь, сверхъ правительственныхъ, могутъ быть привлечены и земскія силы. Эти опасенія чиновничьей неблагонадежности, хотя, къ несчастію, и не безосновательны, однакоже, крайне преувеличены, особливо при томъ условіи, что все въ здѣшнемъ мірѣ сравнительно. Эти преувеличенныя опасенія напоминаютъ мнѣ фактъ изъ управленія бывшими военными поселеніями южной Россіи. Какъ извѣстно, крестьяне, приписанные къ поселенной кавалеріи, управлялись особыми окружными начальниками и исполняли, такъ сказать, барщинныя работы на войско, которому доставляли сѣно, овесъ, хлѣбъ, избытокъ которыхъ продавали въ Одессѣ. Но пшеницы они сѣять не смѣли, а должны были ограничиваться болѣе дешевою рожью. Это дѣлалось въ видахъ охраненія нравственности господъ окружныхъ начальниковъ. Продажа дорогой пшеницы была бы слишкомъ собла-

знительна, сулила слишкомъ большія выгоды ихъ недобросовѣстности. Тѣмъ не менѣе, конечно, недобросовѣстность простиралась и на рожь, и на овесъ. Что при продажѣ пшеницы, хотя доля окружныхъ и была бы значительнѣе, но все-таки значительнѣе былъ бы и доходъ казны: этого въ расчетъ не принималось.

Результатъ совершенно противоположный тому, котораго смѣло можно ожидать отъ казенной продажи водки получился отъ снятія соляного акциза: казна дохода лишилась, а соль не подешевѣла *). Оно и понятно. Доходы казны перешли къ немногимъ лицамъ, въ чьи руки попала добыча соли и число которыхъ очевидно недостаточно для пониженія цѣны ея, посредствомъ конку-

---

*) Первое время послѣ отмены акциза съ соли (1880, ноябр. 23) она дѣйствительно не подешевѣла; на пониженіе же ея продажной цѣны въ послѣдніе года имѣла вліяніе цѣлая совокупность условій, имѣвшихъ мѣсто съ 1881 г., какъ-то: расширеніе мѣсть и размѣровъ добычи ея (напр. расширеніе добычи каменной донецкой и крымской соли), обильные урожаи самосадочной соли, развитіе, вслѣдствіе этихъ причинъ, внутренней конкуренціи, успѣшное содѣйствіе большинства нашихъ желѣзныхъ дорогъ въ конкуренціи русской соли съ иностранной удешевленіемъ тарифовъ на соль (несмотря на послѣдовавшее въ годъ отмены акциза съ соли пониженіе таможенного тарифа на иностранную соль), допущеніе транзитнаго провоза соли изъ нашихъ южныхъ портовъ въ Балтійскій край и С.-Петербургъ и т. п.

Заимствуемъ изъ „Вѣстника Финансовъ“, № 4, за 1886 г., таблицы о количествѣ ввоза заграничной соли, о цѣнахъ и количествѣ добываемой соли за послѣдніе года, въ подтвержденіе высказаннаго.

Средній годово́й привозъ соли изъ за-границы по пятилѣтіямъ сравнительно съ 1884 годомъ:

1869—1873	11.539,000 пуд.
1874—1878	11.498,000 „
1879—1883	10.028,000 „
1884	5.330,000 „
1885 съ 1 Января по 1 Ноября	1.926,000 „
1884 » » » » »	4.213,000 „

куренціи. Единственнымъ дѣйствительнымъ лѣкарствомъ было бы и тутъ возвращеніе къ казенной добычѣ и оптовой продажѣ соли, если не всей вообще, то значительной ея доли, достаточной для того, чтобы служить регуляторомъ ея цѣны. Дѣло это очень легкое, которое нисколько не могло бы затруднить казны. Главная масса русской соли получается, какъ извѣстно, изъ самосадочныхъ озеръ. Озера эти двухъ, совершенно различныхъ, свойствъ. Въ огромномъ большинствѣ озеръ

Цѣны на крымскую соль съ 1875—1885 г.

	Средняя цѣна за время												
	1875—1880	1881	1882	1883	1884	1885							
	К	о	п	ѣ	й	к	п	з	а	п	у	д	ѣ.
Екатеринославъ	51	32	17	16	14	10							
Кіевъ	66	45	30	29	25	20							
Варшава	81	65	50	45	40	40							
Либавъ	66	60	60	65	40	35							
Рига	66	60	60	65	40	35							
Ревель	66	60	60	65	40	35							
Харьковъ	64	32	28	28	20	13							
Курскъ	69	38	35	35	30	15							
Витебскъ	74	60	55	45	35	35							
Вильно	69	48	45	40	35	35							

Количество добываемой въ Россіи соли за 1875—1882 г.

Года.	Каменная.	Самосадоч.	Выварочная.	Всего.		
	П	у	д	о	в	ѣ.
1875	4.006,388	19.495,429	14.489,582	37.991,399		
1876	3.324,437	26.991,103	13.424,257	43.739,797		
1877	2.029,397	15.676,041	11.246,747	28.952,185		
1878	3.877,443	30.272,271	13.568,814	47.678,528		
1879	4.704,613	31.470,871	13.754,405	49.929,889		
1880	2.875,356	29.463,980	15.232,580	47.571,916		
1881	4.200,750	29.713,296	16.820,300	50.734,346		
1882	5.538,911	79.059,270	17.171,424	101.769,605		

Отъ ред.

(ихъ болѣе тысячи въ одной Астраханской губ.) соль ежегодно садится тонкимъ слоемъ на дно во время лѣтнихъ жаровъ, сгущающихъ разсолъ. Съ осенними дождями и весеннимъ таяніемъ снѣговъ, этотъ слой весь или почти весь, растворяется, затѣмъ снова осаждается, и этотъ-то тонкій слой служитъ предметомъ добыванія. Послѣ нѣсколькихъ лѣтъ добыванія, осаждающійся слой становится все тоньше и тоньше, озеро оскудѣваетъ, и нужно дать ему нѣсколько времени покоя, чтобы соль, успѣла въ немъ опять накопиться выщелачиваніемъ солонцеватой почвы окрестностей озера; какъ говорятъ, нужно дать время снова образоваться въ немъ «корню». Это опрѣснѣніе соляныхъ озеръ бываетъ послѣ долговременной добычи столь значительное, что въ такихъ озерахъ Астраханской губерніи заводится рыба, именно сазаны, любящіе солонцеватую воду. Упомянутый «корень» въ такихъ озерахъ составляетъ илистое, вязкое дно, пропитанное и насыщенное солью. Вода растворяетъ соль этой соленой грязи и осаждастъ ее на ея же поверхность. Такъ какъ соли изъ солончаковой окрестности ежегодно приносятся стекающею въ озеро водой меньше, чѣмъ сколько ея добывается, то, конечно, и «корень» оскудѣваетъ.

Совершенно другаго характера три большія соляныя озера: Эльтонское, Баскунчакское и Индерское, которыя всѣ три я имѣлъ случай посѣтить. Въ нихъ все дно состоитъ изъ слоевъ соли до неизвѣданной глубины. Въ Эльтонскомъ озерѣ, сказывали мнѣ, было произведено буреніе на глубинѣ трехъ сажень, и все была соль. Ежегодно, при половодѣ, вода въ этихъ озерахъ поднимается, часть прошлогодняго осадка растворяется и,

кромѣ того, вливается масса соляного раствора частью изъ впадающихъ соляныхъ ручьевъ, частью изъ ключей, находящихся въ сообщеніи съ подземными соляными скопленіями. Съ наступленіемъ лѣтнихъ жаровъ часть соли осаждается и нарастаетъ новый слой, масса котораго значительно превосходитъ количество ежегодной добычи. Добыча же такъ легка и проста, что почти равняется выгребанію соли изъ готоваго магазина. Въ Индерскомъ озерѣ, по руслу впадающаго въ него оврага съ твердымъ каменисто-песчанистымъ дномъ, Уральскіе казаки, которымъ принадлежитъ озеро, вѣзжаютъ въ него на телѣгахъ,—ибо воды въ немъ такъ мало, что она не покрываетъ всей поверхности озера, а вся скопляется въ подвѣтренной сторонѣ, оголяя соляное дно,—и нагребаютъ соль въ телѣги. По свойственной человѣку жадности, накладываютъ обыкновенно больше чѣмъ лошадь можетъ тащить и принуждены постепенно сбрасывать часть своего груза, такъ что вся дорога отъ озера до Урала усыяна кучками соли, какъ путеводными знаками. Въ Эльтонѣ воды больше, но и въ немъ она нигдѣ не доходитъ до аршина глубины, берегъ же илистый и топкій. Въ этой черной, пахнущей сѣрнистымъ водородомъ, грязи, прорыты очень мелкія канавы, по которымъ на плоскодонныхъ, широко-развалистыхъ лодкахъ вѣзжаютъ въ озеро. Люди выходятъ въ воду, лопатами счищаютъ новосадку, т.-е. именно то, что въ другихъ озерахъ и составляетъ самый предметъ добычи, какъ недовольно плотную и чистую, и ломомъ откалываютъ довольно большія глыбы, всегда въ пять слоевъ (образовавшихся въ теченіе пяти предшедшихъ годовъ). Образуется уступъ, и ломка становится еще

легче. Эти глыбы разбиваютъ двумя, тремя ударами лома, прополаскиваютъ лопатами въ разсолѣ-рапѣ, чтобъ отдѣлить илистыя, грязныя прослойки, и наваливаютъ въ лодку. Затѣмъ соль складываютъ въ кучи, имѣющія видъ четырехскатной крыши. Вотъ и вся операція. Въ мою бытность на озерѣ, добыча была еще казенною и, по словамъ мѣстныхъ чиновниковъ, всѣ расходы казны (включая въ то число, конечно, и негласные доходы чиновниковъ) ложились по $1\frac{1}{2}$ к. на пудъ добытой соли. Въ Баскунчакскомъ озерѣ, лежащемъ у подножія знаменитой степной горы Богдо, добыча соли тогда вовсе не производилась; тамъ жили только чиновникъ и казачья команда, наблюдавшіе за тѣмъ, чтобъ изъ этого богатаго источника не производилось корчемной добычи.

Изъ этого видно, что тутъ никакихъ предварительныхъ работъ, никакихъ устройствъ, никакихъ, словомъ, затратъ капиталовъ для добыванія соли изъ такихъ природныхъ магазиновъ не требуется! Изъ-за чего же, спрашивается, предоставлять откупщикамъ озеръ, лицамъ или компаніямъ, фактическую монополію на этотъ, столь необходимый и общеупотребительный, продуктъ? Для удешевленія провоза необходимы, конечно, желѣзныя дороги, и не одна, а двѣ: отъ Баскунчакскаго озера по направленію къ Черному Яру, а отъ Эльтона къ Камышину, куда ближе, или къ Саратову, откуда уже есть желѣзный путь. Мѣстность здѣсь абсолютно ровная, пассажирскаго движенія почти не будетъ, сплавъ всѣхъ матеріаловъ по Волгѣ удобенъ, слѣдовательно, дорога можетъ и должна быть устроена простѣйшимъ и дешевѣйшимъ образомъ. Цѣна ея будетъ такъ невелика, что можно бы смѣло рѣшиться строить ее на безпроцентный капиталъ, вы-

пускомъ кредитныхъ билетовъ. На прочихъ желѣзныхъ дорогахъ тарифъ за провозъ соли долженъ быть обязательно назначенъ самый низкій. Еслибы, напримѣръ, онъ былъ не дороже $\frac{1}{60}$ к. съ версты и пуда, то въ районѣ 1,200 верстъ онъ обошелся бы въ 20 к. При уравненіи соли съ самыми дешевыми предметами перевозки, кирпичемъ, камнемъ, известью, онъ могъ бы быть и еще дешевле. Еслибы казна брала себѣ по 5 к. съ пуда, сверхъ издержекъ добыванія, которыя положимъ въ $1\frac{1}{2}$ к., а провозъ по солевозной желѣзной дорогѣ въ $3\frac{1}{3}$ к., что при предлагаемомъ способѣ ея постройки очень возможно, то стоимость соли обошлась бы по окружности радіуса отъ Саратова въ 1,200 верстъ—въ 30 коп., и соль могла бы быть продаваема, принимая въ расчетъ расходы по нагрузкѣ, выгрузкѣ, храненію и барыши продавцевъ, отъ 35 до 40 к., а внутри этого круга значительно дешевле.

Такъ какъ цѣль казенной добычи соли на озерахъ Эльтонскомъ и Баскунчакскомъ состояла бы въ регулированіи цѣнъ на нее, то правительство могло бы отпускать извѣстное ея количество земствамъ по ихъ требованію. Можетъ быть, для лучшаго достиженія цѣли этого регулированія, можно было бы открыть казенную добычу соли и въ нѣкоторыхъ крымскихъ мѣсторожденіяхъ. Все остальное могло бы быть предоставлено частной промышленности, съ уплатой казнѣ тѣхъ же 5 коп. съ пуда. Такъ какъ, при такой дешевизнѣ, потребленіе соли не могло бы быть меньше 50 милліоновъ пудовъ, а вѣроятно, было бы гораздо болѣе этого, то, не смотря на дѣйствительное удешевленіе продукта, казна все таки получила бы отъ этой статьи, по меньшей мѣрѣ, до $2\frac{1}{2}$ милліоновъ рублей.

Но улучшение финансовъ достигается не однимъ увеличеніемъ доходовъ, а также и уменьшеніемъ расходовъ. Самую дѣйствительною въ этомъ отношеніи мѣрой было бы, кажется мнѣ, приобрѣтеніе правительствомъ всего огромнаго количества провіанта, фуража и нѣкоторой части обмундировки, именно обуви и бѣлья для арміи и флота, не по подряднымъ или справочнымъ цѣнамъ, а по цѣнамъ дѣйствительнымъ, по возможности изъ первыхъ рукъ—по цѣнамъ, которыя, какъ извѣстно, всегда значительно ниже первыхъ *). Для этого слѣдовало бы обратиться, въ видѣ опыта, къ земствамъ одной или двухъ губерній, которыя могли бы на выдаваемые имъ авансы заготовлять муку, крупу, овесъ, конечно, изъ первыхъ рукъ, отъ самихъ производителей; шитье бѣлья могло бы доставить нѣкоторый заработокъ крестьянскимъ женщинамъ, чему были уже удачные опыты въ нѣкоторыхъ губерніяхъ въ послѣднюю войну. Нѣкоторый процентъ отъ полученныхъ казной выгодъ могъ бы быть предоставленъ земствамъ для увеличенія ихъ средствъ. Но, кромѣ этого, земствамъ была бы и другаго рода выгода. Нельзя не сознаться, что теперь существуетъ какъ бы нѣкоторый антагонизмъ между органами правительства и земствами, и послѣднія, какъ вообще жалуются, терпятъ разнаго рода стѣсненія въ ихъ дѣятельности. Когда бы само правительство было заинтересовано получаемую имъ, посредствомъ земствъ, финансовою выгодой, то, конечно, имъ открылась бы болѣе широкая дѣятельность, ибо стѣсненное и, вслѣдствіе этого, подавленное, такъ-сказать будирующее, земство не могло бы столь

---

*) Эта мѣра, какъ извѣстно, принята уже въ нѣкоторыхъ вѣдомствахъ.

успѣшно исполнять возлагаемую на него обязанность. Позволю себѣ указать на примѣръ. Кому не извѣстно, что во время откуповъ само правительство потворствовало даже незаконнымъ продѣлкамъ откупщиковъ, побуждаемое къ тому своими неотложными финансовыми нуждами? Не прямо ли слѣдуетъ изъ этого, что оно и всѣ его органы будутъ иначе смотрѣть на дѣйствія земства, въ сущности своей, совершенно законныя, когда оно будетъ его финансовымъ пособникомъ? Казна, будучи самымъ крупнымъ потребителемъ, могла бы употребить эту силу на регулированіе разныхъ экономическихъ отношеній. Одно изъ хорошихъ явленій русской экономической жизни есть такъ называемая кустарная промышленность. Съ этою истиной всѣ согласны. Но занимающіеся этого рода промышленностью очень стѣснены въ своемъ положеніи тѣмъ, что должны получать матеріалы изъ рукъ тѣхъ, на кого работаютъ, получать матеріалы по дорогой цѣнѣ и часто дурного качества, а продавать имъ произведенія своего труда цѣною гораздо ниже дѣйствительной. Одна изъ крупныхъ отраслей этой промышленности есть сапожное производство въ селѣ Кимрѣ, Тверской губерніи, и въ его окрестностяхъ. Еслибы правительство непосредственно черезъ своихъ органовъ, но гораздо лучше, черезъ посредство земства же, доставляло жителямъ Кимры кожевенный товаръ и прямо скупало бы у нихъ сапоги, то обувь войска стоила бы значительно дешевле, солдаты были бы лучше обуты, и благосостояніе Кимры возрасло бы въ значительной степени. Вѣроятно, образовались бы и другіе центры сапожнаго ремесла.

Этихъ мѣръ: казенной продажи вина, возвышеннаго

таможенного тарифа, казенного добыванія соли, экономіи на провіантѣ, фуражѣ и нѣкоторыхъ предметахъ обмундированія, будетъ, безъ сомнѣнія, съ избыткомъ достаточно и для покрытія дефицита, и для доставленія правительству возможности содѣйствовать развитію промышленности и поставитъ военныя силы Россіи на соотвѣтствующую ея политическому положенію высоту. Избытокъ этотъ, по нашему мнѣнію, долженъ быть употребленъ на возможное облегченіе прямыхъ податей, съ цѣлью совершенной ихъ отміны. Но для этого послѣдняго результата, всѣхъ этихъ средствъ, вѣроятно, все-таки будетъ еще недостаточно. Значительнымъ ресурсомъ въ будущемъ была бы табачная регалія. Но дѣло это очень затруднительно, ибо съ нимъ сопряжена самая фабрикація табака. Надо не возбудить всеобщаго неудовольствія дурнымъ качествомъ товара, достигнуть въ приготовленіи его того же совершенства какъ во Франціи, гдѣ это также сдѣлалось не вдругъ, а весьма постепенно; да притомъ и надзоръ за такою выдѣлкой весьма затруднителенъ, а главное: развитіе и распространеніе табаководства у насъ еще не довольно окрѣпло, чтобы теперь же наложить на него это стѣсненіе.

Есть еще нѣкоторые небольшіе налоги, которыми также не слѣдуетъ пренебрегать. Укажу лишь на игральныя карты. Играющіе платятъ въ дѣйствительности гораздо дороже, чѣмъ во что обходится игра картъ, платятъ отъ 2 до 3 руб. за игру, и на этотъ излишекъ главнымъ образомъ содержатся клубы, изъ него получаетъ доходъ прислуга въ домахъ, гдѣ играютъ въ карты, а гдѣ не играютъ? Выгоды эти, думается мнѣ, не столь уважительны, чтобы правительству слѣдовало останавливаться

предъ ихъ нарушеніемъ. Теперешній доходъ отъ картъ идетъ на содержаніе воспитательныхъ домовъ. Этотъ доходъ долженъ оставаться, конечно, неприкосновеннымъ, но имѣющій получиться излишекъ могъ бы составить одинъ изъ источниковъ казеннаго дохода. Вѣроятно, есть и много другихъ такихъ мелкихъ доходныхъ статей, мнѣ неизвѣстныхъ. Не забудемъ только, что вѣдь именно массой подобныхъ мелкихъ и разнообразныхъ доходовъ Тьеръ возвысилъ доходы Франціи для покрытія процентовъ на пять милліардовъ, которые она должна была уплатить Германіи.

Наконецъ, по нашему мнѣнію, есть одинъ прямой налогъ, который изъ всѣхъ наиболѣе справедливъ, уравнителенъ и наимѣніе тягостенъ. Это налогъ на доходъ, получаемый съ процентныхъ бумагъ, акцій, облигацій и т. п., какъ правительственныхъ, такъ и частныхъ. Процентныя бумаги составляютъ или предметъ спекуляціи, непроизводительной купли и продажи, приносящихъ иногда огромные барыши, но во всякомъ случаѣ не составляющихъ производительнаго труда, а нѣчто въ родѣ азартной игры, незаслуживающей покровительства; или онѣ выражаютъ собой, такъ сказать отстой, или осадокъ труда настоящаго или прошедшихъ поколѣній, переданный по наслѣдству и приносящій обладателю доходъ безо всякаго новаго приложенія къ нему труда. Это, слѣдовательно, уже какъ бы нѣкоторый избытокъ, который гораздо справедливѣе облагать налогомъ, нежели трудъ личный, непосредственно дающій собою средства для существованія, все равно, будетъ ли это трудъ рабочаго, фабриканта, купца, или трудъ такъ называемыхъ свободныхъ профессій, которыя всѣ, даже при кажущейся

значительности дохода, или, по крайней мѣрѣ, оборота, могутъ въ дѣйствительности давать весьма небольшіе чистые остатки, нерѣдко даже приводящіе трудящихся, безъ вины ихъ, къ полной несостоятельности, къ крушенію ихъ состояній, и, слѣдовательно, въ гораздо меньшей степени подлежащіе обложенію, чѣмъ результатъ труда, приносящаго почти всегда вѣрный доходъ. Къ тому же доходъ съ процентныхъ бумагъ, поддающійся точному опредѣленію, не можетъ быть оцѣненъ ни слишкомъ высоко, ни слишкомъ низко, какъ то легко бываетъ со всякимъ другимъ доходомъ, и притомъ не можетъ быть скрытъ или утаенъ. Обладатели такого дохода часто люди богатые или, по крайней мѣрѣ, хотя въ нѣкоторой степени самостоятельные. Налогъ на эти бумаги есть единственное средство заставить очень богатыхъ людей участвовать въ нѣсколько значительной мѣрѣ въ несеніи государственныхъ тягостей; хотя, конечно, отчасти и онъ, подобно всякому прямому налогу, можетъ оказаться во многихъ случаяхъ стѣснительнымъ, но все же въ гораздо меньшей степени, нежели всѣ прочіе виды ихъ. Да оно какъ-то странно и дико видѣть, что взимается подушная подать или, все равно, поземельная, ибо вѣдь тутъ измѣнена только форма, такъ-сказать только предметъ подати, а не самая сущность и количество ея, съ крестьянина, зарабатывающаго въ потѣ лица хлѣбъ свой, и притомъ способомъ весьма невѣрнымъ, подлежащимъ множеству случайностей, а капиталы, дающіе вѣрный и постоянный доходъ, уже безо всякаго приложенія труда со стороны ихъ обладателей, остаются безъ обложенія. Пять процентовъ съ дохода, приносимаго процентными бумагами, составили бы уже довольно значительный до-

ходъ, соотвѣтственно которому могли бы быть уменьшены наиболѣе тяжелые изъ прямыхъ налоговъ, что, вмѣстѣ съ употребленіемъ для сей цѣли избытковъ отъ вышеупомянутыхъ косвенныхъ налоговъ, довело бы прямые налоги, если и не до полной отмены, то, по крайней мѣрѣ, до значительнаго минимума *).

IX.

Строгий охранительный тарифъ, легкая для народа и доходная финансовая система и правильное отношеніе къ обращающимся въ государствѣ денежнымъ знакамъ еще недостаточны для возведенія страны на ту степень экономическаго благосостоянія, къ которой она способна по ея естественнымъ ресурсамъ. Они недостаточны даже для совершеннаго излѣченія недуга невыгоднаго торговаго баланса, для установленія равновѣсія между ввозомъ и вывозомъ и для покрытія излишкомъ вывоза тѣхъ уплатъ, которыя приходится дѣлать за-границу, помимо оборотовъ чисто торговыхъ. А безъ этого, какъ мы видѣли, полное возстановленіе цѣнности монетной единицы невозможно. Для этого необходимъ еще рядъ положительныхъ мѣръ, направленныхъ непосредственно къ развитію, распространенію и улучшенію существующихъ уже въ странѣ отраслей промышленности и къ созданію новыхъ. И въ этомъ отношеніи, полагаемъ, серьезныхъ результатовъ можно достигнуть не иначе какъ при непосредственномъ содѣйствіи правительства.

Часто можно слышать мнѣніе, что правительство не должно вмѣшиваться въ промышленную жизнь страны,

---

*) Подоходный налогъ съ процентныхъ бумагъ введенъ уже въ 1885 г. и какъ разъ въ размѣрѣ 5%, предположеннымъ Н. Я. Данилевскимъ.

предоставивъ все естественному ходу вещей. И въ этомъ случаѣ, какъ во многихъ другихъ, основываются на примѣрѣ Англїи, которая, какъ мы уже показали, находится, относительно Россїи, такъ-сказать, на противоположномъ экономическомъ полюсѣ. Но почему же не взять въ примѣръ Францію, которая обязана своимъ экономическимъ развитіемъ какъ разъ противоположной системѣ, т.-е. разумному вмѣшательству правительства при Кольберѣ въ промышленную жизнь страны? А въ настоящее время если Франція и уступаетъ Англїи въ широтѣ торговыхъ и вообще промышленныхъ оборотовъ, то стоитъ нисколько не ниже ея по количеству накопленныхъ капиталовъ, какъ это ясно показала та легкость, съ которою она уплатила наложенную на нее громадную контрибуцію. Количество ежегодныхъ сбереженій Франціи оцѣнивается не менѣе чѣмъ въ два миллиарда франковъ. Очевидно, что народный характеръ, степень промышленнаго развитія страны и обиліе капиталовъ должны рѣшать вопросъ о вмѣшательствѣ или невмѣшательствѣ правительства въ экономическую жизнь народа. Говорятъ, что наша промышленность находится еще въ дѣтствѣ, что совершенно справедливо; но если это такъ, то и обращаться должно съ нею какъ съ дѣтьми, т.-е. воспитывать и направлять, а не оставлять на произволъ съ лозунгомъ: *laissez faire, laisser passer*. Если въ странѣ изобиліе капиталовъ, то конечно они будутъ искать выгоднаго себѣ приложенія, охотно приниматься за новыя предпрїятія, обѣщающія выгоду, потому что старыя пути по большей части уже заняты. Напротивъ того, гдѣ капиталовъ мало, они довольствуются этими старыми избитыми путями, все еще дающими

хорошее вознагражденіе. Зачѣмъ, напримѣръ, было капиталистамъ ломать себѣ голову, куда обратить имъ капиталы въ то время, когда откупъ, или поставка хлѣба, или желѣзнодорожныя концессіи, или страховыя общества и т. п. предпріятія съ проторенными уже путями, давали хорошіе барыши? Если при такихъ условіяхъ явится вдругъ какая-нибудь обѣщающая золотыя горы приманка, какъ напримѣръ сибирскія золотыя росыпи, или кавказская нефть, къ нимъ, конечно, обратятся капиталы, но ихъ не окажется на предпріятія болѣе скромныя. На нихъ надобно указать, разъяснить, что они могутъ быть выгодны, и тѣмъ привлечь капиталы, употребивъ на нихъ сначала, тѣмъ или другимъ способомъ, средства правительственныя.

Да и въ самой Англіи всегда ли было такъ, какъ теперь? Что такое знаменитый Кромвелевскій Навигационный Актъ, какъ не правительственное вмѣшательство, какъ не нарушеніе естественнаго хода вещей? Однако, именно онъ развилъ англійское торговое мореплаваніе и вырвалъ изъ рукъ Голландцевъ торговое первенство. Что такое знаменитые корнбилли, поднявшіе англійское земледѣліе на такую высоту? Станутъ утверждать, что они были результатомъ экономическихъ заблужденій (хотя они еще процвѣтали во время самага разгара экономической теоріи свободы торговли), которыя исчезли, къ великому благополучію Англіи, съ установленіемъ въ общественномъ мнѣніи болѣе здравыхъ экономическихъ понятій. Что хлѣбные законы были отмѣнены во время, съ этимъ спорить не стану; но еслибъ ихъ вовсе не было, то смѣло можно утверждать, что хлѣба ввозилось бы теперь въ Англію въ нѣсколько

разъ больше, чѣмъ его ввозится. Да и въ не столь давнее время, не оказало ли правительство самаго существеннаго и огромнаго вспоможенія англійскому земледѣлю, давъ ему милліоны на устройство системы дренажа?

Но если въ самой Англїи правительству и не приходится способствовать развитію той или другой отрасли промышленности ни отрицательными мѣрами таможенной охраны, ни мѣрами положительными, то совершенно иначе дѣйствуетъ оно въ Индіи. Чайныя плантаціи въ Ассамѣ даютъ теперь 50 милліоновъ фунтовъ чаю, а не правительство ли содѣйствовало заведенію и разведенію ихъ, не правительство ли развело огромныя плантаціи молодыхъ чайныхъ деревцовъ для раздачи плантаторамъ? Не то же ли самое дѣлаютъ Англійское правительство въ Индіи и Голландское на островѣ Явѣ съ хинными деревьями? На Явѣ плантаціи и принадлежатъ, кажется, правительству. Около двухъ лѣтъ тому назадъ, я имѣлъ случай познакомиться съ очень интереснымъ человѣкомъ, русскимъ подданнымъ, который странствовалъ по свѣту и, между прочимъ, занималъ видное мѣсто въ ботаническомъ саду въ Брисбенѣ, въ Австраліи. Онъ рассказывалъ, какія усилія дѣлаетъ Англійское правительство для разведенія тамъ разныхъ полезныхъ деревьевъ, фруктовыхъ и другихъ, и вообще растений. Оно засаживаетъ, на примѣръ, на свой счетъ пригодныя для сего долины тековымъ деревомъ (*Tutona grandis*) и т. п.

Главныя средства, какими правительство можетъ оказывать прямое содѣйствіе возникновенію, распространенію и улучшенію разныхъ отраслей промышленности, по моему мнѣнію, суть доставленіе и обезпеченіе сбыта

произведеніямъ; примѣръ, наглядно доказывающій выгоду какого-нибудь промысла или какого-либо улучшенія въ производствѣ, и заведеніе новыхъ отраслей промышленности на собственные средства и собственными стараніями. Примѣры всѣхъ этихъ трехъ способовъ воздѣйствія на промышленность мы укажемъ. Сверхъ этого, существуетъ еще нѣсколько средствъ, какъ-то: преміи, выставки, спеціальныя школы, которымъ мы придаемъ сравнительно меньшее значеніе. Школы могутъ принести дѣйствительную пользу промышленности только чисто практическія, дѣйствующія примѣромъ, наглядностью и навыкомъ. Въ Англіи все промышленное обученіе идетъ этимъ путемъ, и въ этомъ съ нея можно и должно брать примѣръ; даже практическая медицина изучалась тамъ такимъ способомъ. Тѣмъ отраслямъ промышленности, которыя для преуспѣянія своего должны освѣщаться свѣтомъ науки, этотъ свѣтъ, это высшее руководство дается не прикладными школами, а высшимъ научнымъ образованіемъ, конечно, въ соединеніи съ природнымъ талантомъ.

Само собою разумѣется, что мы не можемъ имѣть притязанія указать на всѣ тѣ отрасли промышленности, которыя могутъ быть вновь заведены въ Россіи, распространены и улучшены. Самая значительная доля ихъ получить необходимый для ихъ развитія жизненный толчекъ уже одною косвенною мѣрой таможеннаго покровительства. Мы можемъ лишь указать на нѣкоторые примѣры, почему-либо обратившіе на себя наше вниманіе.

Прежде чѣмъ приступить къ этому, возвратимся еще къ оживляющимъ всякую вообще промышленность

путямъ сообщенія; о нѣкоторыхъ изъ нихъ мы уже упоминали при случаѣ (Сибирская и солевозныя желѣзныя дороги). Между желѣзными дорогами, въ которыхъ нуждается Россія, есть одна, про которую лѣтъ пятнадцать тому назадъ писалось и говорилось, о которой приходилось писать и мнѣ, проведеніе которой даже было въ принципѣ рѣшено, но которая, кажется, совсѣмъ забыта, между тѣмъ какъ другія дороги, даже совершенно излишнія, были съ того времени построены пока въ чистый убытокъ странѣ. Я разумѣю дорогу, которая соединила бы судоходныя части рѣкъ Вятки и Сѣверной Двины, отъ слободы Кукарки или города Уржума до слиянія Вычегды съ Двиной. Дорога эта, по характеру мѣстности и по чисто-торговому (а не пассажирскому) своему характеру, была бы очень дешева и не только оживила бы сѣверъ и сдѣлала бы изъ Архангельска значительный центръ вывозной торговли, но доставила бы сбытъ для хлѣба и вообще сырыхъ продуктовъ весьма значительному пространству и, удешевивъ провозъ, конечно усилила бы производство и отпускъ. Взглядъ на карту показываетъ, что рѣки Вятка и Сѣверная Двина, отъ устья Вычегды, лежатъ въ одной прямой линіи, которая можетъ обратиться въ непрерывный путь сообщенія, если въ промежуткѣ, раздѣляющемъ судоходныя части этихъ рѣкъ, провести желѣзную дорогу длиной верстъ въ 450. Всего лучше было бы построить ее на выпущенные спеціально съ этою цѣлью кредитныя билеты, такъ какъ сумма, потребная на это, не велика и, при экономическомъ устройствѣ, едва ли превзойдетъ 15 милліоновъ рублей. Пространство, которое нашло бы себѣ въ этой новой дорогѣ самый короткій

и дешевый путь сбыта обнимаетъ собою, кромѣ всей Вятской и Уфимской, части Пермской, Оренбургской, Самарской (уѣздъ Бугульминскій) и Казанской губерній. Наконецъ, если будетъ проведена Сибирская желѣзная дорога, то для части сибирскихъ произведеній: хлѣба, масла и пр., которыя будутъ предназначены къ заграничному сбыту, не будетъ болѣе дешеваго и прямого пути отъ пересѣченія ея Камою ниже Сарапула, какъ именно Камою, Вяткою, предлагаемою желѣзною дорогою и Сѣверною Двиной къ Архангельску. Говорятъ о невозможной, по нашему мнѣнію, желѣзной дорогѣ отъ Рыбинска или Вологды къ Архангельску, не обращая вниманія на то, что хлѣбъ, отправляемый отъ устьевъ Вятки, уже пройдетъ почти весь путь до Архангельска въ то время, когда, идя вверхъ по Волгѣ, онъ только что достигнетъ Рыбинска, послѣ чего ему будетъ предстоять еще почти тысячеверстное пространство по желѣзной дорогѣ, по которой ему, конечно, и идти не зачѣмъ, а уже гораздо дешевле направиться къ Петербургу водой или желѣзными дорогами. Такое сокращеніе и удешевленіе пути не можетъ же остаться безъ вліянія на увеличеніе отпуска, а слѣдовательно на развитіе земледѣльческой промышленности въ означенномъ обширномъ пространствѣ, не считая даже Сибири съ пятью-шестью милліонами населенія.

Говоря о сбытѣ сибирскихъ продуктовъ чрезъ Архангельскъ, какъ о самомъ удобномъ по краткости и дешевизнѣ пути, не могу не выразить своего искреннѣйшаго убѣжденія, что всѣ надежды на развитіе сбыта и торговли сибирскими рѣками чрезъ Ледовитый Океанъ и Карское море, которое покойный Бэръ такъ удачно

назвалъ ледникомъ (Eiskeller), навсегда останутся несообразнымъ съ дѣломъ мечтаніемъ. Не говоря уже о сѣверо-восточномъ пути въ Японію и Тихій Океанъ, на которомъ на одну, съ трудомъ проскользнувшую, *Вегу* всегда будетъ приходиться по десятку погибшихъ *Жанетъ*, не говоря о столь прославленномъ и съ такимъ восторгомъ принятомъ въ Россіи путешествіи г. Норденшельда (теоретическій результатъ котораго не прибавилъ ничего къ тому, что уже мы знали изъ трудовъ русскихъ путешественниковъ, начиная отъ казака Дежнева до Цивильки, Пахтусова, адмирала Врангеля и графа Литке и иностранцевъ Баренса и Беринга, а практическіе результаты равны нулю), даже торговля сношенія черезъ Обскую и Енисейскую губы *) могутъ быть только болѣе или менѣе любопытными и удачными попытками и случайностями, а не практическимъ дѣломъ. Да путь этотъ отъ дѣйствительно богатыхъ мѣстностей Южной Сибири по Оби и Иртышу не былъ бы даже и короче, чѣмъ путь частью рѣками, частью желѣзными дорогами на Каму, Вятку, Сѣверную Двину и Архангельскъ; а принимая во вниманіе удлиненіе морскаго пути и опасности, сопряженныя съ нимъ въ этихъ высокихъ широтахъ, а слѣдовательно вздорожаніе фрахта, онъ въ сущности былъ бы и дороже.

Но не однѣ желѣзныя дороги служатъ удобными путями для торговли; во многихъ отношеніяхъ рѣки даже превосходятъ ихъ. Никакіе искусственные пути не могутъ, напримѣръ, замѣнить намъ нашей Волги, а

---

*) Сейчасъ прочелъ въ газетѣ о гибели парохода *Оскаръ Диксонъ* и шхуны *Норландъ* во льдахъ между устьями Оби и Енисея.

между тѣмъ, вторая послѣ Волги рѣка остается у насъ до сихъ поръ какимъ-то неполнымъ, искалѣченнымъ, отчасти разбитымъ параличемъ организмомъ. Въ торговомъ отношеніи все равно, какъ еслибы верхній Днѣпръ, протекающій черезъ плодороднѣйшія мѣста Кіевской, Полтавской и Черниговской губерній, терялся ниже Екатеринослава, подобно степнымъ рѣкамъ, въ пескахъ. Прорытіе обводнаго канала мимо днѣпровскихъ пороговъ, какъ, на примѣръ, обойдены въ Швеціи Трольгетскіе водопады, въ нѣсколько кратъ увеличило бы значеніе Днѣпра и, удешевивъ сбытъ, усилило бы обороты Херсона и Николаева по вывозной торговлѣ. Мнѣ думается, что такое предпріятіе было бы несравненно полезнѣе, на примѣръ, осушенія Пинскихъ и Мозырскихъ болотъ, отъ котораго мелѣетъ Днѣпръ и которое лишаетъ нашу западную границу стратегической защиты, стоящей многихъ первоклассныхъ крѣпостей, не допускающей возможности соединиться врагамъ, которые наступали бы на насъ одновременно съ запада и съ юго-запада,—случай конечно, не выходящій за предѣлы возможности и даже вѣроятности.

Еще одно гидрографическое сооруженіе принесло бы Россіи неисчислимыя выгоды въ весьма различныхъ отношеніяхъ: это—направленіе теченія Аму-Дарьи по ея старому руслу въ Каспійское море. Недавній прорывъ показываетъ возможность этого предпріятія, напрасно считаемаго химерическимъ. Существованіе низины на пути этого русла, которая образовала бы обширное озеро и огромнымъ испареніемъ съ его обширной поверхности могла бы препятствовать достиженію воды до моря, не составляетъ неустранимаго препятствія. Прибрежными

валами можно бы заставить течь рѣку въ сравнительно узкомъ руслѣ; огромной тратѣ воды поливными каналами, такъ-называемыми арыками, можно бы противо-дѣйствовать устройствомъ обширныхъ водоемовъ, кото-рые, наполняясь водой при излишествѣ ея въ рѣкѣ, по-томъ выпускали бы ее для орошенія. Наконецъ, если-бы все-таки не хватало въ новой рѣкѣ воды для надоб-ностей судоходства (цѣль орошенія, т.-е. обращенія бесплодной пустыни въ плодородную страну была бы достигнута во всякомъ случаѣ), то знакомые съ мѣст-ностью утверждаютъ, что не было бы невозможнымъ пу-стить Сыръ-Дарью въ Аму и слить такимъ образомъ въ одно русло эти двѣ среднеазіатскія рѣки. Насколько это удобоисполнимо, я, конечно, судить не могу. Издержекъ на такое предпріятіе жалѣть бы не слѣдовало; оно рав-нялось бы, въ своемъ родѣ, прорытію Суэзскаго канала.

Перехожу къ главному предмету этого отдѣла моей статьи. Хлѣбопашество или вообще земледѣліе, какъ главный, основной промыслъ русскаго народа, конечно, прежде всего должно обращать на себя вниманіе. Я не принадлежу къ числу тѣхъ, кто вѣрятъ въ хроническія голодухи и во внезапное оскудѣніе почвы Россіи, не ис-ключая даже знаменитаго чернозема. Для этого нужно быть человѣкомъ или рѣшительно не знающимъ Россіи, или чрезвычайно легкомысленнымъ, или до крайности тенденціознымъ, или, наконецъ, чтó впрочемъ совершенно тождественно съ легкомысліемъ, надо питать полное до-вѣріе къ числовымъ даннымъ нашей промысловой и въ особенности земледѣльческой статистики. Впрочемъ, и легкомысліе, и статистика, и незнаніе Россіи служатъ только къ распространенію этихъ несообразностей; исте-

каютъ же они не изъ чего иного, какъ изъ тенденцій и, что весьма замѣчательно, изъ двухъ діаметрально противоположныхъ тенденцій. Одной изъ нихъ надо было доказать, что воля, данная презрѣнному дикарю, русскому крестьянину, разорила русское хозяйство, какъ помѣщичье, такъ и само крестьянское; другой, что эти самые крестьяне, хотя и ставшіе въ самыя новѣйшія времена прокаженными, суть все-таки настоящіе представители демократіи и, какъ таковые, не могли не быть обиженными и обдѣленными при назначеніи имъ надѣловъ во время освобожденія. И эта вторая тенденція основываетъ свои выводы на результатахъ, добытыхъ первою.

Но, хотя мы и увѣрены, что почва наша не оскудѣла внезапно, а осталась плодородною тамъ, гдѣ была таковою, нынѣшній 1882 годъ лучше всего это доказалъ, какъ разъ вслѣдъ за воплями объ оскудѣніи, громче всего раздававшимися, какъ нарочно, въ прошломъ году; тѣмъ не менѣе, въ иныхъ мѣстностяхъ она дѣйствительно скудна, но скудна уже очень давно. Хотя, полагаемъ, мы еще можемъ и будемъ вывозить много хлѣба за границу, но тѣмъ не менѣе лучше имѣть возможность вывозить еще болѣе; хотя, наконецъ, мы убѣждены, что самъ Русскій народъ, говоря вообще, т.-е. на большей части русской территоріи, за исключеніемъ лишь случайныхъ неурожаевъ, пока еще вдоволь, а не въ проголодь питается хлѣбомъ, тѣмъ не менѣе надо желать и стараться, чтобы не было и этихъ частныхъ, но прискорбныхъ исключеній. Въ этомъ послѣднемъ отношеніи, т.-е. относительно временныхъ неурожаевъ, должно замѣтить, что никакія хозяйственныя улучшенія

совершенно освободить отъ нихъ не могутъ, что они случаются вездѣ, гдѣ народъ живетъ преимущественно земледѣліемъ, что отъ этихъ несчастій можетъ предохранить только правильно примѣненная пословица: береги денежки на черный день. А денежкой не можетъ тутъ быть ничто другое, какъ самый же хлѣбъ, засыпанный въ запасные магазины, которые были учреждены у насъ послѣ печальныхъ опытовъ половины тридцатыхъ и начала сороковыхъ годовъ, когда самыя плодородныя мѣстности Россіи были посѣщены не только неурожаемъ, но дѣйствительнымъ голодомъ, но которые почему-то были заброшены въ новѣйшее время.

Какъ ни желательны, какъ ни настоятельны улучшенія въ нашей земледѣльческой промышленности, намъ придется очень долго ихъ ожидать, если будемъ надѣяться на введеніе такъ-называемаго раціональнаго сельскаго хозяйства съ его сложными сѣвооборотами, посѣвами корнеплодныхъ растеній, увеличеніемъ и усиленіемъ скотоводства,—долго, говорю я, придется ждать даже въ большихъ помѣщичьихъ имѣніяхъ, и никогда не дожидаться на земляхъ крестьянскихъ, помочь которымъ всего желательнѣе.

Данныя, получаемыя теперь отъ корреспондентовъ изъ разныхъ губерній, болѣе достовѣрныя, чѣмъ огульныя цифры посѣвовъ и урожаевъ, собираемыя чрезъ полицію, ясно показываютъ, что вездѣ и по всѣмъ сортамъ хлѣбовъ и другихъ посѣвныхъ растеній урожай на крестьянскихъ земляхъ значительно менѣе, чѣмъ на помѣщичьихъ. Улучшеній въ крестьянскихъ хозяйствахъ, да и въ большинствѣ помѣщичьихъ, на земляхъ, отдаваемыхъ въ аренду, можно ожидать лишь въ томъ случаѣ, если воз-

можно привести улучшения къ самымъ простымъ элементарнымъ приемамъ, а выгодность этихъ приемовъ доказать ясными убѣдительными примѣрами, въ возможныхъ для крестьянъ, и вообще для небогатыхъ людей, условіяхъ,—примѣрами, которымъ оставалось бы просто подражать. И это, кажется, возможно. Основное, само по себѣ очевидное правило всякой земледѣльческой промышленности состоитъ въ томъ, чтобы почва, на которой воздѣлывается любое растеніе, заключала въ себѣ достаточное количество тѣхъ питательныхъ веществъ, которыя для этого растенія требуются. Если почва сама по себѣ ими богата,—тѣмъ лучше; если же ихъ въ ней недостаточно, то нужно добыть ихъ извнѣ. На это существуютъ три простые средства: 1) распахать почвы, которыя вообще богаты питательными частями и могутъ, смотря по качеству своему, выносить въ теченіе болѣе или менѣе долгаго времени культуру безо всякаго удобренія; или 2) добывать эту питательную почву изъ глубины, выворотивъ на свѣтъ и воздухъ плодородную почву, добавляя этимъ чего не достаетъ въ оскудѣвшемъ уже отъ долгой культуры поверхностномъ слоѣ; или, наконецъ, 3) принося въ почву, уже истощенную, недостающія для питанія вещества извнѣ.

Вспахать нови въ большинствѣ нашихъ губерній нельзя, или потому, что ихъ больше нѣтъ, или потому, что для сего надо бы истреблять лѣса, необходимые въ другихъ отношеніяхъ. Поэтому пользоваться новями можно только посредствомъ переселеній въ незаселенныя еще или малозаселенныя мѣстности. Было уже разъяснено и доказано, и въ газетѣ *Русь*, и въ прекрасной статьѣ г. Маркова въ февральскомъ номерѣ *Русской Речи*,

что огульное переселеніе милліоновъ людей и невозможно, и вредно; что оно лишило бы работниковъ мѣстности, въ нихъ нуждающіяся, сдѣлало бы въ нихъ невозможнымъ ни развитіе промысловъ, ни усовершенствованіе сельскаго хозяйства, которое при недостаткѣ рукъ должно сохранить свой прежній экономическій характеръ при почвѣ, уже значительно истощенной; приучило бы народъ къ перекочевкѣ съ мѣста на мѣсто для отысканія обширныхъ пространствъ, гдѣ можно бы держаться залежной системы хлѣбопашества, къ которой и такъ имѣетъ онъ склонность и любовь; наконецъ переносило бы центръ тяжести государственной силы далѣе и далѣе на востокъ и тѣмъ открывало бы просторъ натиску съ запада. Переселеніе должно исходить только изъ мѣстностей, дѣйствительно густо населенныхъ земледѣльческимъ населеніемъ, или изъ общинъ, получившихъ малые даровые надѣлы, и должно бы направляться съ содѣйствіемъ правительства по крайней мѣрѣ въ мѣста, къ которымъ можно примѣнить названіе — хотя и въ совершенно другомъ смыслѣ — не столь отдаленныхъ: въ Заволжье, южную Россію и Ставропольскую губернію.

На одну изъ мѣстностей этой послѣдней я считаю полезнымъ обратить общее вниманіе какъ на дѣйствительный земледѣльческій рай. вмѣсто описанія общими мѣстами необычайнаго плодородія этой страны, я расскажу эпизодъ изъ моей поѣздки на несуществующую рѣку Манычъ, до сихъ поръ составляющую не малую географическую путаницу, о чемъ позволю себѣ сказать нѣсколько словъ въ видѣ топографическаго введенія. Известно, что въ южной части области Войска Донскаго и вдоль границы ея и Астраханской губерніи со Ставро-

польскою пролегаетъ ложбина, слѣдъ высохшаго морскаго пролива, бывшаго послѣднимъ остаткомъ соединенія Каспійскаго и Азовскаго морей. Ложбина эта, до версты и болѣе шириной, весьма рѣзко обозначается крутыми берегами и совершенно горизонтальнымъ дномъ съ сильно солончаковою почвой. По обѣимъ своимъ оконечностямъ, т.-е. къ Дону и къ Каспійскому морю, эта рѣзкость очертанія теряется, и ложбина незамѣтно сливается съ общею равниной степи. Въ эту ложбину, какъ въ самую низменную часть степи, вливается текущая съ кавказскихъ предгорій рѣчка Егорлыкъ и направляется вдоль по ложбинѣ на западъ. Начиная съ этого мѣста, въ горизонтальномъ днѣ ложбины есть узкое русло или канава въ нѣсколько сажень шириной, которая по ложбинѣ и принимаетъ названіе Маныча, но есть не что иное какъ Егорлыкъ, который вовсе въ Манычѣ не впадаетъ, ибо никакой другой рѣчки, ни даже слѣдовъ рѣчки кромѣ самого Егорлыка нѣтъ; а къ востоку отъ того мѣста, гдѣ Егорлыкъ втекаетъ въ ложбину, продолжающуюся и далѣе къ востоку со своимъ горизонтальнымъ дномъ и крутыми, правильно стесанными берегами — никакой канавы, никакого рѣчнаго русла нѣтъ. Вскорѣ послѣ этого ложбина Манычская расширяется и вмѣщаетъ въ себѣ Манычское соленое озеро или Гудило, которое ни малѣйшимъ притокомъ ни въ западномъ направленіи съ Егорлыкомъ, ни въ восточномъ — съ Калаусомъ не соединяется, а образуетъ совершенно отдѣльный самостоятельный водный бассейнъ, что можно было уже теоретически предвидѣть, такъ какъ никакое соленое озеро истока не имѣетъ, а еслибъ имѣло его, то, постепенно промываясь, выщелачиваясь,

наконецъ перестало бы быть соленымъ. За Манычскимъ озеромъ къ востоку ложбина—слѣдъ бывшаго пролива — опять суживается, опять представляетъ видъ правильного русла съ крутыми, рѣзко очерченными берегами, съ горизонтальнымъ дномъ, но опять-таки безъ малѣйшаго слѣда канавки или рытвины обозначающихъ слѣдъ хотя бы самой маленькой рѣчки. Далѣе къ востоку втекаетъ въ ложбину рѣка Калаусъ, совершенное повтореніе Егорлыка въ западной части ложбины, но нѣсколько значительнѣе и многоводнѣе его.

Далѣе къ Каспійскому морю въ этой мѣстности я не былъ, но изъ словъ лицъ, знакомыхъ съ нею, видно, что къ своему восточному концу ложбина теряетъ свои правильно рѣзкія очертанія, точно также какъ и на западномъ донскомъ концѣ. Итакъ, есть Манычская ложбина, включающая въ себѣ три системы водъ, совершенно между собою раздѣльныхъ: Егорлыкъ, Манычское соленое озеро и Калаусъ, а никакой рѣчки Маныча нѣтъ.

Переѣхавъ по Царицынскому тракту съ сѣверной на южную сторону Манычской ложбины, я пріѣхалъ въ деревню Дивную. Было еще довольно рано, и я вышелъ на улицу. Въ разныхъ мѣстахъ лежало нѣсколько совершенно пьяныхъ мужиковъ. Я обратился къ провожавшему меня крестьянину съ вопросомъ. «Что это у васъ, праздникъ что ли?» Мой спутникъ отвѣчалъ мнѣ на половину съ гордостью, на половину съ насмѣшкою: «Середа.» — «Какъ же у васъ въ будни не работаютъ?» — «Зачѣмъ нашимъ хозяевамъ работать, на то батраки и наемные есть». Вслѣдствіе этого разговора я сталъ спрашивать разныхъ мужиковъ и, между прочимъ, узналъ, что одинъ изъ тамошнихъ крестьянъ, нѣкто Ха-

ринь, переселившийся 18 лѣтъ тому назадъ изъ Тамбовской губерніи всего съ двумя волами и одною лошадыю (я посѣтилъ эту мѣстность въ началѣ іюня 1866 года), собралъ въ прошломъ году тысячу пятьсотъ четвертей пшеницы (я нарочно выписываю это число словами). «Да сколько же онъ десятинь сѣялъ?» — «Тридцать озимую и тридцать яровою», былъ отвѣтъ. Десятины эти были, конечно, хозяйственные, т.-е. въ 3.200 кв. саж., и при посѣвѣ 9 мѣръ на десятину. Во всякомъ случаѣ, урожай былъ кругомъ слишкомъ самъ-20, но въ такіе годы, какъ 1865 и 1866, случается собирать и самъ-30, и самъ-40. «Такъ у васъ, значитъ былъ отличный урожай?», спросилъ я. — «Да два года хорошо уродилось, теперь хоть шесть лѣтъ ничего не рожайся, намъ все равно». И это при слѣдующей системѣ хозяйства: вспахавъ землю, сѣютъ пшеницу; на слѣдующій годъ ее уже не пашутъ, а только боронятъ и сѣютъ рожь, а послѣ этого года два, три собираютъ падалицу. Одинъ крестьянинъ при деревнѣ Рагули (верстахъ въ 50 отъ Дивной) накосилъ въ 1865 году такой падалицы 280 четвертей. На слѣдующее утро я поѣхалъ степью въ деревню Рагули, лежащую близъ впаденія Калауса въ Манычскую ложбину, и оттуда къ рѣкѣ Айгуру. Дорога, конечно, не мѣрная, но ѣхали мы, съ небольшими остановками и хорошею рысцою, до вечера—по словамъ ямщика, было тутъ верстъ пятьдесятъ или шестьдесятъ — и мнѣ объяснились причины столь необычайныхъ урожаяевъ. Во всю дорогу, насколько глазъ видѣлъ, вся степь поросла полевымъ клеверомъ (*Trifolium arvense*) такой густоты, даже можно сказать плотности, съ которою никакой посѣвъ не могъ срав-

ниться. Цвѣточные головки были какъ бы выравнены по ватерпасу, и эта растительность дѣлала такое впечатлѣніе, что, казалось, если лечь на траву, то она не подается и будетъ поддерживать тѣло. Степь эта была мѣстомъ пастбища кочующихъ здѣсь Туркменъ, не знаю когда поселившихся или поселенныхъ сюда. На зиму они уходятъ къ югу, на низовья Кумы, гдѣ тростникъ даетъ зимой пищу для ихъ скота и укрываетъ ихъ отъ непогодъ и снѣжныхъ бурь. Стравить всей этой роскошной травы стада ихъ не могутъ, и они, предъ уходомъ, осенью сжигаютъ высохшую траву, что возбуждало большое негодование у жителей посѣщенныхъ мною деревень, жаловавшихся на малоземелье и стѣсненіе отъ Туркменъ. Хотя нельзя сказать, чтобы Туркмены стѣсняли небольшое число поселенныхъ здѣсь Русскихъ, какъ видно изъ предыдущаго; но эти поселенія все же составляютъ только рѣдкіе и ничтожные оазисы на этой переполненной плодородіемъ почвѣ. Сожженіе травы Туркменами, конечно, не только сохраняетъ, но даже увеличиваетъ лежащій въ почвѣ капиталъ. Но не довольно ли уже времени лежитъ онъ мертвымъ, и не пора ли воспользоваться имъ, пустить его въ оборотъ? Мѣстность эта просится подъ заселеніе земледѣльческаго, а не кочеваго народа, и Туркменъ, казалось бы, можно куда-нибудь и переселить, хоть обратно къ собратіямъ ихъ на восточный берегъ Каспійскаго моря.

Но давно извѣстно, что нѣтъ лица безъ изнанки, медали безъ оборотной стороны, розы безъ шиповъ. Такъ и эта привольная мѣстность, климатъ которой, кажется, пришелся по русскимъ людямъ изъ среднихъ губерній, — ибо ни о какихъ болѣзняхъ, уносящихъ такъ много

Русскихъ въ Закавказьѣ, я здѣсь не слыхалъ, — страдаетъ недостаткомъ воды. Рѣки рѣдки, и вода въ нихъ становится солонцеватою послѣ лѣтнихъ жаровъ; но къ этому, кажется, жители привыкли.

Конечно и по Калаусу, и по Айгуру еще есть мѣста для поселенія новыхъ деревень, и населеніе существующихъ деревень можетъ быть значительно увеличено, ибо, при здѣшней системѣ хозяйства, которую еще долго не придется мѣнять, покосы и поля могутъ находиться въ очень далекомъ разстояніи отъ деревень, какъ это существуетъ и въ Новороссіи; но все же желательно было бы воспользоваться такою страной въ полной мѣрѣ. Если гдѣ-либо, то именно здѣсь слѣдовало бы сдѣлать опыты буравленія артезианскихъ колодцевъ. Даже въ случаѣ неудачи расходъ ограничивался бы нѣсколькими десятками тысячъ, много сотнею тысячъ рублей, а заселеніе такой мѣстности въ недалекомъ разстояніи отъ портовъ Азовскаго моря, Ейска или Ростова, можетъ доставить на десятки милліоновъ пшеницы.

Но въ болѣе заселенныхъ губерніяхъ, даже съ плодородною черноземною почвой, уже мало нови. Ея нѣтъ на поверхности; но еще много въ глубинѣ. Глубокое взрыхленіе почвы вывернетъ ее наружу, подвергнетъ вліянію воздуха, и зарытый капиталъ дастъ богатые проценты. Глубокая пахота, конечно въ глубокой и плодородной почвѣ, дѣйствуетъ благотѣтельно на растенія троякимъ образомъ. Во-первыхъ, она предлагаетъ имъ обильный, нетронутый еще запасъ питательныхъ веществъ, во-вторыхъ, усиливаетъ развитіе корней, увеличиваетъ число точекъ прикосновенія корневыхъ мочекъ съ почвой, и тѣмъ позволяетъ каждому растенію вытягивать

питательныя вещества съ большей поверхности; а въ-третьихъ, въ глубоко разрыхленномъ слоѣ больше накапливается влажности, и она долѣе сохраняется на глубинѣ, что, въ мѣстностяхъ, подверженныхъ засухамъ, составляетъ едва ли не главное условіе хорошихъ урожаевъ. Какое вліяніе оказываютъ глубоко разрыхленныя почвы, показываютъ древесныя насажденія около Севастополя, никогда не поливаемые при тамошнихъ сильныхъ засухахъ. Французскій плодоводъ Мортилье приводитъ слѣдующій примѣръ: «Прошлаго года, говоритъ онъ, я показывалъ свои персики одному пріятелю; съ нѣкоторою гордостью я обращалъ его вниманіе на удлиняющіе вѣтви побѣги въ два метра длиной. Я пріѣхалъ изъ Бургундіи, отвѣчалъ онъ, и видѣлъ лучше этого; я видѣлъ персики, побѣги которыхъ достигали среднимъ числомъ трехъ метровъ ($4\frac{1}{4}$ аршина). Пріятель мой былъ знатокъ, я сталъ его спрашивать. Узнавъ, что персики, всего трехлѣтніе, были посажены въ почву перекопанной до глубины двухъ метровъ, я пересталъ удивляться». Конечно, для растеній травянистыхъ нѣтъ надобности, да и невозможно разрыхлять почву до такой глубины, какъ для растеній древесныхъ; но и значительно меньшая глубина разрыхленія, напримѣръ на одинъ футъ, окажетъ благодѣтельные результаты,—и это не невозможно. Одинъ весьма опытный агрономъ говорилъ мнѣ, что съ вдвое меньшею силой противъ употребляемой нынѣ для вздиранія почвы въ южной Россіи (на что иногда употребляютъ, напримѣръ, въ Крыму, до 7 паръ воловъ), но при употребленіи хорошо устроенныхъ спеціально съ этою цѣлью плуговъ и пропахавъ вторично по проведеннымъ разъ бороздамъ, можно взрыхлить поверхность

ные слои до 8 и даже до 10 вершковъ. Но какъ привести это въ исполненіе, какъ побудить крестьянъ принять систему такой глубокой пахоты? Не иначе, какъ примѣромъ. Пусть правительство или земство, сначала хоть въ одной мѣстности, а потомъ во многихъ, вспашетъ на свои средства два равные куска земли, хоть въ десятину каждый, на обыкновенную и на увеличенную глубину. Разница результатовъ, особенно, если случится сухой годъ, покажетъ наглядно выгоду глубокой пахоты, и такому примѣру захочетъ послѣдовать всякій, если только средства ему это позволяютъ. Средства же эти опять-таки могутъ доставить или правительство, или земство, заведя хорошаго устройства плуги, которые, за извѣстную плату, взимаемую послѣ урожая, отдавались бы въ наймы желающимъ ими воспользоваться. При удачѣ опыта, нашлись бы и частные люди, и сами крестьянскія общества, которые завели бы такіе плуги и отдавали бы ихъ внаймы, какъ теперь отдаютъ внаймы и даже развозятъ по полямъ паровыя молотилки и берутъ за нихъ извѣстную долю зерна, какъ на мельницахъ за помолъ. Что же касается силы, которая могла бы пахать этими плугами, то, по счастью, въ ней нѣтъ недостатка, по крайней мѣрѣ, въ той обширной полосѣ, гдѣ земля обрабатывается волами.

Какъ теперь соединяются нѣсколько хозяевъ, чтобы взодрать почву, также точно могли бы они соединяться, чтобы вывернуть эту почву изъ глубины. Конечно, дѣло это гораздо затруднительнѣе въ тѣхъ черноземныхъ мѣстностяхъ, гдѣ пахутъ лошадьми, но однакоже не невозможно. Прежде всего замѣтимъ, что гдѣ пахутъ лошадьми, тамъ употребляютъ сохи; уже замѣна ихъ лег-

кими плугами или даже употребляемыми во многихъ сѣверныхъ губерніяхъ косулями, берущими все же глубже сохи, была бы нѣкоторымъ успѣхомъ. Но ввести и это можно только примѣромъ, тѣмъ же способомъ, который мы указали выше, непременно вспаханіемъ двухъ полосъ земли на правительственныя или земскія средства, при всѣхъ прочихъ равныхъ условіяхъ, двумя различными орудіями—сохой, или легкимъ плугомъ. Слѣдовало бы, далѣе, завести или сильныхъ лошадей, или, что дешевле, воловъ, и, сдѣлавъ съ ними тѣ же сравнительные наглядные опыты, вспахивать ими землю для желающихъ. Такихъ животныхъ, опять видя выгоду, стали бы заводить или частныя лица, или сами общества и, за извѣстную плату, глубоко вспахивать ими землю. Замѣчу, что такую глубину пахоты не надо повторять ежегодно, потому что земля, разъ глубоко вспаханая, слегшись на поверхности, сохраняетъ свою рыхлость и удобопроницаемость какъ для влажности, такъ и для корней по нѣскольку лѣтъ; а это значительно удешевляетъ дѣло, ибо каждый годъ пришлось бы такъ глубоко пахать только нѣкоторую часть полей. Для полного успѣха нужно бы дѣлать эту глубокую вспашку осенью, чтобы вывороченная почва за зиму вывѣтрилась и разрыхлилась.

Наконецъ, тамъ гдѣ почва дѣйствительно истощена или бѣдна искони, гдѣ пахотный слой не глубокъ, ничего не остается, какъ прибѣгать къ удобренію. Но заставить прибѣгать къ удобренію, и именно тѣмъ, чѣмъ нужно по свойствамъ почвы, опять можно лишь примѣромъ на правительственныя или земскія средства. Для сего надо сдѣлать предварительные опыты въ какихъ

именно составныхъ частяхъ данная почва нуждается, а такъ какъ почвы большею частію одинаковы на большія разстоянія, то такихъ опытовъ придется дѣлать не слишкомъ много. Впрочемъ, можно даже напередъ сказать, что недостатокъ этотъ, лишаящій почву плодородія, заключается преимущественно въ калийныхъ соляхъ, фосфорныхъ и частью въ азотистыхъ соединеніяхъ. Но эти послѣднія въ нѣкоторыхъ количествахъ сообщаются почвѣ въ обыкновенномъ скотскомъ навозѣ, слѣдовательно главное дѣло въ двухъ первыхъ. И тутъ, сравнительные наглядные опыты должны убѣдить въ выгоде употребленія этихъ искусственныхъ удобреній: фосфоритовъ, хлористаго кальція, золы, пудретовъ и т. п., и вещества эти должны быть доставлены желающимъ на счетъ правительства или земствъ заимообразно, по возможно дешевымъ цѣнамъ, точно такъ, на примѣръ, какъ доставляется Ялтинскимъ земствомъ сѣрный цвѣтъ для обсыпки виноградниковъ противъ оидіума. Такое доставленіе удобрительнаго матеріала будетъ, думается мнѣ, гораздо полезнѣе денежныхъ ссудъ крестьянскими банками, ибо деньги могутъ часто пойти не на то употребленіе, на которое бы слѣдовало, да часто, и при желаніи ихъ употребить на хозяйственныя улучшенія, онѣ, по незнанію, не будутъ употреблены столь производительно, какъ бы можно. Я часто говорю: на счетъ правительства или земства; но въ большинствѣ случаевъ земства не имѣютъ на это достаточныхъ средствъ, поэтому правительство должно бы придти имъ на помощь займами, по возможности безпроцентными.

При употребленіи различныхъ удобрительныхъ средствъ не должно упускать изъ вниманія тѣхъ, которыя уже

употребляются въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Россіи и находятся во многихъ мѣстахъ подъ руками, но не идутъ въ дѣло по незнанію. Кромѣ отбросовъ изъ большихъ городовъ, которые желательно было бы не терять попустому и даже со вредомъ для общественнаго здравія, а обращать въ пудреты или другіе удобрительные препараты, я укажу на одинъ примѣръ. Проѣзжая въ концѣ зимы, великимъ постомъ, по сѣверной части Вельскаго уѣзда, Вологодской губерніи, и по Шенкурскому — Архангельской, я замѣтилъ, что снѣжная пелена дороги была испещрена черными кучами какой-то грязи вездѣ, гдѣ она пересѣкалась проселочными дорогами. Изъ разспросовъ я узналъ, что по первопутью крестьяне ѣздятъ на торфяныя болота, которыхъ тутъ множество, и возятъ торфъ къ себѣ на скотные дворы. Въ теченіе зимы онъ растапывается, смѣшивается съ твердыми испражнениями животныхъ и, по своей губчатости, впитываетъ большое количество жидкихъ испражнений, наиболѣе богатыхъ аммоніакальными соединеніями, обыкновенно теряющимися при нашемъ способѣ сохраненія навоза. Къ тому же, самый торфъ заключаетъ въ себѣ много неорганическихъ соединеній золы. По послѣднему санному пути этотъ унавоженный торфъ свозится на поля (въ этой сѣверной мѣстности по большей части яровья), и крестьяне говорятъ, что, такимъ образомъ, получаютъ отличные урожаи. И это торфяное удобреніе должно бы точно также заставить принять, путемъ сравнительныхъ примѣровъ его выгоды. А во сколькохъ губерніяхъ съ самою плохую почвой имѣется безконечное изобиліе этого удобрения!

Вообще замѣчу, что на сѣверѣ, напримѣръ въ Воло-

годской губерніи, хорошо мнѣ извѣстной, земледѣліе стоитъ на гораздо высшей точкѣ, чѣмъ въ среднихъ и черноземныхъ губерніяхъ. Такъ-называемыя пожни, заливныя мѣста изобильныхъ здѣсь озеръ и рѣкъ, доставляютъ много сѣна (хотя и не отличнаго качества, ибо оно состоитъ преимущественно изъ осокъ), собираемаго поздно, уже по окончаніи полевыхъ работъ, и потому скота держать много. При возкѣ навоза не довольствуются обыкновеннымъ навозомъ со скотныхъ дворовъ, но собираютъ всѣ остатки и отброски, навозъ съ проходящихъ черезъ села дорогъ, испражнения человѣческія (которыя, впрочемъ, большею частью скопляются въ тѣхъ же скотныхъ дворахъ, находящихся подъ одною крышею съ жилыми строеніями), опавшими листьями изъ садовъ (это у помѣщиковъ, конечно). Землю пахутъ отлично, разрыхляютъ въ пухъ и орудіями гораздо лучшими, нежели сохи,—косулями. Мнѣ извѣстны примѣры урожаяевъ самъ-13 и самъ-14, полученныхъ единственно вслѣдствіе тщательнаго надзора и присмотра, безъ употребленія какихъ-либо особыхъ удобреній. Въ Архангельской губерніи, впрочемъ, тамъ, гдѣ уже не занимаются хлѣбонашествомъ, именно въ Кемскомъ уѣздѣ, крестьяне унаваживаютъ даже луга. Мы убѣждены, что только указаннымъ здѣсь путемъ можетъ быть достигнуто улучшение земледѣлія въ Россіи въ сравнительно непродолжительное время. Само собою разумѣется, что я ничего не имѣю и противъ всякихъ другихъ средствъ улучшенія сельской промышленности, противъ увеличенія посѣвовъ картофеля и другихъ корнеплодныхъ растений, кормовыхъ травъ и т. п.

Еще есть одно весьма дѣйствительное средство улуч-

шенія земледѣлія, особенно въ южной и юго-восточной Россіи, это — орошеніе. Но на общепримѣнительность этого средства трудно рассчитывать. При особыхъ обстоятельствахъ, въ нѣкоторыхъ частныхъ случаяхъ, ничто не можетъ сравниться съ его пользой. Такова, напримеръ, система орошенія, уже приводимая въ исполненіе въ Заволжской степи и столь интересно изложенная въ январьской книжкѣ *Русской Рѣчи* г. Самсоновымъ. Но вообще, система орошенія водой изъ рѣкъ можетъ быть примѣнена съ успѣхомъ или въ низовьяхъ рѣкъ, гдѣ поверхность почвы лишь немного выше уровня воды, или въ странахъ гористыхъ, съ очень крутымъ паденіемъ. Здѣсь, давая каналамъ меньшій уклонъ, можно легко проводить воду въ мѣста, очень высоко лежащія надъ горизонтомъ рѣчной воды ниже по теченію. Но какъ сдѣлать это при слабомъ паденіи рѣкъ, когда эти послѣднія текутъ въ глубокихъ долинахъ и окружены страной на сто, на двѣсти и болѣе футовъ выше ихъ уровня? Или нужно начинать оросительныя каналы за сотни верстъ выше по теченію, или поднимать воду посредствомъ машинъ. Ни то, ни другое, по всѣмъ вѣроятіямъ, не окупитъ издержекъ.

Другой важный предметъ составляетъ лѣсосохраненіе. Я не буду говорить ни о лѣсоразведеніи, ни объ усиленіи строгости законовъ противъ самовольныхъ порубокъ и т. п. Я хочу обратить вниманіе лишь на то, что и въ этомъ дѣлѣ мѣры косвенныя, можетъ быть, еще болѣе дѣйствительны, чѣмъ мѣры прямыя и непосредственныя. Если уменьшить потребность въ лѣсѣ на главное его употребленіе—топку, замѣнивъ его разными видами минеральнаго топлива, то непримѣтно достигнута

благодѣтельные результаты. И въ этомъ дѣлѣ правительство можетъ подать примѣръ. Должно бы постановить, чтобы всѣ казенныя зданія: казармы, больницы, училища, правительственныя и присутственныя мѣста, казенныя квартиры, а также земскія и общественныя заведенія, во всѣхъ тѣхъ губерніяхъ, гдѣ лѣсъ уже не въ излишкѣ, отапливались каменнымъ углемъ, торфомъ, нефтью или нефтяными отбросами. Для этого придется устраивать лучшія и болѣе экономическія печи, и поданный примѣръ не замедлитъ распространиться. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ это уже и дѣлается, но далеко не вездѣ, гдѣ можно. Укажу какъ на примѣръ, который собственно и подалъ мнѣ эту мысль, на ежегодное количество дровъ, запасавшихся въ Ливадіи для всѣхъ тамошнихъ службъ и помѣщеній, между тѣмъ, какъ въ Крыму несомнѣнно выгоднѣе топить углемъ, чѣмъ дровами, въ чемъ я имѣлъ случай убѣдиться въ Никитскомъ саду *), гдѣ уголь почти уже замѣнилъ дрова.

Еще одно средство. На пассажировъ желѣзныхъ дорогъ и кладъ быстрого сообщенія недавно наложена большая надбавка къ платѣ за билеты. Не буду распространяться объ этой мѣрѣ, финансовыя результаты которой по меньшей степени сомнительны, въ виду того, что, уменьшая число пассажировъ и заставляя ихъ брать билеты классомъ ниже, она, можетъ-быть, въ той же мѣрѣ усиливаетъ приплату гарантіи, въ какой доставляетъ казнѣ доходъ. Къ тому же, этотъ налогъ, хотя и косвенный, очень тягостенъ для путешествующихъ, потому что разомъ заставляетъ ихъ приплачивать значительныя суммы. Для меня въ настоящемъ случаѣ важ-

*) Н. Я. Данилевскій нѣкоторое время управлялъ Никитскимъ садомъ.

но то, что въ примѣненіи къ желѣзнымъ дорогамъ, путямъ сообщенія монопольнымъ, налогъ ложится всею своею тяжестью на пассажировъ, а для самихъ гарантированныхъ желѣзно-дорожныхъ обществъ совершенно безразличенъ. Совсѣмъ иное оказалось бы, еслибы налогъ этотъ былъ примѣненъ къ рѣчнымъ пароходамъ, въ особенности къ волжскимъ. Здѣсь конкуренція такъ велика, что нѣкоторыя общества или отдѣльные пароходы приняли бы на себя часть надбавки на пассажировъ. Бывали вѣдь случаи, напримѣръ, въ Ростовѣ, въ Херсонѣ, что пароходы, чтобы перетянуть къ себѣ пассажировъ, объявляли плату низкую, до явнаго себѣ убытка, заводили хоры музыки и т. п. Еслибы, слѣдовательно, постановить, что послѣ извѣстнаго срока тѣ пароходы, которые не введутъ у себя минеральнаго топлива, будутъ подлежать надбавочному налогу на пассажировъ, то, вѣроятно, это заставило бы скоро передѣлать устройство многихъ пароходовъ на топку углемъ или нефтью. Сохраняя дерево, подобная мѣра не мало содѣйствовала бы развитію каменно-угольной промышленности. Конечно, какъ почти для всѣхъ отраслей промышленности, такъ и для каменно-угольной, было бы полезно установить нѣкоторый налогъ на иностранный уголь, по крайней мѣрѣ, для черноморскихъ и азовскихъ портовъ. Въ этомъ отношеніи замѣчу, что, напримѣръ, на Лозово-Севастопольской желѣзной дорогѣ топятъ англійскимъ углемъ, а не русскимъ, хотя, при доставкѣ его моремъ большими количествами, цѣна его могла бы быть не дороже англійской, то есть 17 к. за пудъ. Въ вокзалахъ этой дороги топятъ печи даже сосновыми дровами, привозимыми дорогой, вѣроятно изъ Александровска.

Въ числѣ продуктовъ, получаемыхъ изъ минеральнаго царства, важную роль играетъ въ промышленности углекислый натръ или сода, которая у насъ совершенно не добывается *), тогда какъ условія для полученія ея самыя благопріятныя, потому что въ числѣ нашихъ соляныхъ озеръ Астраханской губерніи есть такія, которыя доставляютъ не поваренную, а такъ называемую астраханскую соль, состоящую изъ смѣси сѣрнокислаго натра и сѣрнокислой магнезіи. Въ пятидесятихъ годахъ астраханскій аптекарь Оссе завелъ небольшой заводъ для добыванія изъ нея употребительныхъ въ медицинѣ двууглекислой соды и углекислой магнезіи. Продукты были отличнаго качества, но дѣло не пошло. Глауберова соль идетъ, кажется, и въ настоящемъ своемъ видѣ на приготовленіе стекла. Не знаю, употребляется ли для этого наша астраханская соль. Кажется, были попытки къ вывозу ея для этой цѣли, также въ пятидесятихъ годахъ, но повидимому не увѣнчались успѣхомъ, по причинѣ затрудненій, происходившихъ отъ опасенія провоза корчемной поваренной соли подъ видомъ астраханской **).

Но одна промышленность вызываетъ другую. Еслибы была принята система казенной монополюной продажи вина исключительно на выносъ, потребовалась бы въ огромномъ количествѣ стеклянная посуда, и стали бы заводиться стеклянные заводы. Имъ могъ бы быть обезпеченъ сбытъ ихъ произведеній, подъ условіемъ употребленія русской соды, чѣмъ тоже обезпеченіе было бы предоставлено и содовымъ заводамъ. На первое время

---

*) *Отъ ред.* Въ Усольѣ, Пермской губ., существуетъ Сольвейевскій содовый заводъ Любимова.

**) *Отъ ред.* Существуетъ осадочное производство Глауберовой соли Гр. Mongenet въ Баталпашинскѣ.

могла бы быть дана и субсидія, не говоря уже о вышеніи пошлинъ на иностранную соду, которой, въ разныхъ видахъ, ввозилось въ 1876 году до 1.940,000 пудовъ на сумму 2.200,000 рублей.

Перейду къ культурѣ двухъ растений, за продукты которыхъ мы ежегодно уплачиваемъ за границу болѣе 15 милліоновъ рублей, и изъ которыхъ одно навѣрное, а другое весьма вѣроятно, могло бы расти у насъ. Я разумѣю маслину и индиго.

Масличное или оливковое дерево растетъ уже очень хорошо на южномъ берегу Крыма. Оно свободно выдерживаетъ морозы до $12\frac{1}{2}$ градусовъ по Реомюру, причемъ даже молодые побѣги не страдаютъ, такъ что оно выносливѣе лавра. Но есть нѣсколько причинъ, которыя препятствуютъ разведенію маслины въ этой мѣстности. Она все-таки находится здѣсь на своей климатической границѣ и, какъ всегда въ подобныхъ случаяхъ, не даетъ обильнаго плодоношенія. Земля тутъ слишкомъ дорога и воды очень мало, такъ что маслинамъ удѣляется только самая худшая и неполивная почва; наконецъ, и это можетъ-быть самое главное, тутъ навозъ слишкомъ дорогъ, да его и нѣтъ въ достаточномъ количествѣ; а маслина требуетъ на тощей почвѣ обильнаго и сильнаго унавоживанія, какъ это и дѣлается всегда въ Южной Франціи, въ окрестностяхъ Марсели, гдѣ огромныя пространства засажены этимъ деревомъ. Но у насъ есть край съ климатомъ болѣе теплымъ, нежели Южный Берегъ, съ почвой необыкновенно тучною, не требующею никакихъ удобреній, съ достаточною влагой. Это юговосточная оконечность Закавказья—Ленкоранскій уѣздъ. Во всей прибрежной равнинѣ, имѣющей

до 15 верстъ ширины, и по предгорьямъ Талышинскаго хребта до нѣсколькихъ сотъ футовъ высоты, оливки несомнѣнно превосходно бы росли и давали бы отличные урожаи. Въ мѣстности болѣе холодной, именно въ Баку, въ крѣпостномъ рву бывшей крѣпости, росло превосходное оливковое дерево, которое осталось въ моей памяти какъ первое, которое я въ свое жизни видѣлъ. Если я называю Ленкоранскій уѣздъ, то потому, что былъ тамъ въ продолженіе нѣкотораго времени и лучше знакомъ съ тамошними условіями; но безъ сомнѣнія за Кавказомъ нашлось бы много и другихъ мѣстностей, гдѣ маслина отлично бы расла, какъ на примѣръ, по всему черноморскому побережью, начиная отъ Туапсе, въ Гуріи, въ недавно приобрѣтенной Батумской области, а также по скатамъ въ Ріонскую долину, которая сама была бы, кажется, слишкомъ сырою. Вѣроятно, и во многихъ мѣстностяхъ Туркестанскаго края оливки росли бы прекрасно.

Надо еще вспомнить, что деревянное масло есть продуктъ, сбытъ котораго въ большихъ размѣрахъ въ Россіи обезпеченъ, такъ какъ оно составляетъ необходимую принадлежность нашего богослуженія, сожигается въ большихъ количествахъ въ лампадахъ предъ образами всѣми сословіями Русскаго народа, и въ этомъ отношеніи оно незамѣнимо никакимъ другимъ горючимъ матеріаломъ, ибо религіозная обрядность консервативнѣе всего на свѣтѣ. Деревянное масло никогда не постигнетъ участь другихъ маселъ, стеарина и свѣчнаго сала, почти вытѣсненныхъ изъ употребленія болѣе дешевымъ керосиномъ. Мнѣ случилось какъ-то читать въ газетахъ странное предложеніе, сдѣланное также въ видахъ замѣны иностраннаго продукта отечественнымъ: употреб-

лять вмѣсто деревяннаго другое растительное масло, конечно, въ увѣренности, что климатъ не дозволитъ намъ завести въ любомъ количествѣ свое собственное деревянное масло. Можно смѣло ручаться, что такой замѣны никогда не произойдетъ, и разводителей оливокъ никогда не постигнетъ участь разводителей марены, вытѣсненной анилиновыми красками. Прибавлю еще къ этому, что культура оливки очень проста: масличныя деревья не требуютъ почти никакого ухода на плодородной почвѣ. Обрѣзка ихъ очень проста — это не то тонкое искусство, которымъ немногіе садовники вполне обладаютъ, какъ обрѣзка плодовыхъ деревьевъ, въ особенности грушъ и яблонь. Все дѣло ограничивается здѣсь вырѣзкой сухихъ и лишнихъ, внутрь растущихъ, вѣтвей, разрѣженіемъ кроны, чтобы сдѣлать ее вполне проницаемою для свѣта и воздуха.

И однакоже, едва ли какой частный человѣкъ примется, въ сколько-нибудь значительныхъ размѣрахъ, за разведеніе оливокъ, потому что надо ждать не менѣе 12 лѣтъ, чтобъ онѣ начали давать плодъ, и не менѣе 20 или 25, чтобы получать съ нихъ значительный доходъ. Поэтому начать такое дѣло не можетъ никто кромѣ правительства, подобно тому, какъ правительства Англіи и Голландіи начали же дѣло хинныхъ плантацій въ Ассамѣ и на островѣ Явѣ. Но еслибы только правительство стало разводить оливковыя плантаціи, хотя бы въ очень значительныхъ размѣрахъ, то въ этомъ еще мало было бы пользы; надо заинтересовать въ этомъ дѣлѣ и частныхъ лицъ, и это не трудно. Примѣръ всего лучше объяснить дѣло.

800.000 десятинъ Манычской степи, въ предѣлахъ

земли Войска Донского, предназначены правительствомъ для коневодства, и желающимъ заняться имъ лицамъ войсковаго сословія раздавались земли подь условіемъ разведенія на нихъ лошадей.

Но коневодство собственно промыселъ не очень выгодный, и потому получившіе эти земли обязывались имѣть одну лошадь на 12 десятинъ земли, а остальное пространство могли употребить подь разведеніе болѣе выгодныхъ породъ рогатаго скота и овецъ. Такимъ же точно образомъ и въ Ленкорани могли бы раздаваться земли подь подобными же условіями, на примѣръ, съ обязательствомъ треть или четверть земли засаживать масличными деревьями, выгоды отъ которыхъ можно ожидать лишь въ довольно отдаленномъ будущемъ, съ правомъ употребить остальную землю подь болѣе выгодныя, скорѣе оплачиваемыя культуры.

Одна изъ этихъ выгодныхъ культуръ, думаю я, будетъ индиго. Но какъ же опять раздавать земли частнымъ лицамъ, когда эти земли должны быть неотчуждаемою государственною собственностью для заселенія малоземельныхъ крестьянъ? И въ этомъ дѣлѣ, какъ и во всякомъ другомъ, болѣе всего должно опасаться доктринерства, того узкаго ученія, девизомъ которому служитъ знаменитая фраза: «*périssent plutôt les colonies qu'un principe*» *). Во-первыхъ, климатъ Ленкоранскаго уѣзда, какъ и многихъ другихъ мѣстностей Закавказья, совершенно непригоденъ для русскаго крестьянина, и они вовсе туда не стремятся; а во-вторыхъ, разведеніе маслинъ и подобныхъ растений едва ли крестьянское

---

*) Да погибнуть лучше колоніи, чѣмъ принципъ.

дѣло. Если гдѣ это окажется нужнымъ и земли будутъ раздаваться съ толкомъ, съ мѣрой и съ несомнѣнною государственною пользою, то почему же ихъ и не раздавать?

Въ 1855 году, въ мою бытность въ Ленкорани, встрѣтилъ я на пароходѣ одного тамошняго землевладельца, г. Козицкаго, который началъ разводить тамъ индиго. Я видѣлъ образцы приготовленнаго имъ красиваго вещества; оно было самаго превосходнаго качества, съ нѣжно краснымъ изломомъ, такъ что ему предлагали за него въ Москвѣ 110 и даже 120 руб. за пудъ. Приготовлено же имъ было только нѣсколько пудовъ. Для добыванія бѣльшаго количества у него не было средствъ. Представивъ образцы, онъ получилъ правительственную субсидію, сталъ разводить дающія индиго растенія, именно видъ *Indigofera argentea*. Потомъ я узналъ, что его постигла неудача. Какія-то насѣкомыя два года сряду поѣдали листья растеній, средства его истожились, и этимъ кажется дѣло и кончилось. Еслибъ оно удалось, то это была бы только счастливая случайность, на которую въ подобномъ дѣлѣ рассчитывать нельзя. Индиго не-деревянное масло. Это послѣднее дается однимъ опредѣленнымъ растеніемъ, климатическія требованія котораго извѣстны; тутъ нѣтъ надобности дѣлать долгихъ предварительныхъ опытовъ. Напротивъ того, индиго получается отъ многихъ видовъ обширнаго рода *Indigofera*, заключающаго въ себѣ до 150 кустарниковъ, полукустарниковъ, травянистыхъ многолѣтнихъ и однолѣтнихъ видовъ, требующихъ весьма различныхъ климатическихъ условій. Слѣдовательно, чтобы систематически ввести ихъ культуру, надо пред-

варительно опредѣлить, какія изъ этихъ многочисленныхъ породъ соотвѣтствуютъ данному климату и другимъ мѣстнымъ условіямъ, хотъ, на примѣръ, какая подвергается нападеніямъ мѣстныхъ насѣкомыхъ и какая имъ противустоитъ, ибо изъ того, что одинъ видъ поѣдается насѣкомыми, не слѣдуетъ еще, чтобы поѣдались и другіе, ибо насѣкомыя очень часто весьма разборчивы. Такъ, на примѣръ, пресловутая филлоксера, уничтожая европейскій виноградъ *Vitis vinifera*, мало вредитъ нѣкоторымъ американскимъ сортамъ, по крайней мѣрѣ, въ дикомъ состояніи; а кровавая тля, губящая яблони, оставляетъ совершенно въ покоѣ груши, хотя оба дерева принадлежатъ къ тому же роду. Избравъ пригодные виды опытами въ маломъ размѣрѣ, должно приступить къ опытамъ въ большихъ размѣрахъ, для опредѣленія сравнительной экономической выгоды этихъ видовъ, т.-е. количества и легкости сбора даваемыхъ ими листьевъ и процента содержанія въ нихъ индиго. Послѣ этого можно уже смѣло приступить къ культурѣ индигоносныхъ растений съ промышленною цѣлью. Всѣ вѣроятности въ пользу того, что найдутся такіе виды рода *Indigofera*, которымъ климатъ и вообще условія Ленкоранскаго уѣзда и другихъ мѣстностей Закавказья, а также и Туркестана, будутъ благоприятны. Культура индиго стоить того, чтобы предпринять серіозные опыты. Въ Индіи, акръ, засаженный индиговымъ растеніемъ, даетъ до 500 фунтовъ красильнаго вещества, что составитъ 1.350 фунтовъ на десятину, т.-е. до 4.000 р. съ десятины. Конечно, на такіе урожаи нельзя надѣяться въ климатѣ менѣе жаркомъ, потому что въ Индіи индиго срѣзывается въ теченіе года нѣсколько разъ подъ

корень; но на восемь мѣсяцевъ роста можно надѣяться и у насъ въ теплѣйшихъ частяхъ Закавказья. Но получение красильнаго вещества изъ листьевъ составляетъ довольно сложную операцію, и нельзя ожидать, чтобы каждый изъ разводящихъ это растеніе занимался и добываніемъ краски. На первое время само правительство должно взять на себя эту обязанность, скупая свозимые на его фабрику листья, конечно за цѣну, только окупающую издержки, а не въ видахъ барыша, или отдавая соотвѣтственное количество краски за вычетомъ издержекъ добыванія. Если, какъ по всему должно ожидать, наиболѣе выгодныя породы индигоносныхъ растеній будутъ травянистыя, то культурой ихъ можно будетъ заниматься не только въ особенно теплой прибрежной полосѣ Ленкоранскаго уѣзда, но вѣроятно и въ Муганской степи, и это будетъ гораздо выгоднѣйшимъ употребленіемъ ея, чѣмъ посѣвы свекловицы для добыванія сахара, подъ которую, судя по газетнымъ извѣстіямъ, намѣревались ее занять. Свекловица хорошо растетъ и въ южныхъ, и даже въ среднихъ губерніяхъ Россіи.

Другое растеніе, къ разведенію котораго можно бы приохотить какъ и къ насажденію оливокъ, былъ бы виноградъ, но разводимый съ особенною цѣлью. Опытъ показалъ, что виноградъ, растущій на очень тучныхъ почвахъ, дающихъ огромный урожай, не даетъ хорошаго вина, а такова именно почва Ленкорани и вѣроятно многихъ другихъ мѣстностей Закавказья, можетъ быть и Туркестана. При жаркомъ же климатѣ виноградъ будетъ очень сладкій и дастъ крѣпкое вино, при выборѣ должныхъ сортовъ. При большихъ урожаяхъ довольно

крѣпкаго вина, но не имѣющаго другихъ требуемыхъ отъ него качествъ, будетъ весьма выгодно дѣлать изъ него такъ дорого стоящій коньякъ, который можетъ не только удовлетворять внутреннему потребленію, но и составить предметъ вывоза. Особенно пригоднымъ для этой цѣли былъ бы, по моему мнѣнію, персидскій сортъ винограда—кишмишъ, сортъ очень плодовитый и чрезвычайно сладкій (иначе не дѣлали бы изъ него изюма извѣстнаго подъ именемъ кишмиша). Къ тому же, онъ не имѣетъ косточекъ и, при прочихъ равныхъ обстоятельствахъ, даетъ, слѣдовательно, болѣе сока. О выгодности этого производства можно судить изъ слѣдующаго. Въ южной Франціи, около Марсели, гектаръ виноградника давалъ (до уничтоженія тамъ виноградниковъ филлоксерой) до 1.200—1.500 ведеръ вина. Тучная почва Ленкорани дастъ, конечно, не меньшее количество, даже безъ удобренія. Вино изъ кишмиша, выросшаго въ жаркомъ Ленкоранскомъ климатѣ, не должно содержать менѣе 15% алкоголя, такъ что десятина такого виноградника (полагая коньякъ крѣпостью въ 60 градусовъ) можетъ дать до 3.000 ведеръ коньяка, цѣна которому, если онъ будетъ хорошо приготовляться, не можетъ быть менѣе 8 руб. за ведро (въ продажѣ онъ гораздо дороже). Но конечно и тутъ правительство должно будетъ, какъ и для индиго, на первое время взять на себя и дистилляцію, и выдержку коньяка, скупая вино или выдавая соотвѣтственные доли продукта. Можетъ быть, будетъ хорошо примѣшивать къ кишмишу нѣкоторое количество мускатнаго винограда, который можетъ сообщать особый аромат коньяку и улучшать продуктъ.

Такимъ образомъ, было бы весьма полезно и со вре-

менемъ дало бы блестящіе результаты устройство въ Ленкорани сада и заведенія со спеціальною и опредѣленною цѣлью культуры маслины, индиго и винограда для выдѣлки коньяку.

Скажу теперь нѣсколько словъ еще о нѣкоторыхъ растеніяхъ, далеко не столь важныхъ какъ три упомянутыя, но которыя тѣмъ не менѣе даютъ продукты, которые мы ввозимъ изъ-за границы, тогда какъ могли бы удовлетворять сами внутреннему на нихъ спросу и даже вывозить, а вѣдь и мелкими доходами не должно пренебрегать.

По всей дельтѣ Волги, въ степяхъ земли Уральскаго Войска, а также и въ другихъ частяхъ Каспійскихъ степей, растеть огромное количество солодкового корня (*Glycyrrhiza glandulifera* W. et K.). На Уралѣ женщины выкапываютъ его и продаютъ скупщикамъ, которые развозятъ его по базарамъ и деревнямъ средней Россіи, какъ крестьянское лакомство. Изъ солодкового корня дѣлается, какъ извѣстно, аптечная лакрица, требуемая въ довольно большомъ количествѣ для подслащиванья миксуръ и какъ лѣкарство отъ кашля. Упомянутый уже мною аптекаръ Оссе, заводилъ въ Астрахани и лакричный заводъ. Лакрица получалась самаго превосходнаго качества, соединяя въ себѣ признаки, требуемые отъ нея по фармакопее, и однако военно-медицинское вѣдомство, куда онъ представлялъ ея образцы, не захотѣло принять ее; требовались разныя подмазки, на которыя г. Оссе не хотѣлъ согласиться. И это дѣло долженъ онъ былъ бросить, какъ соду и магнезію. Я думаю и теперь, еслибы только былъ обезпеченъ сбытъ

лакрицы въ однѣ военныя аптеки, производство ея могло бы возстановиться.

Во всѣхъ мелочныхъ лавкахъ въ Астрахани можно найти цѣлыя бочки соленыхъ капорцевъ, которые очень хороши, чрезвычайно дешевы, кажется двѣ копѣйки фунтъ, и составляютъ самую обыкновенную приправу, употребляемую всѣми классами населенія. Продаваемые въ банкахъ, нисколько не лучшаго качества, стòятъ 60 коп. фунтъ, и изъ-за границы ввозится къ намъ болѣе 1.500 пудовъ, на 21.000 руб. Привозятся они въ Астрахань съ Кавказа, гдѣ въ изобиліи растутъ дикими. Въ Крыму ихъ также много, въ особенности въ окрестностяхъ Судака, на сланцевой, нѣсколько солончаковой сухой почвѣ, мало пригодной на какую-нибудь другую культуру. Ихъ стоило бы только собирать какъ собираютъ ягоды и грибы, да и культура капорцевъ не была бы затруднительна. Приготовленіе ихъ болѣе тщательнымъ образомъ въ банкахъ дало бы хорошія выгоды. Употребляемые капорцы суть не распустившіяся цвѣточные почки; но и молодые плоды, имѣющіе видъ огурчиковъ, составляютъ хорошую приправу, въ видѣ пикулей или корнишоновъ.

Совершенно въ такомъ же положеніи какъ капорцы и солодковый корень находится лавръ. Не много странъ въ Европѣ, которыя могли бы доставлять столько лавроваго листа, употребляемаго какъ кухонная приправа, и лавровыхъ ягодъ, изъ которыхъ вываривается зеленаго цвѣта масло, употребительное въ аптекахъ, какъ южная часть Закавказья, гдѣ цѣлые лавровые лѣса. Между тѣмъ къ намъ ввозится до 8.000 пудовъ этихъ предметовъ на сумму 6.400 руб., тогда какъ мы могли бы

ихъ вывозить. Пошлина на эти предметы, почитаемые вѣроятно не могущими производиться въ Россіи, самая ничтожная: за капорцы по $7\frac{1}{2}\%$, а для лавроваго листа $12\frac{1}{2}\%$ съ цѣны. Клещевина, дающая столь употребительное въ медицинѣ клещевинное или касторовое масло, могла бы также составлять выгодный предметъ культуры въ различныхъ мѣстностяхъ Закавказья.

Болѣе важный предметъ производства составлялъ бы миндаль, котораго ввозится въ Россію до 100.000 пудовъ, на сумму слишкомъ въ 800.000 руб., и это должно полагать только битаго миндаля; тонкокожіе же миндальные орѣхи, т.-е. миндаль тонкокожій, помѣщается, вѣроятно, въ таможенныхъ отчетахъ подъ общою рубрикой разныхъ орѣховъ; наконецъ надо прибавить еще миндальное масло, такъ что можетъ быть миндаля и продуктовъ его ввозится приблизительно на миллионъ рублей. Миндаль, какъ и оливка, отлично растетъ на южномъ берегу Крыма, и даже и въ другихъ теплыхъ мѣстахъ полуострова, но и тутъ, по дороговизнѣ земли и ея обработки, удѣляютъ ему лишь худшія, неполивныя мѣста и сажаютъ въ небольшомъ количествѣ; сбыта же ему нѣтъ никакого. За твердокожій миндаль, изъ четырехъ пудовъ котораго выходитъ пудъ битаго, не даютъ и 80 копѣекъ, да большею частью и вовсе не берутъ его. Причина заключается вѣроятно въ томъ, что количество его слишкомъ не велико, чтобы купцамъ стоило обращать вниманіе на этотъ продуктъ. Въ послѣдніе два года получилъ сбытъ незрѣлый миндаль въ зеленой оболочкѣ на кондитерскую фабрику, заведенную въ большихъ размѣрахъ извѣстнымъ московскимъ кондитеромъ г. Абрикосовымъ въ Симферополѣ, съ цѣлью

замѣнить отечественными продуктами иностранные, получаемые преимущественно изъ Франціи. Въ число тѣхъ растений, къ разведенію которыхъ я предлагаю принять мѣры въ Ленкорани, слѣдовало бы включить вмѣстѣ съ оливками и миндаль.

Въ Ландскомъ департаментѣ Франціи, представлявшемъ еще не такъ давно самую бѣдную мѣстность, песчаная дюна и лагуны которой почитались негодными ни для какой культуры, были разведены обширныя насажденія, растущей всего удачнѣе на приморскихъ пескахъ, сосны *Pinus pinaster* или *Pinus maritima*, которая даетъ въ изобиліи отличный сортъ смолы, и это сдѣлалось статьей дохода для цѣлаго края. Приморская сосна растетъ отлично на Южномъ берегу, и вѣроятно будетъ расти и въ другихъ приморскихъ мѣстахъ Крима съ песчаною почвой. Обширныя приморскіе пески существуютъ вкругъ Феодосійскаго залива и въ окрестностяхъ Евпаторіи. Около Феодосіи съ успѣхомъ занимаются теперь разведеніемъ лѣса на оголенныхъ горахъ. Къ этимъ опытамъ облѣсенія можно бы присоединить и засажденіе упомянутою сосной приморскихъ песковъ. По берегамъ Чернаго Моря есть еще обширныя песчаная прибрежья, какъ косы Кинбурнская и Тендра. Можетъ-быть климатъ ихъ былъ бы слишкомъ суровъ для сосны приморской, — въ такомъ случаѣ можно бы замѣнить ее нѣкоторыми болѣе выносливыми американскими породами, тоже въ изобиліи дающими смолу, какъ ,напримѣръ, *Pinus rubra* или *resinosa*.

Послѣ этихъ примѣровъ крупныхъ и мелкихъ культуръ, введеніе которыхъ было бы желательно, упомяну о существующихъ уже отрасляхъ промышленности, раз-

витіе которыхъ очень возможно въ Россіи въ широкихъ размѣрахъ. Шелководство было нѣкогда довольно значительно на Кавказѣ, особенно въ Нухинскомъ уѣздѣ, гдѣ въ послѣднее время, повидимому, упало. Зависѣло ли это отъ болѣзни, постигшей шелковичныхъ червей, или отъ другой какой причины, мнѣ не извѣстно. Культура тутовыхъ деревъ и разведеніе шелковичныхъ червей, безъ сомнѣнія, могли бы быть водворены въ Крыму, что имѣло бы еще и ту выгоду, что тутовое дерево есть одно изъ тѣхъ, которыя отлично выносятъ сухость почвы и воздуха, и слѣдовательно весьма пригодно для облѣсенія степныхъ мѣстностей и каменистой тощей почвы. Опытъ показываетъ, что шелководство не представляетъ большихъ выгодъ для крупнаго хозяйства; въ Крыму же это справедливо болѣе чѣмъ гдѣ-нибудь, потому что при татарскомъ населеніи, здѣсь совершенно нѣтъ женскаго и дѣтскаго труда, который преимущественно для этого нуженъ. Шелководство есть обыкновенно промыслъ кустарный, принадлежность крестьянскихъ семействъ, могущихъ достать себѣ чрезъ него нѣсколько лишнихъ десятковъ рублей дохода въ годъ, пользуясь трудомъ дѣвушекъ, не занятыхъ хозяйственными работами, и дѣтей средняго возраста. Такъ, на примѣръ, большое количество шелка, доставляемое персидскою провинціей Гилянъ, именно такого происхожденія. Средства для водворенія этой промышленности въ Крыму, а затѣмъ и въ другихъ Новороссійскихъ губерніяхъ, на Дону, на Кубани, должны бы, по моему мнѣнію, заключаться въ слѣдующемъ: включить шелководство въ число предметовъ, преподающихся въ Никитскомъ училищѣ садоводства и винодѣлія, заведя при этомъ питомники бѣлой шелковицы.

При практическихъ работахъ выводки червей, кормленія ихъ, замариванія коконовъ, должны бы допускаться изъ мѣстныхъ жителей желающіе ознакомиться съ этими приемами. Молодые тутовые саженцы, на первое время, могли бы раздаваться даромъ. При этомъ надо бы назначить денежныя преміи тѣмъ, которые представятъ извѣстное количество коконовъ, которые, — и это, по моему мнѣнію, главное условіе успѣха, — должны скупаться хорошею цѣной на спеціально отпускаемую для сего правительствомъ сумму. Убытка это не составило бы, потому что садъ могъ бы безъ убытка перепродавать собранные имъ коконы въ Москву. Необходимо только, чтобы сбытъ на первое время, пока промышленность не станетъ твердо на свои ноги, былъ совершенно обезпеченъ. Въ началѣ всякой промышленности затрудненія въ сбытѣ составляютъ главное препятствіе къ ея развитію. Количество продуктовъ еще слишкомъ ничтожно, покупщики не станутъ хлопотать изъ-за такой мелочи, а производителямъ невозможно отыскивать покупателей. Для начала этого было бы достаточно; впоследствии, съ увеличеніемъ количества получаемыхъ коконовъ, для усиленія доходности промысла понадобилось бы открыть мотальное заведеніе. Можно надѣяться, что съ водвореніемъ шелководства въ одномъ мѣстѣ, примѣръ подѣйствуетъ и на другія. Сдѣланное въ Крыму могутъ повторить хозяйственныя управленія Донскаго, Кубанскаго и Терскаго войскъ и земства южныхъ губерній.

Другая отрасль промышленности, способная получить значительную степень развитія и не только замѣститъ

собою иностранные продукты, но доставлять предметы для вывоза, это — близко знакомое мнѣ винодѣліе.

Нельзя сказать, какъ о шелководствѣ, чтобы винодѣліе находилось у насъ еще въ періодѣ возникновенія или младенчества. Подъ виноградниками занято у насъ болѣе 100.000 десятинъ и выдѣлывается до 15.000.000 ведеръ вина. Но если и эта промышленность развивается слабо, то опять-таки причины этого должно искать не въ иномъ чемъ, какъ въ условіяхъ сбыта. Именно, дѣло состоитъ въ томъ, что вино русскаго производства покупается виноторговцами не для продажи его потребителямъ какъ таковое, а для передѣлки его и для поддѣлки для продажи подъ именемъ иностраннаго. Это легко доказать цифрами. Кромѣ бутылочнаго (т.-е. шампанскаго и лучшихъ винъ другихъ сортовъ) ввозится въ Россію съ небольшимъ 1.500,000 ведеръ, скажемъ около 25.000,000 бутылокъ иностраннаго вина. Съ одной стороны, возможно ли, чтобъ этого количества хватило на всю Россію, а съ другой — много ли можно встрѣтить (кромѣ немногихъ погребовъ князя Воронцова) вина, продаваемаго за русское? Куда же дѣвается изъ 15 милл. ведеръ добываемаго вина весь остатокъ, остающійся отъ мѣстнаго употребленія, которое значительно только въ Закавказьѣ? Изъ окрестностей Кизляра и вообще съ низовьевъ Терека отправляютъ въ Россію ежегодно болѣе милліона ведеръ. Вино это можно прослѣдить до Нижегородской ярмарки, куда его доставляется десятки тысячъ бочекъ, которыя и покупаются купцами разныхъ городовъ, преимущественно же Москвы, и затѣмъ все это количество вина, всего въ полтора раза только уступающее ввозимому изъ-за границы, исче-

заетъ; ибо часто ли кому случалось въ нашихъ столицахъ, губернскихъ и уѣздныхъ городахъ, купить бутылку Кизлярскаго вина? Въ такую же пропасть проваливаются безслѣдно и Бессарабскія, и Судацкія, и вообще Крымскія вина. Но если бѣльшая часть этого исчезнувшаго вина появляется на свѣтъ Божій подъ именемъ медоковъ, сотерновъ и т. п., то какая же нужда купцамъ платить за него хорошія цѣны? Чѣмъ дешевле обходится матеріаль, предназначенный для такого превращенія, тѣмъ вѣдь для нихъ лучше. Какими глазами смотрятъ на покупаемое ими вино крупные оптовые торговцы — отлично характеризуетъ слѣдующій разговоръ. Въ бытность мою въ Москвѣ, я обратился къ одному знакомому мнѣ купцу, имѣвшему знакомство между оптовыми торговцами, съ просьбой рекомендовать которому-либо изъ нихъ мое Южнобережное Крымское вино, образцы котораго были со мною. Мы вошли въ лавку и обратились къ хозяину. Увидя бутылки, которыя мы хотѣли ему показать, онъ на первыхъ же словахъ насъ остановилъ: «Позвольте-съ, какая цѣна вашему вину?». — «Да вы попробуйте прежде чѣмъ спрашивать цѣну? — «Нѣтъ-съ, позвольте прежде узнать цѣну». — «Пять рублей, съ доставкой въ Москву, вино хорошее». — «Очень можетъ быть-съ, только не трудитесь раскупоривать. Намъ-съ въ два рубля восемь гривенъ съ доставкой, другаго не требуется». На этомъ и окончилась наша торговля.

Изо всѣхъ русскихъ винъ безспорно самое лучшее Крымское, и въ особенности Южнобережное. Есть, конечно, на Кавказѣ отличныя кахетинскія вина, но они мало подходятъ ко вкусу русскихъ покупателей и рас-

ходятся на мѣстѣ, а находящіяся въ продажѣ внутри Россіи не хороши. Собственно выдѣлка вина на Южномъ Берегу оставляетъ очень мало желать, она точно такая же какъ и хорошихъ иностранныхъ винъ, конечно, за исключеніемъ самыхъ тонкихъ сортовъ, для которыхъ даже ягоды отбираются и сортируются поштучно. Виноградъ всегда собирается спѣлымъ, ягоды раздавливаются на теркахъ и потомъ прессуются на хорошихъ прессахъ, посуда всегда чистая, дубовая и лучшаго качества. Бочки налиты до полна. Если красное вино слишкомъ долго держится на раздавленныхъ ягодахъ — одно въ чемъ можно упрекнуть крымскихъ винодѣловъ — то опять-таки это дѣлается по требованію покупателей, желающихъ имѣть вино темное и терпкое. Но затѣмъ вино должно быть выдерживаемо. Какая же возможность большинству садовладѣльцевъ дѣлать это, имѣя, во-первыхъ, нужду въ деньгахъ для обработки виноградниковъ и для прожитка, а во-вторыхъ, зная напередъ, что это ни къ чему не послужитъ, что и за выдержанное вино, въ которомъ покупатель видитъ лишь матеріалъ для фабрикаціи мнимо-иностраннаго вина, ему не дадутъ дороже, чѣмъ зимой перваго же года?

Кромѣ условій сбыта, или, точнѣе, въ связи съ этими условіями, есть еще другое обстоятельство существенно важное для улучшенія качества нашего вина. Если винодѣлу невозможно заниматься выдержкой вина, то еще менѣе возможно для него производить то слабреніе вина, приведеніемъ его въ согласіе со вкусомъ потребителей, то уравненіе качествъ урожаевъ отдѣльныхъ годовъ, которое достигается смѣшиваніемъ винъ различнаго происхожденія и различныхъ годовъ и которое не

имѣть ничего общаго съ фальсификаціей, но составляетъ особую отрасль винодѣлія, трудъ кависта. Для отдѣльнаго винодѣла онъ уже невозможенъ, потому что въ рукахъ его нѣтъ необходимаго для сего матеріала—винъ разныхъ годовъ и разныхъ происхожденій. Для этого необходимо особое торговое заведеніе, скупающее вина въ большомъ количествѣ, а слѣдовательно и это принадлежитъ къ условіямъ сбыта. Во Франціи, за исключеніемъ самыхъ значительныхъ виноградниковъ, это иначе и не дѣлается. Всякая помощь, оказанная правительствомъ возникновенію такого виннаго склада путемъ ли компаніи, или инымъ образомъ, была бы большою услугой винодѣлію, а начать это дѣло необходимо именно съ Крыма, такъ какъ Крымъ производитъ лучшія изъ русскихъ винъ, имѣющихъ наиболѣе шансовъ найти себѣ потребителей. Былъ бы сбытъ обезпеченъ, и скоро 5,000 десятинъ, занятыхъ виноградниками въ Крыму, удвоились бы и утроились. За Крымомъ послѣдуютъ и другія мѣстности по пути усиленія и улучшенія винодѣлія.

Я уже сказалъ, что не имѣю претензіи перечислять всѣхъ отраслей промышленности, которыя могли бы быть введены вновь или расширены и улучшены въ Россіи, для замѣны внутренними произведеніями иностранныхъ, а частію, можетъ быть, и для усиленія количества и увеличенія разнообразія нашего отпуска. Если я приводилъ довольно многочисленные примѣры, въ особенности два послѣдніе: шелководства и винодѣлія, то собственно съ цѣлью доказать мою мысль, что почти единственный способъ содѣйствовать введенію и развитію разныхъ отраслей промышленности заключается въ доставленіи про-

дуктамъ ихъ обезпеченнаго сбыта и въ измѣненіи условій этого сбыта, когда они невыгодно дѣйствуютъ на условія производства и качества продуктовъ. Мысль эта кажется мнѣ столь существенно важною, что я приведу еще нѣсколько поразительныхъ примѣровъ для ея доказательства изъ отрасли промышленности, тоже близко мнѣ извѣстной.

Осенью проходитъ ежегодно довольно значительное количество особой породы сельдей Керченскимъ проливомъ изъ Азовскаго моря въ Черное; ихъ налавливаютъ до 5, а въ хорошіе годы до 10 милліоновъ штукъ. Въ это время года она жирна, вкусна, но солится безъ вниманія внутренностей и самымъ грубымъ, первобытнымъ способомъ. Князь Воронцовъ, такъ много заботившійся о промышленномъ развитіи управлявшейся имъ Новороссіи, обратилъ свое вниманіе и на эту Керченскую сельдь. Но, какъ обыкновенно, за причину дурнаго приготовленія сельдей было принято невѣжество, незнаніе, неумѣніе—этотъ общій припѣвъ ко всему, въ особенности, когда дѣло идетъ объ отсталости у насъ какой-либо отрасли промышленности. Между тѣмъ, страннымъ образомъ, требующее несравненно бѣльшаго искусства, чѣмъ соленіе сельдей, приготовленіе икры и въ особенности балыковъ даетъ у насъ продукты самаго высшаго качества безъ всякаго посторонняго обученія. Полагалось, какъ и теперь полагается, что стоитъ лишь обучить—и у насъ заведутся свои лучшаго качества сельди. Керченскія сельди были приняты за крупныя сардинки, ловимыя въ изобиліи у юго-западныхъ береговъ Англіи и извѣстныя подъ именемъ пильчардовъ, которыя не заливаются масломъ, а солятся такъ же какъ обыкновенныя

сельди. Были поэтому выписаны рыбаки и солельщики изъ Корваллиса, а потомъ изъ Мальты. Въ практическомъ отношеніи эта ошибка въ опредѣленіи породы рыбы не имѣла собственно никакого значенія, и еслибы въ Керчи водворилось приготовленіе сельдей на манеръ пильчардовъ, получился бы продуктъ отличнаго качества. Но дѣло въ томъ, что оно не водворилось. Въ Керчи есть и теперь, или были по крайней мѣрѣ недавно, старики, умѣвшіе приготовить боченокъ-другой превосходныхъ сельдей для собственнаго употребленія, для выставокъ или поднесенія подарка. Мало того, такъ какъ эта самая сельдь весной ловится въ большомъ количествѣ и въ Дону, то были вытребованы съ Дона рыбаки для обученія посолу сельдей. Послѣ этого въ теченіе многихъ лѣтъ въ отчетахъ о Донскомъ рыболовствѣ помѣщалась рубрика: «Улучшеннымъ способомъ приготовлено столько-то десятковъ и даже сотенъ тысячъ сельдей». Количество это, впрочемъ, уменьшалось съ году на годъ, а теперь и въ Керчи, и на Дону самая память объ этомъ улучшенномъ приготовленіи сельдей исчезла, и сельди продолжаютъ солиться все прежнимъ образомъ. Причина этого совершенно понятна. Ловлей сельдей занимаются люди небогатые, мелкіе купцы, мѣщане, чиновники, отставные офицеры; они ожидаютъ появленія сельдей въ проливѣ какъ манны небесной, доставляющей средства къ жизни на цѣлый годъ, заводятъ и чинятъ не дешево стоящіе невода, нанимаютъ артели рабочихъ на послѣднія деньги или большею частію въ долгъ. Пойманныя сельди кладутъ въ обширные лари, тутъ же на берегу стоящіе, пересыпаютъ солью и даютъ пролежать 12 дней, почитаемые необходимымъ срокомъ

для того, чтобы соль сколько-нибудь въ нихъ проникла. Между тѣмъ, фуры изъ разныхъ мѣстностей Новороссіи и Малороссіи ждутъ уже съ нетерпѣніемъ времени, когда сельди будутъ, что называется, готовы, дабы вынуть изъ ларей и нагрузить на фуры; да и хозяева ждутъ не дождутся, чтобъ опростать лари для наполненія ихъ сельдями новыхъ улововъ. Задержки ни малѣйшей; деньги отдаются сейчасъ, и хозяевамъ есть чѣмъ расплатиться съ рабочими, есть на что жить до будущей осени. Когда же тутъ вычищать сельдей, солить ихъ предварительно, хоть въ тѣхъ же ларяхъ, заготовлять хорошіе дубовые боченки, перекладывать ихъ тщательно и плотно изъ ларей въ эти боченки, пересыпать новою солью, и все это покупать, и платить за лишнюю работу, а затѣмъ держать нѣсколько мѣсяцевъ, а то такъ и годъ, эти боченки въ хорошихъ помѣщеніяхъ, которыя надо устроить или нанять, и въ концѣ концовъ не знать, куда дѣваться съ этими сельдями, куда и кому ихъ продать? Очевидное дѣло, что и тутъ, точно также какъ и для вина, нужно, чтобъ явился человѣкъ капитальный, или образовалась компанія, которая скупала бы сельди хорошею цѣной, никакъ не дешевле того, что даютъ приѣзжающіе съ фурами покупатели, употребила бы довольно значительный капиталъ на устройство погребовъ, на покупку бочекъ, открыла бы себѣ путь сбыта въ столицы и большіе города, гдѣ есть взыскательные потребители, могущіе цѣнить качество товара, словомъ, какъ и для всего, нужно двѣ вещи: обезпеченный сбытъ и раздѣленіе труда. Такъ и идетъ, на примѣръ, приготовленіе хорошихъ икры, клея, балыка и другой рыбы въ Астрахани. Для этого существуютъ особыя заведенія и особыя мастера.

Другой примѣръ возьму также относительно сельдей, только на противоположномъ концѣ Россіи. Въ Канда-лакской губѣ Бѣлаго Моря ловятся уже настоящія сельди, той же породы, какъ и извѣстныя подъ именемъ голландскихъ. Ловится ихъ милліоновъ до 20 въ хорошій годъ, количество, съ избыткомъ достаточное для потребностей Россіи въ сельдяхъ лучшаго качества. И солить ихъ умѣютъ, доказательствомъ чему служитъ Соловецкій монастырь, который приготовляетъ для себя и для разсылки нѣкотораго количества въ подарокъ разнымъ лицамъ до 8,000 пудовъ сельдей, хотя и нѣсколько иначе приготовленныхъ чѣмъ голландскія, но все-таки очень хорошихъ. Тутъ и компанія была, бывшая Бѣломорская, взявшаяся было, между прочимъ, и за снабженіе Россіи голландскими сельдями внутренняго приготовленія. Мастера были выписаны, и все необходимое устроено, но приготовляли они какихъ-нибудь три, четыре тысячи пудовъ очень хорошихъ, впрочемъ, сельдей. Однако и это дѣло не пошло, еще раньше, чѣмъ компанія лопнула. Желали получить большіе барыши, платили рыбакамъ недостаточное вознагражденіе, именно копѣекъ 15—20 за сотню сельдей непременно самаго свѣжаго улова, т.-е. прошедшей ночи, безъ чего соленыя сельди никогда не могутъ быть хороши. Рыбаки не стали продавать, предпочитая солить сами и по своему, и поступали весьма основательно. Соленіе ихъ состоитъ въ слѣдующемъ. Въ деревянный еловый боченокъ (еле-еле удерживающій разсолъ), въ которомъ помѣщается приблизительно около 100 штукъ, бросаютъ сельди безо всякаго порядка, какъ сами лягутъ, и пересыпаютъ сколь можно меньшимъ количествомъ соли. О вычисткѣ вну-

тренностей и жабръ конечно и не думаютъ. На мой вопросъ, почему не вычищаютъ сельдей, когда это такъ не трудно, я получилъ совершенно правильный отвѣтъ: «и, батюшка, Устюжане и съ кишечкой съѣдятъ!» И въ самомъ дѣлѣ, осенью съѣзжаются прибрежные жители Кандалакскаго залива, какъ и всѣ прочіе тамошніе рыболовы, въ Архангельскъ, и продаютъ свои боченки-сельдянки обыкновенно по 45 к. вмѣсто 15 или 20. Конечно боченки и соль чего-нибудь да стоятъ, но уже никакъ не болѣе 10 к.; слѣдовательно рыболовъ выгадываетъ по крайней мѣрѣ 50% противъ цѣны, которую давала компанія. Да для Устюжанъ идутъ безъ разбора всякія сельди, а не тѣ только, которыя наловлены въ ночь предъ соленіемъ. Въ Архангельскъ же ѣхать и безъ того нужно: тамъ запасаются всѣмъ необходимымъ, а поѣздка на своихъ судахъ ничего не стбитъ.

Вотъ примѣръ еще болѣе рѣзкій. Тутъ условія сбыта прямо и непосредственно заставляютъ готовить дурной продуктъ вмѣсто хорошаго. Печорская семга, по своей величинѣ и качествамъ въ свѣжемъ видѣ, лучшая на всемъ сѣверѣ; но въ соленомъ видѣ она худшая, и ни въ Петербургѣ, ни въ Москвѣ ея не знаютъ, она вся идетъ въ Сибирь, гдѣ въ рѣкахъ семги нѣтъ. Къ осени приходятъ на Печору изъ Чердынскаго уѣзда каюки или барки, привозящія муку, соль и прочіе предметы, необходимые для печорскихъ жителей, и берутъ у нихъ рыбу, въ томъ числѣ и семгу. Ее солятъ въ большихъ обрѣзахъ, она пускаетъ изъ себя рассоль. Покупщики берутъ конечно сухую рыбу, т.-е. безъ рассола, и на качество ея не обращаютъ никакого вниманія: хорошо ли она посолена или, какъ тутъ говорятъ, съ киселью —

это имъ все равно, цѣна одинакова: вѣдь и Сибиряки, какъ Устюжане, вѣроятно, все съѣдятъ. Какой же интересъ ловцу хорошо готовить семгу и класть достаточное количество соли? За большее количество ея надо заплатить больше денегъ тому же Чердынцу, да при сильнѣйшемъ посолѣ рыба уменьшается въ вѣсѣ, изъ нея вытягивается солью больше влажности и увеличивается количество разсола. Между тѣмъ приготовить хорошую семгу не стбитъ большаго труда и не требуется особеннаго искусства; для этого надо только положить побольше соли и втереть ее нѣсколько разъ какъ снаружи въ чешую и жабры, такъ и внутрь тѣла. Такъ и дѣлаютъ такіе же мужики, какъ и печорскіе, на рѣкѣ Онегѣ, доставляющей лучшій сортъ семги. Дальность Печоры также не составила бы препятствія для доставленія оттуда лучшаго качества семги; на оленяхъ зимой ее легко было бы доставить на Пинежскую ярмарку.

Заговоривъ о рыбѣ, и притомъ сѣверной, я считаю нужнымъ замѣтить, что мнѣніе о необъятномъ рыбномъ богатствѣ нашихъ сѣверныхъ рѣкъ неосновательно. Считать очень рыбными Двину, Печору и даже Обь могутъ только тѣ, которые незнакомы съ дѣйствительно рыбными рѣками—Волгой, Ураломъ, Курой, Кубанью. Вообще, очень рыбными рѣками могутъ быть только тѣ, которыя впадаютъ въ большія прѣсноводныя озера или слабо соленыя моря (при прочихъ благопріятныхъ условіяхъ, конечно), ибо въ эти рѣки тѣснится въ извѣстныя времена года рыба съ огромнаго пространства и изъ ширины морского простора собирается въ сравнительно узкую трубу рѣки; въ соленыхъ же моряхъ живутъ породы рыбъ, неидущія на прѣсную воду, или та-

кихъ во всякомъ случаѣ немного. Но если наши сѣверныя рѣки и не такъ богаты, какъ многіе думаютъ, въ нихъ живутъ за то очень цѣнныя сигаовыя породы: пелядь, чирь и въ особенности омуль, которые въ соленомъ видѣ представляютъ довольно плохаго качества продуктъ. Между тѣмъ, сиги эти, хорошо копченые, могли бы соперничать со знаменитыми петербургскими копчеными ситами, и доставка ихъ въ зимнее время не была бы затруднительна. Съ нѣкотораго времени, лѣтъ уже около пятнадцати, производится изъ тамошней дешевой дичи низшихъ сортовъ великолѣпный бульонъ, извѣстный подъ названіемъ Клячковскаго, по имени приготовителя его, далеко превосходящій обыкновенный крѣпкій бульонъ. При нѣкоторомъ содѣйствіи г. Клячковскому, уже показавшему на дѣлѣ свое умѣнье, онъ могъ бы расширить свою дѣятельность и заняться улучшеннымъ приготовленіемъ сѣверныхъ, въ особенности печорскихъ рыбъ — семги и сигаовъ.

Но главное, въ чемъ нуждается крайній сѣверъ, что болѣе всего можетъ содѣйствовать доступному для него промышленному развитію, это — усиленіе оленеводства, и это относится не только къ сѣверу Архангельской губерніи, но и къ Сибири. Проведеніе путей сообщенія, дорогъ не только желѣзныхъ, шоссейныхъ, но и простыхъ грунтовыхъ, тамъ немыслимо, — и сообщеніе можетъ происходить только при посредствѣ оленей, которыми никакихъ дорогъ зимой не нужно. Все, что покрыто снѣгомъ, для нихъ торная дорога. А сообщенія, какъ извѣстно, суть первое основное условіе всякаго промышленнаго развитія, ибо ими обусловливается торговля. Кромѣ того, олени составляютъ капиталъ, дающій боль-

шіе доходы, капиталъ съ быстрымъ оборотомъ, такъ какъ ежегодно четвертая часть оленей убивается, а олень даетъ: ничѣмъ незамѣнимыя для сѣвера шубы, теплыя, мягкія и удобныя, такъ-называемыя малицы и совики, и такую же теплую обувь;—замшу, для которой, при рѣдкости другихъ видовъ оленей, составляющихъ лишь дичь добываемою охотой, они суть единственный источникъ;—шерсть для набивки матрацевъ, уступающую только конскому волосу, но превосходящую всѣ другіе употребляемые для этого матеріалы;—превосходное мясо, которое уже начало появляться зимой и въ Петербургѣ и которое гораздо вкуснѣе говядины. Оленьи языки, свѣжіе, соленые и копченые, вкусомъ и нѣжностью оставляютъ далеко за собою языки всѣхъ другихъ съдобныхъ животныхъ, и если только ихъ ближе узнаютъ—они могутъ, безъ сомнѣнія, составить предметъ вывоза. Изъ роговъ оленьихъ можетъ приготовляться употребляемое въ аптекахъ животное масло, для котораго опять-таки нашъ сѣверный олень можетъ доставить самый изобильный источникъ.

Для развитія оленеводства надо лишь устранить нѣкоторыя препятствія, потому что охота къ нему у всѣхъ сѣверныхъ жителей, какъ Русскихъ, такъ и инородцевъ, большая. Для молодого человѣка, крестьянина или мѣщанина восточной части Архангельской губерніи пасти оленье стадо, жить въ оленяхъ, какъ они выражаются, составляетъ верхъ желаній, идеалъ человѣческаго благополучія.

Не знаю, осуществилась ли, но объ этомъ писалось и печаталось, какъ о полезномъ открытіи и промышленномъ прогрессѣ,—мысль гнать вино изъ оленьяго моха.

Это была бы промышленность истинно варварская, которую слѣдовало бы запретить самымъ строгимъ образомъ. Гнать вино можно изъ множества веществъ: хлѣба, картофеля, остатковъ отъ сахарнаго производства и винодѣлія, изъ веществъ, количество которыхъ человекъ можетъ увеличивать по своему произволу. Но олений мохъ (*Cetraria gangiferina*) и нѣкоторые другіе сухіе мхи или лишайники культурѣ не поддаются и, разъ уничтоженные, возобновляются очень медленно. А мохъ безусловно необходимая для сѣвернаго оленя пища; уничтожить или уменьшить количество этого мха значитъ умножить или уменьшить сѣверное оленеводство, а это значитъ уничтожить или уменьшить не только богатство крайняго сѣвера, но и самую его обитаемость.

Другое препятствіе къ развитію оленеводства—препятствіе, по крайней мѣрѣ, не намѣренно производимое человекомъ,—составляютъ эпидеміи, которымъ подвержены олени. Устраненіе этого зла было бы величайшимъ благодѣяніемъ для сѣвера. Необходимо бы послать хорошихъ ветеринаровъ для изслѣдованія этихъ болѣзней, для изысканія средствъ предупредить и излѣчивать ихъ.

Въ послѣднее время, благодаря начинанію нѣсколькихъ энергическихъ людей и содѣйствію правительства, въ Россіи, особенно на сѣверѣ, развилось сыровареніе и приготовленіе хорошаго масла. Въ нѣкоторыхъ губерніяхъ это составило уже одну изъ главныхъ статей помѣщичьяго и крестьянскаго дохода, и русскіе сыры пошли даже за-границу; русскій чеддеръ сталъ отправляться въ самую Англію. Но по всѣмъ отчетамъ о результатахъ этой промышленности, да и по собственному опыту, я могу утверждать, что хорошими оказываются только

сыры голландскіе и честеръ; самый же употребительный сортъ сыра, называемый у насъ швейцарскимъ, а въ самой Швейцаріи по имени одной долины, гдѣ преимущественно его дѣлаютъ—грюерскимъ (*fromage de Gruyère*) не только далеко уступаетъ своему первообразу, но и вообще довольно плохого качества. Такъ какъ приготовленію его не труднѣе подражать, чѣмъ приготовленію всякаго другого сорта, то причину этого, кажется мнѣ, должно искать въ томъ, что голландскій сыръ и честеръ готовятся и у насъ, и въ ихъ отечествѣ, изъ молока коровъ, пасущихся на низменныхъ пастбищахъ и лугахъ, тогда какъ сыръ швейцарскій получается отъ молока коровъ, пасущихся высоко на горныхъ пастбищахъ, гдѣ трава обладаетъ совершенно иными свойствами. Но горъ у насъ больше, чѣмъ въ самой Швейцаріи. Наши горы Кавказскаго хребта и Закавказья имѣютъ къ тому-же то естественное преимущество предъ Швейцарскими, что, по болѣе южному ихъ положенію, скотъ можетъ пастись на горныхъ пастбищахъ въ теченіе болѣе долгаго времени. Не слѣдовало ли бы поэтому учредить въ Кавказскихъ горахъ опытную ферму въ значительныхъ размѣрахъ и завести въ ней сырное хозяйство по образцу швейцарскаго, выписавъ для этого тѣ самыя породы коровъ, изъ молока которыхъ дѣлаютъ тамошній знаменитый сыръ? Подражатели вѣроятно нашлись бы, ибо и теперь уже, какъ я читалъ, на Кавказѣ готовятъ сыры, которые даже отправляются и за-границу, но все болѣе честеръ, а не швейцарскій сыръ. Сыръ же статья не совсѣмъ маловажная, такъ какъ къ намъ привозится его изъ-за границы болѣе чѣмъ на миллионъ рублей.

Выше я предложилъ введеніе въ Россіи двухъ новыхъ культуръ изъ царства растительнаго: масличнаго дерева и индигоносныхъ растений; есть и двѣ группы животныхъ, акклиматизація и прирученіе которыхъ вѣроятно возможно и обѣщало бы выгоды.

Одну изъ этихъ группъ составляютъ животныя, давно уже прирученныя, но могущія жить только при спеціальныхъ условіяхъ—на высокихъ горахъ. Я разумѣю породы ламъ, именно тѣ, которыя даютъ отличнаго качества шерсть: вигонь и альпака. Весьма вѣроятно, что онѣ могли бы жить на высокихъ Кавказскихъ горахъ и на Араратѣ. Другое животное, которое еще слѣдуетъ приручить, есть наша великолѣпная степная дрофа. Птица эта легко приручается; я видѣлъ въ гостиницѣ въ Аккерманѣ одну дрофу, которая ходила по двору, подходила къ незнакомому человѣку, клевала изъ рукъ и была гораздо ручнѣ всякой другой домашней птицы. Конечно еще вопросъ, стала ли бы она нести въ домашнемъ быту, или, лучше сказать, много ли нужно времени и поколѣній, чтобы достигнуть этихъ результатовъ. Видя дрофу, невольно удивляешься, какъ до сихъ поръ она не попала въ число домашнихъ птицъ. Но, послѣ сдѣланныхъ въ глубокой древности изумительныхъ успѣховъ въ прирученіи животныхъ, дѣятельность человѣка въ болѣе цивилизованный періодъ его исторіи совершенно останавливается въ этомъ отношеніи, за исключеніемъ развѣ только-что начинающагося прирученія страусовъ въ Южной Африкѣ. Послѣднимъ пріобрѣтеніемъ человѣка была индѣйка; но не должно думать, чтобъ и это было достигнуто Европейцами, послѣ открытія Америки. Индѣйка была уже одомашнена Мек-

сиканцами, а въ Европу только ввезена. Но дрофа конечно не уступитъ своими качествами индѣйкѣ, величиной же много ее превосходить. Въ домашнемъ состояніи, хорошо откормленная, она легко достигнетъ полуторапудоваго вѣса; качество мяса также, безъ сомнѣнія, сдѣлается нѣжнѣе. Затѣмъ, копченая дрофа даетъ самые вкусные полотки или птичью ветчину, которую можно ѣсть, не опасаясь трихинъ.

У насъ есть Общество Акклиматизаціи, но его средства бѣдны, и садъ, который оно имѣетъ въ Москвѣ, есть скорѣе садъ зоологическій, нежели акклиматизаціонный. Такому городу, какъ Москва, конечно прилично имѣть зоологическій садъ, но расходы на его содержаніе долженъ бы нести городъ. Правительство же могло бы увеличивать средства Общества подѣ условіемъ направленія его дѣятельности къ полезнымъ экономическимъ цѣлямъ. При увеличеніи средствъ, Общество могло бы завести отъ себя акклиматизаціонные хутора или фермы въ горахъ на Кавказѣ и въ степныхъ губерніяхъ.

Перечень разныхъ промышленностей и культуръ, которыя требуютъ улучшеній, распространеній, или которыя должны быть введены вновь, можно бы, конечно, еще увеличить, но и приведенныхъ примѣровъ достаточно для моей цѣли.

Въ заключеніе, повторю вкратцѣ ходъ мыслей, развитію которыхъ посвящена эта статья.

1) Невыгодный торговый или, общѣе и точнѣе, расчетный балансъ не только можетъ, но и долженъ имѣть своимъ неизбѣжнымъ послѣдствіемъ пониженіе денежнаго курса или явленія совершенно съ нимъ въ сущности

аналогичныя, даже при обращеніи исключительно звонкой монеты.

2) При невыгодномъ торговомъ балансѣ, внутренняя цѣнность денежной единицы должна стоять выше внѣшней, и это имѣеть своимъ результатомъ невыгодный характеръ международной мѣны, при которомъ за вывозимый товаръ получается на промѣнъ меньше, чѣмъ бы слѣдовало, товара иностраннаго.

3) Безъ этой разницы во внутренней и во внѣшней цѣнѣ денежной единицы не могло бы существовать преміи на вывозъ.

4) Невыгодный расчетный балансъ несомнѣнно существуетъ въ Россіи; излишекъ же денежныхъ знаковъ весьма сомнителенъ, по мнѣнію всѣхъ практиковъ и по явленіямъ денежнаго обращенія, и по соображенію съ количествомъ денежныхъ знаковъ въ другихъ государствахъ.

5) При такихъ обстоятельствахъ, поднятіе курса бумажныхъ денегъ, изъятіемъ части изъ обращенія или другими мѣрами, до исправленія расчетнаго баланса, не только не можетъ привести къ желанной цѣли, но должно еще усилить самое существенное зло низкаго курса, увеличивъ разность между внутреннею и внѣшнею цѣною денежной единицы.

6) Исправить нашъ курсъ можно только исправленіемъ торговаго баланса въ нашу пользу.

7) Слѣдовательно, всѣ мѣры, которыми думаютъ непосредственно возвысить внутреннюю цѣнность денежной единицы, какъ не достигающія цѣли и вредныя, должны быть оставлены.

8) Принятымъ на себя правительствомъ обязатель-

ствамъ, имѣющимъ эту цѣль, лучше дать другое, безспорно полезное назначеніе, всего лучше употребивъ ихъ на постройку нужнѣйшихъ желѣзныхъ дорогъ, каковыми должны почитаться: Сибирская, солевозная и Вятско-Двинская.

9) Еще лучше—строить дороги, въ особенности очень длинныя, безо всякаго обремененія казны, на спеціально съ этою цѣлью выпускаемые кредитные билеты, имѣющіе погаситься доходами съ нихъ, причемъ плата за провозъ можетъ быть, по уплатѣ безпроцентнаго долга, уменьшена приблизительно вдвое противъ обыкновеннаго.

10) Но, дабы пользоваться въ извѣстной мѣрѣ годами безпроцентнаго кредита съ полною безопасностью, необходимо получить не теоретическое только, но практическими опытами доказанное убѣжденіе, что паденіе денежнаго курса зависитъ у насъ единственно отъ невыгодности расчетнаго баланса, и что съ устраненіемъ ея курсъ начнетъ улучшаться.

11) Хотя мы и признаемъ преимущество металлической денежной системы предъ бумажною, но тѣмъ не менѣе полагаемъ, что безпроцентный кредитъ есть великое орудіе въ рукахъ правительства; что существенный недостатокъ бумажныхъ денегъ заключается не въ сущности ихъ, а въ злоупотребленіи ими, главное же въ различіи качества бумажныхъ денегъ, смотря по характеру тѣхъ обезпеченій, подъ которыя онѣ выпускаются.

12) Прямые и скорые средства для исправленія расчетнаго баланса заключаются въ значительномъ возвышеніи тарифа и въ обложеніи нашихъ заграничныхъ паспортовъ. Косвенныя и болѣе медленныя, но за то болѣе прочныя и не зависящія отъ колебаній финансовой политики, заключаются въ содѣйствіи широкою ру-

кой поднятію и развитію внутренней производительности, которая должна доставить отчасти новые предметы для вывоза, главнымъ же образомъ замѣстить собою предметы иностранные; но это недостижимо безъ возвышенія тарифа.

13) Неотложныя государственныя надобности, не удовлетворяемыя существующими доходами, не допускаютъ широкаго и щедраго содѣйствія промышленности и заставляютъ прибѣгать къ внутреннимъ и внѣшнимъ займамъ, которые еще уменьшаютъ бюджетныя средства; внѣшніе займы содѣйствуютъ усиленію невыгодности расчетнаго баланса.

14) Отсюда, наравнѣ съ возвышеніемъ тарифа, является необходимость улучшенія финансовой системы.

15) Улучшеніе это достигается самымъ справедливымъ, самымъ уравнительнымъ и наименѣе отяготительнымъ для народа способомъ, посредствомъ косвенныхъ налоговъ.

16) Изъ числа этихъ налоговъ, казенная монопольная продажа вина обѣщаетъ огромное увеличеніе доходовъ безъ наложенія единой лишней копѣйки на плательщиковъ, уменьшая въ то же время пьянство въ степени большей, чѣмъ какая-либо другая система, и обращая винокуренные заводы снова въ средства улучшенія земледѣлія.

17) Увеличенный тарифъ и другіе косвенные налоги также должны содѣйствовать увеличенію доходовъ.

18) Съ другой стороны, наиболѣе производительная экономія расходовъ заключается въ полученіи правительствомъ необходимыхъ ему, какъ для военныхъ, такъ и для другихъ цѣлей, предметовъ по возможности изъ

первыхъ рукъ, по настоящимъ, а не по подряднымъ и справочнымъ цѣнамъ.

19) Земства могутъ служить орудіями для достиженія этой послѣдней цѣли, что увеличитъ ихъ силу и значеніе, какъ хозяйственныхъ органовъ, и должно дать бóльшій просторъ ихъ дѣятельности.

20) Конечная цѣль хорошаго финансоваго устройства заключается въ полной отмѣнѣ прямыхъ податей и замѣнѣ ихъ косвенными налогами, съ однимъ только исключеніемъ.

21) Это исключеніе составляетъ налогъ на процентныя бумаги, какъ относительно самый справедливый, уравнивательный и наименѣе отяготительный изъ всѣхъ прямыхъ налоговъ, падающій притомъ на самый состоятельный классъ населенія.

22) Получивъ въ свои руки денежныя средства, правительство должно употреблять ихъ (за удовлетвореніемъ неотложныхъ государственныхъ нуждъ, вызываемыхъ особенностями политическаго положенія страны) на прямое содѣйствіе развитію промышленности.

23) Главныя средства для сего суть: а) непосредственный примѣръ, во-очію доказывающій выгоду улучшеній, произведенныхъ по возможности простѣйшими, элементарными приемами; б) обезпеченіе сбыта для молодыхъ отраслей промышленности и измѣненіе характера сбыта для существующихъ уже; в) непосредственное водвореніе новыхъ отраслей промышленности на счетъ и заботами самого правительства, въ тѣхъ преимущественно случаяхъ, когда выгода промысла или культуры можетъ оказаться только чрезъ очень долгій срокъ.

24) Всѣ прочія средства, какъ-то: преміи, выставки, награды и даже самыя школы, или вообще профессиональное обученіе, имѣютъ второстепенное значеніе, ибо гораздо важнѣе доставить дѣлу выгодность, чѣмъ научать какъ его дѣлать. Въ первомъ случаѣ всякій и самъ постарается найти средства научиться, а во второмъ и умѣющіе дѣлать за дѣло не примутся.

Все это: строгую охранительную и покровительственную таможенную систему, выгодный торговый балансъ, дѣятельное вмѣшательство правительства въ промышленную жизнь страны, назовутъ, пожалуй, возвращеніемъ къ меркантилизму. Что-же, упрекъ этотъ меня не испугалъ бы. Меркантилизмъ далъ нѣкогда Франціи возможность выдержать всю расточительность Людовика XIV, и если къ концу его царствованія Франція и была раззорена, то потому только, что всему на свѣтѣ есть мѣра, что расточительности и мотовству не въ состояніи удовлетворить никакое хозяйственное устройство. Но даже и послѣдствія этой расточительности прошли, а насажденія Кольбера до сихъ поръ дѣлаютъ изъ Франціи одну изъ богатѣйшихъ странъ въ мірѣ. И другія государства, когда находились, вслѣдствіе разныхъ событій ихъ жизни, въ дурномъ хозяйственномъ положеніи, прибѣгали въ сущности къ тому же меркантилизму, какъ Американскіе Штаты послѣ войны за освобожденіе негровъ, какъ и Франція послѣ прусскаго погрома, при Тьерѣ. Теорія меркантилизма была не вѣрна въ своей абстрактности, но практически были изъ нея выведены разумныя мѣры. Были и въ меркантилизмѣ крайности, какъ, на примѣръ, стремленіе къ безмѣрному накопленію драгоценныхъ металловъ, предпочтеніе промышленности

мануфактурной предъ земледѣльческой. Но ничего подобнаго мы не совѣтуемъ. Пускай намъ укажутъ примѣръ, гдѣ строго примѣненная правовѣрная экономическая теорія свободной конкуренціи — *laisser faire, laisser passer* — имѣла бы такія же благодѣтельные послѣдствія для какой-либо страны, какъ столь унижаемая меркантильная система при Кольберѣ во Франціи. Укажутъ ли на примѣръ Англіи? Но вѣдь все, что можно сказать, это то, что Англія продолжаетъ экономически благоденствовать и при системѣ свободы торговли и промышленности, послѣ того какъ промышленное и торговое развитіе ея народились, развились и окрѣпли при строгой охранительной системѣ. Какая нужна была теорія, чтобы проповѣдывать свободу торговли, когда Англія уже оставалась безъ серіозныхъ соперниковъ? Когда таковой серіозный противникъ существовалъ въ лицѣ Голландіи, Англія дѣйствовала иначе. Нужна ли была какая-нибудь теорія для отмѣны хлѣбныхъ законовъ, когда выяснилось, что, не смотря на усовершенствованіе земледѣлія, хлѣба не достаетъ для прокормленія народа и что фабричная промышленность стала значительнѣе земледѣльческой? Очевидно, нужно было отчасти пожертвовать второстепеннымъ для развитія главнаго. Формула приверженцевъ Манчестерской системы: покупать дешево и продавать дорого. Въ примѣненіи къ цѣлому, къ государству, эта формула совершенно идетъ къ Англіи, но совершенно не идетъ къ Россіи, у которой нѣтъ достаточно продуктовъ (за удовлетвореніемъ внутреннихъ потребностей), какъ бы дорого ихъ ни продавать, чтобы взамѣнъ получить извнѣ все, что ей нужно, какъ бы дешево ни покупать. Ей очевидно надобно, прода-

вая что́ можетъ, покупать какъ можно меньше, удовлетво-
ряя сколь возможно бѣльшему числу своихъ потребностей
внутреннею производительностью. Девизомъ Россіи должна
быть экономическая независимость и самостоятельность,
тогда какъ девизъ Англіи есть экономическая эксплуата-
ція всѣхъ странъ свѣта. Въ самомъ дѣлѣ, что́ такое
какъ не эксплуатація эта продажа какъ можно дороже,
и эта покупка какъ можно дешевле, когда первое до-
стигается устраненіемъ болѣе слабыхъ соперниковъ кон-
куренціей, а послѣднее постановленіемъ другихъ, напри-
мѣръ, Индіи, Турціи, а въ былое время и Португаліи,
въ экономическую отъ себя зависимость?

ПИТЕЙНОЕ ДѢЛО

КАКЪ ИСТОЧНИКЪ

ПОПРАВЛЕНІЯ НАШИХЪ ФИНАНСОВЪ *).

Болѣе четырехъ лѣтъ уже какъ улучшение нашего питейнаго дѣла составляетъ одну изъ важнѣйшихъ заботъ правительства; нельзя сказать, чтобы и печать оставалась равнодушною къ исходу этой задачи.

Изъ множества корреспонденцій, замѣтокъ, газетныхъ и журнальныхъ статей и даже изъ опубликованныхъ въ *Правительственномъ Вѣстникѣ*, въ октябрѣ 1883 года, **) заключеній губернскихъ и областныхъ комиссій по вопросамъ правительственной программы, видно, что питейный вопросъ представляется въ настоящее время дилеммой: народная нравственность и благосостояніе противопоставляются тѣмъ выгодамъ, которыя получаетъ правительство въ видѣ акциза на вино. Кромѣ того, большинство предлагавшихся мѣръ не связаны общею идеею, а представляютъ только палліативныя или единичныя мѣропріятія, которыя безъ соблюденія другихъ

*) Статья эта написана еще до изданія новыхъ питейныхъ правилъ 14 Мая 1885 г., въ 1884 году и была напечатана въ Русскомъ Вѣстникѣ (1885 г., № 6). *Отъ ред.*

**) *Правительственный Вѣстникъ*, 1883 года, №№ 233—237.

условія, сами по себѣ, въ отдѣльности, не могутъ имѣть того вліянія, какого отъ нихъ можно было бы ожидать.

Поэтому предлагаемыя мѣры изумляютъ своею противорѣчивостью: предлагаются то общественные кабаки, то чайныя лавочки, то казенная продажа вина, то полная свобода торговли виномъ, то уменьшеніе числа кабаковъ до минимальной нормы, которую едва ли и возможно правильно установить, то продажа только на выносъ и въ запечатанной посудѣ изо всякихъ лавокъ (въ родѣ продажи почтовыхъ марокъ), причемъ надзоръ за продажей будетъ немислимъ, то поощреніе организаціи обществъ трезвости и т. д., и т. д.

Для примѣра возьмемъ чаще всего предлагаемую мѣру установленія нормы числа кабаковъ. Эта мѣра стремится къ уменьшенію соблазна и количества потребляемаго вина (важно же не уменьшеніе, а бѣльшая равномерность въ употребленіи вина); но этимъ самымъ она нанесетъ ущербъ доходамъ государства и сельскому хозяйству, а съ другой стороны, одна, сама по себѣ, она не въ состояніи была бы уничтожить пагубнаго дѣйствія дешовки на народъ, такъ какъ она неизбежно вызвала бы усиленіе шинкарства, съ трудомъ обнаруживаемаго и при нынѣшней системѣ; да и кабакъ, хотя онъ будетъ и не на каждомъ перекресткѣ, все же останется притономъ разврата, мѣстомъ мошенническихъ сдѣлокъ, пріютомъ краденыхъ вещей, запродажи хлѣба на корню за дешевую цѣну и полнаго закабаленія бѣднѣющаго крестьянина. *) Наконецъ, едва ли и возможно

---

*) „За продажу питей изъ мѣстъ раздробительной продажи въ долгъ, на счетъ будущаго урожая, или подъ закладъ платя, посуды или иныхъ вещей и за промѣнъ оныхъ на хлѣбъ или другія сельскія произведенія, а также за платежъ виномъ вмѣсто денегъ, по обязательствамъ или за произведенныя работы, виновные въ этомъ под-

различными подобными мѣрами значительно уменьшить потребление водки, составляющее, кромѣ потребности въ немъ народа при его физическомъ трудѣ, какое-то подобіе культа. Это потребление, какъ видно изъ приводимыхъ ниже цифръ, могло бы, не уменьшаясь, сдѣлаться болѣе безвреднымъ, лишь бы оно стало равномернѣе и не сопровождалось бы всякаго рода соблазнами и даже преступленіями.

Изъ этого ясно, что въ дѣлѣ, столь сложномъ и затрогивающемъ столь разнообразныя стороны экономической и нравственной жизни, какимъ представляется въ настоящее время въ Россіи питейный вопросъ, необходимо принимать въ расчетъ всѣ условія, которыхъ оно касается, дабы благія въ одномъ отношеніи мѣры не стали пагубными въ другомъ. Въ сложномъ питейномъ дѣлѣ необходимъ рядъ мѣръ, значеніе коихъ было бы строго обусловлено взаимною ихъ связью и опредѣленными цѣлями; другими словами, необходима система. Если же всѣми сознается неудовлетворительность настоящей системы, то необходима замѣна ея новою, а поправить настоящую единичными мѣрами невозможно. Нельзя не замѣтить, что изъ правительственной программы вопросовъ, предложенныхъ на заключеніе мѣстныхъ комиссій, видно, что не имѣется въ виду измѣнить систему продажи вина, а только предполагается изыскать такія единичныя мѣры, которыя ослабили бы хоть сколько-нибудь развившееся зло, обнаруженное уже довольно продолжительною практикой акцизной системы,

---

вергаются въ первый, второй и третій разъ денежному взысканію отъ пяти до пятидесяти рублей. Взятая же ими въ залогъ вещи возвращаются, а долгъ считается неподлежащимъ платежу“. 1862 Март. 20 (38079) ст. 35; Уст. Пнт., прил. къ ст. 407, ст. 26, 27, по Прод. 1883 года. Этотъ законъ легко обходится, и особенно Евреями, при помощи подставнаго третьяго лица.

т. е. предполагается подставить подъ настоящую систему подпорки. Такъ, на примѣръ, вопросъ о существованіи кабака, какъ спеціальнаго учрежденія для вино-торговли, притомъ содержамаго частными лицами, повидимому, предрѣшенъ уже. Хотя, такимъ образомъ, до нѣкоторой степени и были предрѣшены нѣсколько вопросовъ правительственной программы, все-таки весьма трудно было бы дать удовлетворительные отвѣты на рядъ вопросовъ, необусловленныхъ одинъ другимъ, и такую постановкою ихъ можно объяснить причину столь значительнаго разнообразія въ отвѣтахъ губернскихъ и областныхъ комиссій. Дѣйствительно, на примѣръ, какъ отвѣтить, еслибы спросили, безъ дальнѣйшихъ оговорокъ, какому виду заведеній съ продажей питей отдать предпочтеніе? Продажа, на примѣръ, водки въ разныхъ мелочныхъ лавочкахъ, трактирахъ и другихъ заведеніяхъ, не для исключительной торговли виномъ, могла бы быть допущена, но только обставленная цѣлымъ рядомъ другихъ мѣръ, клонящихся къ облегченію и усилению надзора за нею, именно при продажѣ вина только на выносъ, только въ запечатанной посудѣ и т. п., безъ чего контроль надъ продажей сдѣлался бы совершенно невысшимъ, и доходъ отъ акциза на вино быстро понизился бы, благодаря облегченной возможности разбавлять вино и продавать корчемную водку. Такимъ образомъ, на каждый подобный вопросъ можно удовлетворительно отвѣчать только условно, т. е. только обдуманною системой мѣръ. Но для того, чтобы построить цѣлый рядъ мѣръ, необходимо прежде всего имѣть въ виду тѣ цѣли, къ которымъ должно стремиться, и тѣ предѣлы, изъ коихъ не слѣдуетъ выходить.

При откупной системѣ народъ пилъ меньше, и казна получала относительно менѣе дохода; наживались отдѣльные лица, а сельское хозяйство не было еще столь интенсивнымъ, въ особенности во всей центральной земледѣльской полосѣ Россіи, какъ теперь, при быстромъ увеличеніи народонаселенія, при захватѣ всѣхъ оставшихся свободными, сколько-нибудь удобныхъ, земель подъ посѣвы, и при уменьшеніи плодородія почвъ; еще не было тогда такой настоятельной потребности въ различныхъ усовершенствованныхъ способахъ обработки, удобрения и въ различныхъ искусственныхъ подспорьяхъ, какъ винокурение, на примѣръ, безъ которыхъ во многихъ мѣстностяхъ хозяйство стало совершенно невыгоднымъ. При настоящей акцизной системѣ, казна получаетъ огромный доходъ, народъ пьянствуетъ больше, наживаются нѣкоторые кабатчики, а сельское хозяйство не имѣетъ поддержки въ винокурениі, при выгодности его только для крупныхъ заводовъ, благодаря нормѣ выходовъ (перекуру) и необходимости имѣть значительный оборотный капиталъ при заводѣ для уплаты акциза и залоговъ.

Поэтому въ настоящее время всѣ измѣненія въ нашемъ питейномъ дѣлѣ должны быть направлены къ достиженію трехъ главнѣйшихъ цѣлей: 1) улучшенія народнаго благосостоянія и нравственности; 2) доставленія государству наибольшаго дохода; 3) содѣйствія винокурениемъ сельскому хозяйству.

Предлагаемою ниже системой мы именно и стремимся показать, что, только имѣя въ виду совокупность этихъ трехъ важнѣйшихъ задачъ и равновѣсія въ ихъ требованіяхъ, можно было бы удовлетворительнымъ образомъ разрѣшить столь серьезный экономическій вопросъ, какимъ

стало у насъ питейное дѣло, съ одной стороны представляющее народное бѣдствіе, а съ другой—наибольшій источникъ дохода для государства.

Въ предлагаемой системѣ нѣтъ ничего новаго, и она потребовала бы не ломки настоящей системы, а только новой организаціи дѣла; она представляетъ, въ возможно логическомъ цѣломъ, сводъ предлагавшихся мѣръ, клонящихся къ достиженію совокупно всѣхъ трехъ вышеуказанныхъ цѣлей. Въ этой системѣ соединяются хорошія стороны прежней казенной и нынѣшней акцизной системы и отброшены ихъ дурныя и слабыя стороны. Главнѣйшія основанія предлагаемой системы будутъ слѣдующія:

1) Все выкуриваемое на заводахъ вино должно сдаваться въ казну и продажа его должна быть казенная.

2) Акцизъ съ вина долженъ быть отмѣненъ.

3) Должна быть установлена опредѣленная такса стоимости вина въ продажѣ, не менѣе 6 руб. за ведро.

4) Цѣна части ведра въ продажѣ должна быть пропорціональна цѣнѣ цѣлаго ведра.

5) Вино должно продаваться въ запечатанной посудѣ, подъ бандеролью.

6) Вино должно продаваться только на выносъ изъ спеціальныхъ мѣстъ питейной продажи.

7) Винныя лавочки не должны торговать ничѣмъ инымъ кромѣ вина, не должны имѣть ни стакановъ, ни рюмокъ, ни другой посуды для питья, ни мебели и т. д.; въ нихъ должны вестись шнуровыя книги о принятомъ съ заводовъ или складовъ и о проданномъ винѣ. Вино не должно отпускаться въ долгъ и служить предметомъ сдѣлокъ.

8) Кабатчики могут быть наемные, и содержание имъ можно легко установить по расчету, зная число кабаковъ, количество народонаселенія и потребляемаго вина въ данной мѣстности. Въ отвѣтственности за злоупотребленія кабатчиковъ могутъ участвовать сельскія власти и круговая порука общества.

9) Винокурение должно быть свободно и предоставлено всѣмъ, кромѣ Евреевъ, которымъ должно быть безусловно запрещено, подъ страхомъ строгаго взысканія, какое бы то ни было прикосновеніе къ торговлѣ виномъ.

10) Карательныя постановленія по нарушеніямъ питейнаго устава должны быть такъ соображены, чтобы злоупотребленія не были выгодны, какъ теперь *).

При исполненіи приведенныхъ требованій сами собою устраняются препятствія къ существованію мелкихъ заводовъ, которые бы удовлетворяли требованіямъ типа сельскохозяйственнаго завода для потребностей одного только имѣнія, и становятся ненужными перекуръ и обременительные для заводчиковъ платежи акциза и взносы залоговъ.

Система казенной продажи вина впервые предложена была въ *Московскихъ Вѣдомостяхъ*, въ 1881 году. Въ статьѣ «Нѣсколько мыслей по поводу низкаго курса нашихъ бумажныхъ денегъ и нѣкоторыхъ другихъ экономическихъ явленій и вопросовъ» **) нашъ извѣстный ученый

---

*) Теперь, напримѣръ, размѣръ штрафа за отпускъ вина не надлежащей крѣпости (въ кабакахъ) не сообразуется съ количествомъ проданнаго такого вина и съ тѣмъ обстоятельствомъ, насколько градусовъ окажется вино ниже установленной крѣпости и т. п., почему является прямая выгода въ указанномъ злоупотребленіи, лишь бы выручить отъ него сумму, бѣльшую суммы штрафовъ.

**) *Русскій Вѣстникъ*, 1882 года, №№ 7 и 8.

Н. Я. Данилевскій, со своею обычною логикой и доказательностью, развилъ въ общихъ чертахъ ту же мысль. Наконецъ, еще подробнѣе эта мысль развита въ скромной статьѣ «*По поводу кабаковъ и штофныхъ лавокъ*» *) «Стараго владѣльца завода», отличающагося близкимъ знакомствомъ съ питейнымъ дѣломъ. Нѣкоторыя изъ вышеприведенныхъ предложеній высказывались отдѣльно какъ въ печати, такъ и официально губернскими и областными комиссіями; но какъ отдѣльныя мѣры они не могли бы принести той пользы и имѣть то значеніе, которое они приобрѣтаютъ въ связи съ рядомъ другихъ мѣръ. Казенная продажа вина была также предложена Орловскою комиссіей, которая и указывала на выгоды отъ нея для доходовъ государства.

Мы не станемъ развивать и повторять тѣхъ ясныхъ и убѣдительныхъ доказательствъ, которыя уже приведены въ вышеупомянутыхъ статьяхъ въ пользу предлагавшихся въ нихъ мѣръ, и въ другихъ статьяхъ въ пользу отдѣльныхъ положеній, приведенныхъ выше, а рассмотримъ только тѣ послѣдствія, которыя произойдутъ отъ этихъ мѣръ.

Разсмотримъ прежде всего, какимъ образомъ и въ какой мѣрѣ увеличится доходъ казны. Для этого необходимо сдѣлать слѣдующіе расчеты:

Стоимость ведра сорокаградусной водки заводчику составляетъ отъ 80 к. до 1 рубля. Акцизъ въ казну, по 8 к. съ градуса, составляетъ 3 р. 20 к. съ ведра. Итого, стоимость ведра—отъ 4 р. до 4 р. 20 к. Принимая во вниманіе распивочную и раздробительную про-

---

*) *Русь*, за 1883 годъ. №№ 16 и 22.

дажу и продажу очищенного вина, оно среднимъ числомъ стѣитъ не менѣе 6 р. за ведро (въ 40^о), т. е. отъ 1 р. 80 к. до 2 р. 20 к. на ведро не получаютъ ни казна, ни заводчики, и эти деньги идутъ въ пользу кабатчиковъ и факторовъ *).

По свѣдѣнїямъ, опубликованнымъ въ *Ежегодникъ Министерства Финансовъ*, въ 1881 году было выпущено изъ заводскихъ подваловъ безводнаго спирта и оплачено акцизомъ 28.399,605 ведеръ, что составляетъ 70.999,012 вед. сорокаградуснаго вина и 227.196,840 р. акциза, и 2.023,740 ведеръ безводнаго спирта-перекура, что составляетъ 5.059,320 ведеръ сорокаградуснаго вина и потери казнѣ (такъ какъ съ перекура акцизъ не взимается) въ 16.189,920 р. Всего, такимъ образомъ, потреблено въ 1881 году сорокаградуснаго вина 76.058,332 ведра. Мы оставляемъ внѣ расчета то сравнительно небольшое количество спирта, которое отпускается за-границу и не оплачивается, какъ и перекуръ, акцизомъ, именно 579,883 ведра безводнаго спирта, на чемъ казна теряетъ 4.638,664 рубля.

Считая по 6 р. за ведро на все количество потребляемаго въ Россїи вина, ни казна, ни заводчики не

*) Что дѣйствительно водка обходится потребителямъ не менѣе 6 р. за ведро, въ среднемъ числѣ, видно изъ слѣдующей таблицы стоимости ея въ раздробительной продажѣ, по свѣдѣнїямъ, взятымъ изъ разныхъ губерній:

$\frac{1}{100}$	часть ведра, шкаликъ,	стѣитъ 7 коп., а 100 шк.	. . .	7 р. к.
$\frac{1}{50}$	„ „ косушка,	„ 14 „ „ 50 кос.	. . .	7 „ —
$\frac{1}{20}$	„ „ полштофа	„ 35 „ „ 20 полушт.	. . .	7 „ —
$\frac{1}{10}$	„ „ штофъ	„ 60 „ „ 10 шт.	. . .	6 „ —
$\frac{1}{4}$	„ „ четверть	„ 1 30 „ „ 4 четв.	. . .	5 „ 20
$\frac{1}{2}$	„ „ полведра	„ 2 60 „ „ 2 полув.	. . .	5 „ 20
1	ведро	. . . . .	. . . . .	5 „ 20

получаютъ минимально 136.904,997 рублей, которые поступаютъ въ руки кабатчиковъ *). Кроме того, казна на перекуръ теряетъ 16.189,920 р., какъ показано выше, и наконецъ, если положить, что въ кабакахъ прибавляется по одному ведру воды къ восьми ведамъ сорокаградусной водки (что составляетъ еще водку въ $35\frac{1}{2}^0$ и въ чемъ сомнѣнія быть не можетъ), то потребители платятъ еще по 6 р. за $8\frac{1}{2}$ миллионъ ведеръ воды, что составитъ еще 51 миллионъ рублей, которые бы могли остаться въ пользу казны при предлагаемой системѣ, а всего казна могла бы получить лишнихъ противъ теперешняго (выключая даже всю сумму патентнаго сбора въ 13.415,367 р.)—193.679,550 рублей.

По тѣмъ же официальнымъ свѣдѣніямъ, изъ вѣдомости о числѣ мѣстъ питейной продажи видно, что въ 1881 году таковыхъ было около 150,000 (145,833 въ первое полугодіе и 153,728 во второе, считая всѣ безъ исключенія мѣста продажи питей: питейные дома, штофныя лавки, корчмы, ренсковые погреба, портерныя, трактирныя заведенія и даже постолые дворы, буфеты и заѣзжіе дома). Считая минимальный доходъ продавцевъ водки, какъ выше было показано, въ 174.489,630 руб. (136.904,997 руб. + 51.000,000 руб., за вычетомъ всего патентнаго сбора 13.415,367 руб. въ годъ) и раздѣливъ это число на число мѣстъ питейной торговли, получимъ минимальный средній прямой доходъ одного такого мѣста въ 1,163 рубля съ копѣйками, что составляетъ около

---

*) Эта цифра получена отъ помноженія 1 р. 80 к. (т. е. той суммы, которая достается съ ведра за факторство кабатчикамъ) на 76.058,332 (число ведеръ сорокаградуснаго вина, потребляемаго въ Россіи).

50% чистой прибыли *), и не съ основного капитала, а со всей суммы оборотовъ кабатчиковъ! Какое обезпеченное и постоянное предпріятіе можетъ давать такую прибыль, и не справедливо ли было бы эти деньги обратитьъ въ пользу государства, прекративъ эту легкую, непродуцительную и безнравственную по своей сущности наживу? Если установить, для расчета нашего, плату сидѣльцамъ, хотя бы въ размѣрѣ 7% со всего капитала, то это составило бы вполне приличное вознагражденіе за комиссію, а именно около 213 р. въ среднемъ на каждое мѣсто питейной продажи (76.058,332 ведра стóятъ по 6 р.— 456.349,992 р.; 7% съ этой суммы составятъ 31.944,499 рублей, при 150,000 кабакахъ придется на каждый въ среднемъ около 213 руб.). Но при новой системѣ, когда кабакъ потеряетъ свои соблазнительныя свойства и не будетъ для казны надобности въ такомъ значительномъ ихъ количествѣ, число ихъ естественно должно будетъ уменьшиться и доходъ каждаго кабака въ среднемъ увеличится. Теперь, считая 80 милліоновъ жителей въ Россіи, одинъ кабакъ приходится на 533 жителя приблизительно; примемъ, что при новой системѣ одинъ кабакъ будетъ приходиться даже не на 1,000 жителей, какъ всего чаще предлагается установить, а на 750 человекъ, тогда общее число мѣстъ питейной торговли уменьшилось бы до 106,666 и средній доходъ каждаго (7%) увеличился бы до суммы въ 300 р.

---

*) 76.058,332 ведра вина стóятъ кабатчикамъ, считая по 4 р. (3 р. 20 к. акциза и по 80 к. заводчику) ведро сорокаградуснаго вина, 304.233,328 р.; прибавимъ къ этому на прочіе расходы содержателей мѣстъ питейной торговли по найму помещенія, перевозкѣ вина, усышкѣ, утечкѣ еще по 50 к. на ведро, именно 38.029,166 р., и всего бу-

Если положить на расходы казны по утечкѣ, усышкѣ, храненію (въ тѣхъ же складахъ, которые теперь существуютъ), разливкѣ въ посуду и въ пользу заводчика и проч. по 40 к. съ ведра (расчетъ посуды сюда не включень, потому что плата за нее можетъ покрывать расходы), то получится къ прежней суммѣ 31.944,499 р. (плата сидѣльцамъ), еще расходъ казнѣ въ 30.423,332 р. На надзоръ по разливкѣ и запечатыванію посуды, за кабаками, по сбору денегъ и т. д., положимъ, что потребовалось бы увеличеніе состава нынѣшняго акцизнаго вѣдомства въ слѣдующихъ размѣрахъ: по одному чиновнику на заводъ, которыхъ, по тѣмъ же свѣдѣніямъ, было въ 1881 году 2,574, а считая, что это число увеличится при возможности существованія мелкихъ заводовъ до 3,000 и по одному чиновнику для надзора за 30 кабаками, что составитъ еще 3,333 человека (принимая 100,000 мѣстъ питейной торговли), всего 6,333 человека. Полагая среднимъ числомъ по 1,000 рублей содержанія каждому (кромѣ процента, который могъ бы быть имъ предоставленъ со штрафовъ), получимъ еще расходъ въ 6.333,000 р. Полагая еще за провозъ вина съ заводовъ въ мѣста питейной продажи среднимъ числомъ по 5 к. съ ведра, получимъ еще расходъ въ 3.802,916 р. Мы полагали, что сверхъ 76 милліоновъ ведеръ, оплачиваемыхъ акцизомъ, потребляется еще 8¹/₂ милліоновъ ведеръ воды и за это количество вина казна должна будетъ платить заводчикамъ около 1 руб. за ведро, т. е. 8.500,000 р., которые надо прибавить къ исчисляемымъ расходамъ. Наконецъ, если положить на

деть 342.262,494 р. Съ этой суммы продавцы получаютъ 174.489,630 р., т. е. около 50% чистой прибыли со всѣхъ оборотовъ своихъ.

наемъ помѣщеній и проч. непредвидѣнные расходы еще 100 руб. на кабакъ, то будемъ имѣть еще расходъ въ 10 милліоновъ рублей, а всего новая система потребуетъ расхода изъ вышеисчисленныхъ прибылей (въ 193.679,550 р.)—91.003,747 руб., такъ что за расходами очистится еще 102.675,803 р.!

Мы брали нарочно крайне высокія цифры при исчисленіи расходовъ, которые будутъ вызваны новою системою, и низкія цифры при исчисленіи прибылей, чтобы нельзя было сдѣлать намъ возраженія, что перемѣна системы потребуетъ такихъ значительныхъ расходовъ, на которые пошли бы всѣ прибыли.

Кромѣ значительнаго увеличенія государственнаго дохода, которое разомъ могло бы вывести наше финансовое положеніе изъ затрудненій и дало бы возможность въ нѣсколько лѣтъ погасить значительную часть наиболѣе невыгодныхъ для насъ государственныхъ долговъ, по примѣру Сѣверо-Американскихъ Соединенныхъ Штатовъ, предлагаемая система въ значительной мѣрѣ устраняетъ возможность и разнообразіе злоупотребленій въ торговлѣ виномъ, облегчаетъ учетъ выкуреннаго вина и надзоръ за продажей вина. При установленіи пропорціонально одинаковой цѣны ведерному и чарочному вину и при установленіи таксы на вино не будетъ никакой выгоды въ шинкарствѣ; при продажѣ въ питейныхъ лавочкахъ только вина и въ запечатанной посудѣ только на выносъ, устраненіи Евреевъ отъ всякаго прикосновенія къ питейному дѣлу, введеніи шнуровыхъ книгъ въ кабакахъ, гдѣ должно записываться количество полученнаго вина изъ складовъ и проданнаго потребителямъ и по которымъ должны сдаваться вырученныя деньги, надзоръ за

питейною продажей сведется къ осмотру запечатанной посуды въ лавочкахъ, сличенію шнуровыхъ книгъ въ лавкахъ и складахъ и провѣркѣ лавочныхъ книгъ съ наличностью въ лавочкахъ. Надзоръ за заводами будетъ также проще: надобно будетъ только слѣдить за тѣмъ, чтобы все выкуриваемое вино поступало въ казенные склады и не продавалось бы никому кромѣ казны, а за тѣмъ оставался бы только надзоръ за разливкой вина въ посуду и опечатываніемъ ея.

Полиціи,—которая къ акцизному вѣдомству поставлена теперь въ ненормальныя условія, такъ какъ она по части надзора за питейнымъ дѣломъ является вторымъ, но не равноправнымъ хозяиномъ въ томъ же дѣлѣ,—оставалось бы только наблюдать, чтобы не было распивочной продажи, продажи вина въ незапечатанной посудѣ, и тайной продажи вина съ заводовъ. Эти функціи вполне соответствовали бы роли полиціи, какъ власти предупреждающей и пресѣкающей преступленія, и она могла бы быть въ этой роли самостоятельна и отвѣтствовать за свое дѣло, что необходимо для его успѣха, не говоря уже о томъ, что полиція обладаетъ наибольшими средствами къ обнаруженію подобныхъ злоупотребленій. При уменьшеніи возможности злоупотребленій и ихъ разнообразія, карательныя постановленія не будутъ мертвою буквой и могутъ быть легче примѣняемы, а тѣмъ самымъ станутъ дѣйствительнѣе и наказаніе будетъ легче достигать виновнаго. Расходы правительства на содержаніе питейныхъ лавочекъ не пропадутъ безъ пользы для государства, такъ какъ продажа вина можетъ быть поручаема разнымъ отставнымъ заслуженнымъ солдатамъ, инвалидамъ, писарямъ и т. п.

Что касается народной нравственности и благосостоянія, нечего, кажется, и говорить, что предлагаемая мѣра дадутъ благопріятные результаты. Кабакъ перестанетъ быть мѣстомъ разврата и обирательства, вино будетъ потребляться равномернѣе и будетъ гораздо меньше стоить народу, который платитъ за воду какъ за сорокаградусное вино. Надзоръ за тѣмъ, чтобы вино не продавалось въ долгъ, будетъ очень легокъ, такъ какъ при казенной продажѣ деньги, накапливающіяся въ лавкѣ, должны будутъ посылаться хоть разъ въ недѣлю въ казначейства, и повѣрка наличнаго количества вина въ лавкѣ со шнуровыми книгами и наличною кассой будетъ обнаруживать злоупотребленіе.

Уничтоженіе перекура, — этого покровителя большихъ заводовъ, не дающаго возможности конкуррировать съ ними мелкимъ, — устраненіе многихъ формальностей, при новой системѣ ненужныхъ, пониженіе цѣны патентовъ для заводчиковъ, вѣрный и опредѣленный сбытъ въ казну вина, устраненіе надобности въ значительныхъ оборотныхъ капиталахъ для представленія залоговъ и для платежа впередъ акциза и возможность, вслѣдствіе того, заводчику выручить за свое вино гораздо скорѣе всю цѣну употребленныхъ продуктовъ, все это облегчитъ существованіе болѣе мелкихъ заводовъ, дастъ возможность выработаться столь желаемому типу сельско-хозяйственнаго винокуреннаго завода, который удовлетворялъ бы потребностямъ даннаго имѣнія.

Противъ предлагаемой системы могутъ быть сдѣланы разныя возраженія, изъ коихъ главнѣйшія суть слѣдующія:

1) При казенной монополіи пить будутъ меньше и

количество потребляемаго теперь вина значительно уменьшится, а слѣдовательно, и исчисленныхъ выше выгодъ не будетъ;

2) казна не будетъ въ состояніи ввести эту систему, нуждаясь въ значительномъ свободномъ оборотномъ капиталѣ;

3) чиновничья неблагонадежность не дастъ осуществить съ успѣхомъ предлагаемую монополію.

Разсмотримъ каждое изъ приведенныхъ возраженій.

1) Вино необходимо для народа, онъ долженъ и будетъ его пить; вопросъ только въ томъ, какъ. Ни одно торжество, ни одно печальное событіе, родины, свадьба, крестины, похороны, никакая сдѣлка, предпріятіе, выборы, мірская сходка, полевые работы, никакой мало-мальски выходящій изъ повседневной жизни случай не обходится у крестьянина безъ возліянія, уже не говоря о фабричномъ людѣ, потребляющемъ, относительно, еще болѣе вина въ городахъ; иная свадьба стѣитъ крестьянину одною водкой годового его дохода, и онъ поставилъ бы себѣ въ безчестіе пожалѣть послѣднія деньги на вино. Всего этого никакими мѣрами уничтожить нельзя, а это случаи наибольшаго спроса на вино. При продажѣ его только на выносъ дѣйствительно количество ведеръ * потребляемаго вина въ государствѣ можетъ убавиться, но при расчетѣ мы имѣли и это въ виду; мы не считали потери казны теперь на корчемствѣ и не считали, что вмѣсто корчемной воды народъ будетъ пить сорокаградусное вино, платя за него казнѣ по 6 р. за ведро, и, кромѣ того, брали минимальное количество разбавки кабатчиками вина водой на $\frac{1}{9}$, цифру далеко ниже дѣйствительной; наконецъ, мы принимали въ расчетъ свѣ-

дѣнія за 1881 годъ, а съ тѣхъ поръ еще увеличилось количество потребляемыхъ градусовъ вина въ Россіи. При новой системѣ народъ будетъ пить вино только сорокаградусное, и число потребляемыхъ градусовъ ни въ какомъ случаѣ не уменьшится. Пусть, однако, казнѣ не удалось бы продать ни одного ведра сорокаградуснаго вина взаменъ потребляемыхъ теперь, какъ выше исчислено, $8\frac{1}{2}$ милл. ведеръ воды (что невозможно), все-таки изъ исчисленныхъ выше прибылей во 102.675,803 р. останется 51.675,803 р. чистой прибыли казнѣ, но за то въ карманѣ народа останется по 51 миллиону руб. ежегодно, которые онъ теперь платитъ такъ-называемымъ Разуваемымъ за воду—результатъ, не менѣе утѣшительный, чѣмъ приведенный выше!

При нашихъ вычисленіяхъ мы не прибѣгали ни къ какимъ натяжкамъ; напротивъ, мы брали, такъ сказать, мѣры, которыя всегда останутся въ рукахъ правительства, напр. на повышеніе цѣны вина и т. п. выгоды, которыя проистекають отъ монополіи.

2) Для осуществленія предложенной системы на первое время не потребуется никакихъ затратъ на покупку вина съ заводовъ, такъ какъ казна можетъ при первой покупкѣ у заводчиковъ нужнаго ей количества вина уплатить деньги послѣ того, какъ она продастъ купленное вино и получить за него сумму, въ пять разъ большую противъ той, которую ей придется заплатить заводчикамъ за купленное вино (покупать казна будетъ отъ 80 к.—1 р. 20 к., а продавать по 6 руб. за сорокаградусное ведро). Заводчикамъ же это не будетъ вовсе обременительно, а даже выгоднѣе нежели теперь,

такъ какъ они теперь, платя за ведро 3 р. 20 к. акциза впередъ, выручаютъ свои затраты гораздо медленнѣе. Теперь же акциза имъ не пришлось бы платить, а только подождать на первый разъ нѣсколько мѣсяцевъ уплаты, что имъ будетъ тѣмъ нечувствительнѣе, что оборотный капиталъ, который они имѣютъ для уплаты акциза, останется у нихъ свободнымъ.

3) Противъ третьяго возраженія можно привести опытъ послѣдняго времени, который приводитъ къ заключенію, что какъ ни плохо бываетъ казенное управленіе, но оно все-таки оказывается часто лучше частнаго *). Довольно предпріятій и дѣлъ предоставляло у насъ правительство частной предпріимчивости, чтобы можно было судить о результатахъ. Желѣзныя дороги, банки, всевозможныя акціонерныя товарищества и т. п. только тогда благоденствуютъ, когда ихъ выручаетъ казна. Ученіе о предоставленіи всего (чуть ли не государственной власти) частной предпріимчивости и конкуренціи, родившееся на почвѣ англійскаго утилитаризма, гдѣ оно только и имѣетъ смыслъ, примѣненное у насъ въ послѣднее время въ широкихъ размѣрахъ, уже оцѣнено по достоинству на западѣ континентальной Европы, и выдающіеся государственные дѣятели употребляютъ тамъ всѣ старанія, чтобы благо государства не находилось въ зависимости отъ произвола частныхъ предпріятій, другими словами, ведутъ такую внутреннюю политику, чтобы интересы частныхъ предпріятій не расходились съ обще-государ-

---

*) Хорошій этому примѣръ Тамбовско-Саратовская желѣзная дорога, взятая недавно въ казенное управленіе. Казна ежегодно приплачивала по гарантіи этой дорогѣ, а теперь получаетъ съ нея чистый доходъ. См. Вѣстн. Финанс. 1885 г.

ственными. Предпріятіе, выгодное, напр. концессіонеру желѣзной дороги, выгодный бавкирамъ государственный заемъ— конечно не выгодны для государства. Что выгоднѣе правительству, отдавать ли народную нравственность и благосостояніе и около 200 милліоновъ рублей въ годъ завѣдомо въ руки арміи кабатчиковъ, или взять питейное дѣло въ свои руки и раздѣлить эти прибыли съ народомъ, поручивъ это дѣло людямъ по своему выбору и тѣмъ же чиновникамъ, которые и теперь доставляютъ въ казну ежегодно съ этого дѣла болѣе *трети* всего государственнаго дохода? Въ республиканской Франціи, гдѣ хищеніе выборныхъ «калифовъ на часъ» дошло до гомерическихъ размѣровъ, установлена, менѣе значительная по своимъ результатамъ, но труднѣе осуществимая на дѣлѣ, — подобная предлагаемой монополіи — табачная монополія, требующая техникувъ и спеціалистовъ и тѣмъ не менѣе доставляющая государственному казначейству свыше 400 милл. фр. дохода въ годъ. Конституціонное Германское правительство скупаетъ желѣзныя дороги въ свои руки, а князь Бисмаркъ добьется, хотя потерпѣлъ уже неудачу въ парламентѣ, введенія въ Германіи и табачной монополіи. Чиновничья неблагонадежность есть, впрочемъ, общее мѣсто (которымъ часто злоупотребляютъ, не находя другихъ возраженій), ничего недоказывающее, а въ сущности — синонимъ обще-человѣческой неблагонадежности: ни хорошая организація, ни строгая отвѣтственность, ни уложеніе о наказаніяхъ, никакіе законы и мѣры никогда не искоренятъ злоупотребленій и преступленій; но изъ этого далеко не слѣдуетъ еще, что не должно быть законовъ и что не можетъ быть хорошей организаціи.

При предлагаемой системѣ, какъ выше показано, надзоръ и контроль за продажей вина безспорно облегчится и уже потому станетъ дѣйствительнѣе. Нынѣшняя гласность, участіе Городскихъ Думъ, полиціи, сельскихъ обществъ въ надзорѣ могутъ только еще болѣе уменьшить злоупотребленія, а потому и карательныя постановленія имѣютъ шансы не оставаться мертвою буквою. Надзора за заводами мы не касались, такъ какъ заводы отнюдь не должны быть казенными; тѣже чиновники дѣйствуютъ здѣсь и теперь, а конечно наиболѣе крупныя злоупотребленія могутъ дѣлаться именно тутъ, слѣдовательно рѣчь о чиновничьей благонадежности въ надзорѣ за заводами относится въ равной мѣрѣ и къ нынѣшней акцизной системѣ. Исторія государственныхъ учрежденій показываетъ, что дурныя учрежденія развращаютъ общество, хорошія же ихъ воспитываютъ и что труднѣе дурнымъ людямъ испортить хорошее учрежденіе, нежели хорошимъ людямъ поправить плохое (не измѣняя конечно самого учрежденія). Поэтому конечно главная забота при организаціи казенной винной монополіи должна быть направлена на то, чтобы уменьшить до возможнаго минимума соблазны, которые представляетъ сложное казенное хозяйство. Казнѣ безусловно не слѣдуетъ самой курить вино, тѣмъ болѣе что такая постановка дѣла не удовлетворяла бы стремленію облегчить существованіе сельскохозяйственныхъ заводовъ. Казнѣ отнюдь не слѣдуетъ заниматься постройками и заводить свои склады — ихъ и заводить нечего, такъ какъ они существуютъ теперь при каждомъ заводѣ; винныя лавочки должны быть наемныя и казнѣ нечего нести расходы на постройку кабаковъ, которые могутъ

быть часто перемѣщаемы по разнымъ причинамъ. Останется только улучшить тотъ же теперешній надзоръ за заводами и сосредоточить вниманіе на наилучшую обстановку пріема съ заводовъ вина и его розливку, такъ какъ производство собственно казенной продажи вина при предполагаемой системѣ не дастъ большаго простора для злоупотребленій, какъ показано выше. Страхъ, какъ извѣстно, имѣетъ всегда своимъ основаніемъ неизвѣстность и не можетъ пройти, пока человѣкъ не ознакомится ближе съ предметомъ, наводящимъ на него страхъ: такъ и въ данномъ дѣлѣ, если хорошенько въ него вникнуть, то увидишь, что организація казенной продажи вина—дѣло вовсе не сложное и что хорошо обдуманнми мѣрами можно его оградить отъ человѣческихъ слабостей гораздо легче, нежели напр. въ сложномъ желѣзнодорожномъ, лѣсномъ и т. п. хозяйствѣ.

Неужели осуществленіе предлагаемой системы останется философскимъ камнемъ, вслѣдствіе пустыхъ возраженій, въ виду громадныхъ прибылей государству, которыя могутъ въ короткое время привести его финансы въ блестящее и независимое положеніе? На это можно отвѣчать только латинскою пословицей, что въ дѣлахъ человѣческихъ «*qui vult, potest*» (кто хочетъ, тотъ можетъ).

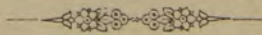
Послѣ того, какъ нами написаны эти строки, было обнародовано Высочайше утвержденное мнѣніе Государственнаго Совѣта, 18 мая 1885 г., о повышеніи акциза на спиртъ и вино на 1 к., съ 8 до 9 коп., съ градуса или до 3 руб. 60 к. съ ведра сорокаградусной водки, о сокращеніи нормы перекуровъ и о другихъ измѣненіяхъ въ способахъ взиманія акциза, долженствующихъ содѣйство-

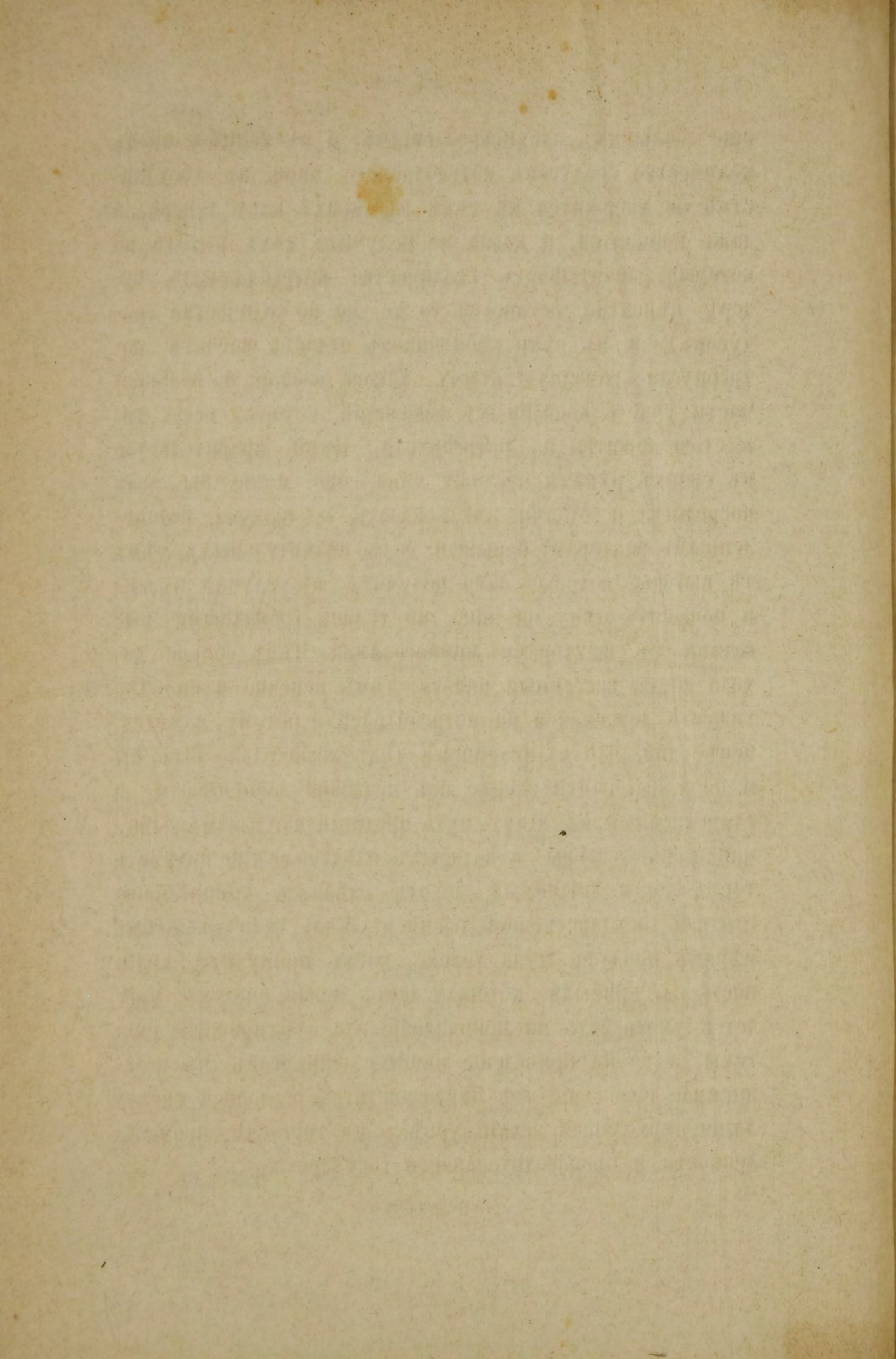
вать мелкому сельскохозяиственному винокурению. Повышеніе акциза на 12⁰/₀ должно по простому ариѣметическому расчету дать около 30 милліоновъ рублей лишняго дохода казнѣ, полагая, что потребляется въ годъ въ Россіи около 30 милліоновъ ведеръ безводнаго спирта. Наибольшее количество вина потребляется въ Россіи въ раздробительной продажѣ, повышеніе 1 коп. акциза на градусъ или 40 коп. на ведро не дастъ возможности разложить эту копѣйку на части, соотвѣтствующія дробнымъ частямъ ведра (на чарку, шкаликъ и т. д.) въ цѣлыхъ копѣйкахъ (напримѣръ, на $\frac{1}{100}$ ведра сорокаградуснаго вина придется $\frac{2}{5}$ копѣйки) и цѣловальники надбавятъ въ свою пользу круглыя копѣйки, т.-е., напримѣръ, вмѣсто 7 к. за $\frac{1}{100}$ ведра будутъ брать не $7\frac{2}{5}$ коп. (такой и размѣнной монеты нѣтъ), а 8 к. и ведро будетъ стоить не 7 руб., а 8 руб. въ раздробительной продажѣ, и изъ этого рубля въ пользу казны поступитъ 40 коп., а въ пользу кабатчиковъ 60 коп. Если считать, что половина потребляемой водки расходуется въ раздробительной продажѣ, то чтобы выручить свои 40 к. съ ведра сорокаградусной водки, казна должна заставить потребителей уплатить 24 милліона рублей въ пользу кабатчиковъ (всего потребляется, положимъ приблизительно 80 милліоновъ ведеръ сорокаградуснаго вина; половина этого расходуется въ раздробительной продажѣ и даетъ съ ведра по 60 к. цѣловальникамъ). Повышеніе акциза произведетъ такимъ образомъ вздорожаніе вина въ продажѣ не на 40 коп. на ведро, а на цѣлый рубль, и слѣдовательно, выгода въ шинкарствѣ еще увеличится, разбавка водой вина еще усилится, потребленіе вина уменьшится и вынудитъ кабатчиковъ къ

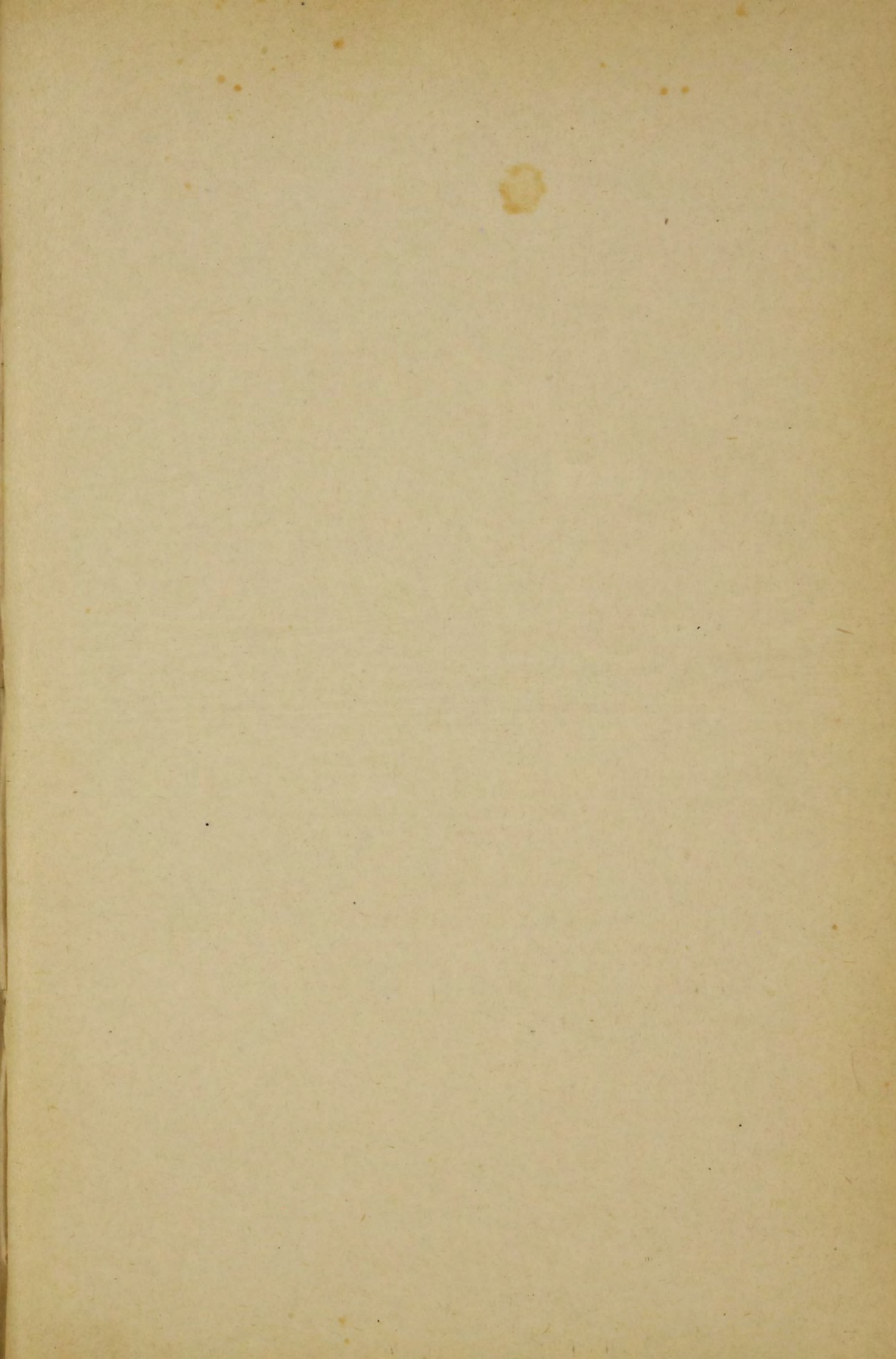
еще бѣльшимъ злоупотребленіямъ, и въ концѣ-концовъ количество градусовъ потребляемаго вина въ государствѣ не удержится въ тѣхъ размѣрахъ какъ теперь, а даже понизится, и казна не получитъ тѣхъ выгодъ на которыя рассчитываетъ (количество потребляемыхъ ведеръ: вѣроятно, останется то же, но не количество градусовъ), а въ руки кабатчиковъ отдастъ насчетъ потребителя громадную сумму. Такова вообще по большей части участь косвенныхъ обложеній, которыя всею тяжестью ложатся на потребителя. Имѣй правительство въ своихъ рукахъ продажу вина, оно могло бы безъ посредства и отдачи, такъ-сказать, *на откупъ*, безчисленнымъ факторамъ барышей, болѣе значительныхъ, чѣмъ тѣ выгоды, которыя само получить, въ случаѣ нужды и повысить цѣну на вино, не дѣлясь громадными выгодами съ факторами виннаго дѣла. Чѣмъ больше дохода дать косвенный налогъ, тѣмъ конечно и сильнѣе тяжесть, лежащая на потребителяхъ а потому, кажется, яснѣе дня, что въ питейномъ дѣлѣ желательно было бы и пора бы выйти скорѣе изъ подобной зависимости, и единственный къ этому путь представляютъ намъ вышеприведенныя мѣры, о которыхъ слѣдовало уже подумать тогда, когда питейный доходъ сдѣлался крупнѣйшею статьей государственной росписи. Жаль, если къ этимъ мѣрамъ придутъ тогда только, когда принудить крайность, и прибыли, которыя дастъ новая система, придется употребить на поправленіе зла отъ прежней системы, а не на приведеніе нашихъ финансовъ въ независимое положеніе отъ биржевой игры и ловкой спекуляціи, тормозящей всякій успѣхъ въ торговлѣ, промышленности и производительности государства.

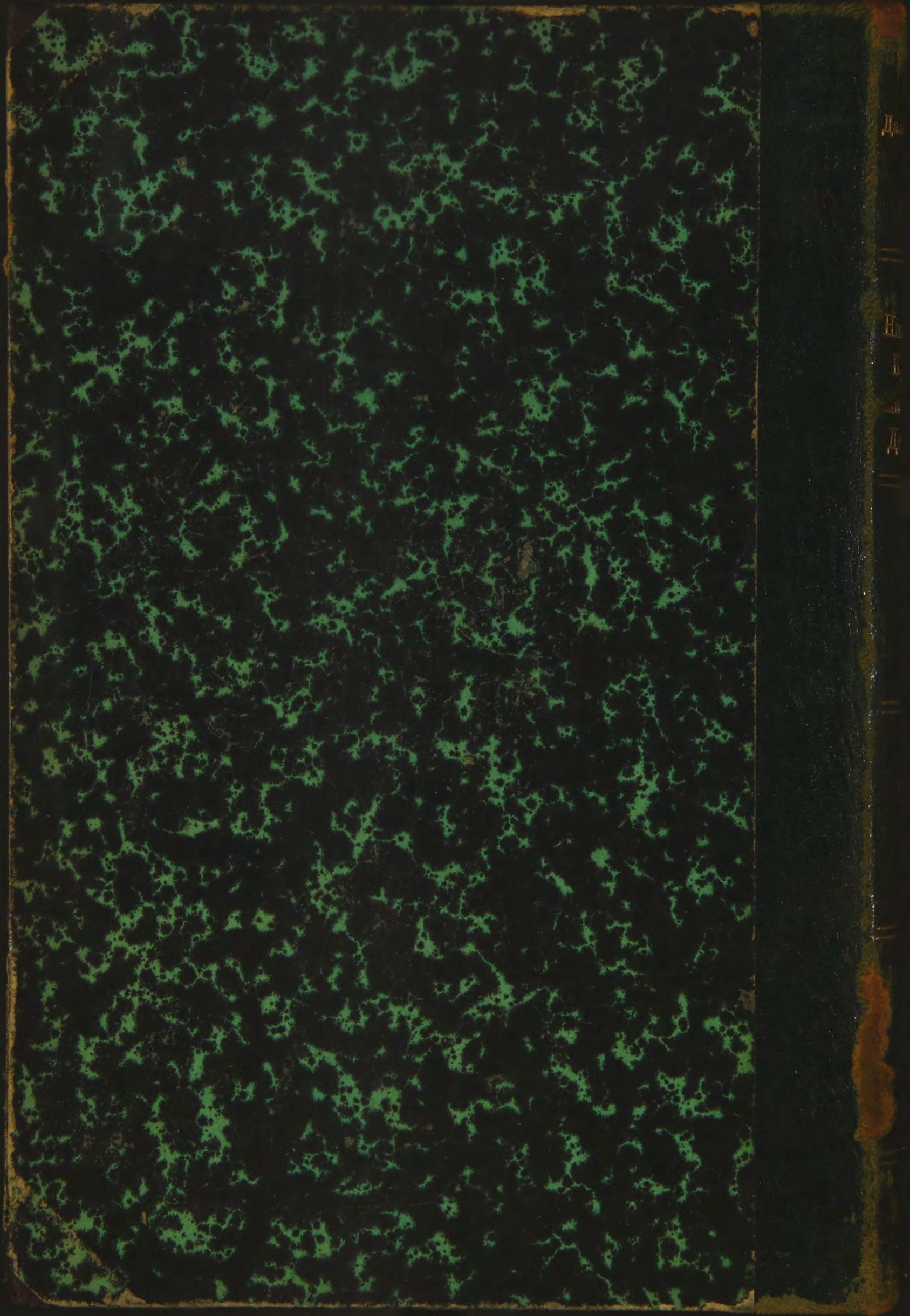

Д
—
Н
—
Д
—

Данилевскі

О

Низкомъ

Курѣв

Лашихъ

Денегъ

М. Ф.